

Альберт Хасанов

Полет пчелы

Рассказы о природе, зверях и птицах

Казань

Татарское книжное издательство

2005

УДК 820/89 (470)

ББК 84 (2 Рос = Рус) – 4

X 24

Хасанов А.Б.

Полет пчелы. Рассказы.— Казань: Татар. кн. изд-во, 2005,— 176 с.

В книгу писателя Альберта Хасанова вошли рассказы о природе, о зверях и птицах. Автор с любовью пишет о наших меньших братьях, призывает нас так же с любовью и бережно к ним относиться.

ISBN 5–298–04072–1

© Татарское книжное издательство, 2005

«Всю свою жизнь я был влюблен
в красавицу природу!»

Камиль Коро,
выдающийся французский
живописец-импрессионист

От автора

Мы живем сегодня под угрозой экологической катастрофы, а в обществе накопилось столько ненависти, злобы, зависти. Моя книга — о доброте, терпимости, снисходительности друг к другу и братьям нашим меньшим. Именно эти чувства делают человека Человеком. И если хоть кто-то, прочитав мою книгу, станет чуточку добрее и сердечнее,— буду считать, что старался не зря.

В летнюю пору я встаю особенно рано. Выхожу в сад. В дальнем его конце есть маленькая и очень уютная беседка. Там стоит стол, на нем — пишущая машинка. Не спеша снимаю крышку, закладывая чистый лист бумаги...

Ко мне тут же подбегает любимец всей нашей семьи вислоухий Муйнак. Песик он не злой, но, когда надо, ведет себя очень боевито: стоит кому-нибудь лишь открыть нашу калитку, как он тут же с громким лаем бросается навстречу. А вообще-то он ласковый и игривый. Вот и сейчас подскочил ко мне, видимо, соскучился за короткую ночь. Ему хочется поиграть, побегать с хозяином по саду. Но мне пока некогда. А Муйнак будто хочет спросить: «А чем же ты занят, хозяин? Что ты делаешь каждое утро в этой беседке?».

Здесь я работаю. Пишу книгу о цветах и травах, о зверях и птицах... Очень и очень их люблю... Но прежде чем сесть за эти рассказы, с рюкзаком за спиной я обошел пешком почти всю нашу страну. Видел, как добывают минеральные удобрения горняки в Апатитах, ловят рыбу рыбаки Мурманска, сплавляют лес лесорубы Кандалакши. Дважды был на казахстанской целине — убирал хлеб. А будучи студентом Казанского пединститута, во время летних каникул устраивался простым рабочим в геологические партии. Так я побывал и на Урале, и в горном Алтае, и на отрогах Тянь-Шаня. Пришлось мне поработать и среди нефтяников Татарстана монтажником на сборке буровых установок.

В юности я очень любил спорт, увлекался горным туризмом, альпинизмом. Суровой мечтательной зимой забирался на самые крутые, на самые высокие точки Урала — на Денежкин и Конжаков камень.

Потом долгие годы работал собственным корреспондентом республиканских газет и телевидения. А работа эта тоже связана с поездками, командировками, встречами с интересными

людьми. Но, где бы я ни был, меня не покидало желание глубже познать окружающую нас природу, мир животных.

Помню свое детство. В окрестностях нашей деревни не осталось, пожалуй, ни одной речки, болотца, горки или лесной чащи, куда бы ни забирались мы с братишкой. Любили заглядывать и в глубокую пещеру за рекой. Люди рассказывали, что в прежние времена в ней прятались те, кто бежал из царских тюрем и с каторги. На срезе горы виднелись горные породы. Мы усердно копались там в надежде найти какой-нибудь ценный минерал — уж если не самородок, алмаз, то хоть каменный уголь или железную руду. Ведь тогда здесь открыли бы рудник, и наша деревня прославилась бы на всю страну! Кто из мальчишек не мечтает об этом?

Частенько мы ночевали на берегу речки. Шалашей не ставили, а натаскивали большие охапки сена и лежали на этой мягкой, пахучей перине под открытым небом. Над головой мерцали звезды, словно щедрой пригоршней брошенные на небосклон. Одни из них казались такими близкими — прямо над головой! — стоит протянуть руку и достать, а другие так далеко, что свет их едва доходил до нас...

Мы, двое мечтателей, погружались в свои думы. Братишка, всматриваясь в небо, спрашивал: «А есть ли на какой-нибудь звезде такие же красивые реки, леса, горы, как у нас?» Я молчал, думая совсем о другом — о Земле, о самых разных существах, населяющих ее.

В своих странствиях, путешествиях я воочию убедился, как велика и безгранична наша Родина, как прекрасна ее природа. Но сегодня мало ее любить — сегодня надо ее по-сыновьи беречь.

В 1987 году как писатель-эколог, я участвовал на встрече советских и японских ученых, писателей и общественных деятелей в Иркутске. Речь шла о проблемах питьевой воды. Запасов ее на всем земном шаре с каждым днем и часом становится все меньше. В России и Японии есть две огромные природные «чаши»: у нас озеро Байкал, в Японии — озеро Бива, в которых огромные запасы питьевой воды. Пока огромные. На этой встрече мы приняли «Обращение ко всем народам планеты Земля». Каждый родник или родничок, где бы он ни находился, является бесценным достоянием жителей всей Земли. Задача наша — беречь и охранять их.

В дальних поездках, в палатках у геологов, во время бесед с такими же, как я, любителями родной природы и родились предлагаемые рассказы.

Школа жизни

Пухленький, круглый, как мячик, двухмесячный щенок Дружок лежит возле своей конуры и с аристократической брезгливостью нехотя грызет большую кость. У Дружка толстые лапы, самодовольная мордочка, приятный звонкий голос, синие очень красивые глаза. Он отважен, никого на свете не боится и с кем угодно готов вступить в потасовку. Его очень любят во дворе, особенно две маленькие девочки.

Дружок с нетерпением ждет воскресенья. Тогда обе девочки дома, да еще заходит «вооруженный до зубов» стрелами и деревянными саблями соседский мальчишка. Они целый день играют в индейцев и бледнолицых. Ох и набегаются! Мальчишка, конечно, индеец, а девочки его ловят. Понятно, с помощью Дружка. Ему дела нет, где индейцы, где бледнолицые. А игра отличная. На яблоне, что растет напротив конуры, с довольно-таки подозрительным видом сидят четыре сороки. Я давно понял, что сидят они здесь не случайно, явно замышляют что-то. Видно, их привлекает кость, что лежит перед глупым щенком. Она пахнет так аппетитно и сочится вкуснейшей мозговой жидкостью. Интересно, о чем шепчутся сороки?

— Решено? — спросила одна из них.

— Решено! — поддержали ее остальные.

Сороки соскочили на землю и мелкими прыжками стали приближаться к щенку с четырех сторон.

— Что такое! — недоуменно твякнул Дружок. Но тут же замолк. «А-а, сороки! Пусть только поближе подойдут. С ними я тоже готов поиграть в индейцев и бледнолицых». И Дружок сделал вид, будто он совершенно ничего не замечает. Тем временем сороки совсем близко подошли. А вот уже одна из них стоит на расстоянии лишь в полпрыжка. Дружок решил не медлить. Прыжок! Но не тут-то было, сорока спокойно пересела чуть в сторону. Ох, как это разозлило щенка! Тем более что он чуть себе нос не разбил. Сделал третий, четвертый прыжок. А

сорока поднялась с земли и перелетела на веточку. Тем временем остальные дружно уцепили клювами кость и тоже взлетели на яблоню. Только тут Дружок понял, как жестоко его обманули, как над ним зло посмеялись. Кто бы мог подумать! Дружок побегал, побегал вокруг яблони и со звонким лаем подбежал ко мне: «Вот они, эти сороки-воровки!». «А что я могу сделать? — отвечаю ему. — Между прочим, вот что я тебе скажу, братец. Жизнь — сложная штука, пока сам хоть один раз крепко не ошпаришься, советы посторонних о том, что нужно вначале дуть на тарелку, а суп лишь потом можно попробовать, плохо запоминаются». Дружок сел на задние лапы, свесив свои большие уши, уставился на меня. Любит он слушать что-нибудь познавательное.

Ландыши

Кончилось лето. Ходили с дочурками в лес за грибами. И принесли оттуда пять корней ландышей. Посадили их в тени под старой яблоней. Уж очень хотелось, чтобы росли в нашем саду эти неповторимые своим удивительным ароматом нежные цветы.

— Не приживутся они у вас, слишком капризные, любят лесную тишину, — говорили соседи. А сами ландыши как бы шептали:

— В саду! Как же нам не расти?! Такого внимания и заботы нам так не хватает...

И вот, несколько не удивляясь резкой перемене жительства, они уже вторую неделю продолжали спокойно сидеть под яблоней. А я сам в них все еще не был уверен. Коли посадили и регулярно поливаем, конечно, будут сидеть в земле. А вот весной — взойдут ли, дадут ли побеги? Но напрасно мы с дочурками беспокоились. С приходом весны из-под снега первыми выглянули на белый свет наши ландыши. Да такое множество, что пересчитать нельзя было.

В нашем саду они живут уже четвертый год. И каждую весну радуют дружным цветением.

Кажется, что наши домашние ландыши даже крупнее своих лесных собратьев, да и аромат у них куда нежнее. Видимо, это от перегнойя. Его для лесных красавцев мы не жалели.

На дворе поздняя осень. По утрам на крышах серебрится иней. Ландыши уже приготовились к зимнему сну. Смотрю я на них, и вот какая в голову приходит мысль — в жизни всегда так: новое утверждается с трудом. Даже самое маленькое полезное дело без преодоления трудностей не делается. И к поставленной цели нужно идти, несмотря ни на какие преграды. И тогда жизнь расцветет, как ухоженный сад.

На огуречной грядке

С этими огурцами нынче не везло. Сначала забыли их на ночь закрыть целлофановой пленкой, мороз побил. Потом на них черви напали, огурцы не взошли. Но лето еще было впереди, посеяли в третий раз. Наконец, наши огурцы дали дружные всходы, быстро пошли в рост. На плетях появились ярко-желтые цветочки, а за ними маленькие пупырчатые огурчики. Ликованию нашему не было предела. Урожай с этой грядки будет порядочный, хватит свеженьких покушать и засолить на зиму. Но радовались мы недолго. Однажды утром вышел я во двор и цветущую грядку не узнал. Она так была истоптана, словно здесь ночью праздновали сабантуй. Кто же так истоптал грядку, выдернул плети?

И тут из-под огуречных плетей, возмущенно пофыркивая, показалась довольно крупная ежиха. Ежи и раньше заглядывали в наш сад. Но такое хулиганство вижу впервые. Как не возмущаться, как не прийти в отчаянье? Середина лета. А мы остались без огурцов. Теперь уже окончательно. И этого мало. Оказывается, старая ежиха недовольна моим присутствием. Злобно фыркает, щетинится, хочет меня прогнать с грядки. Ох и зол я был тогда! Хотел ее взять и выбросить через забор на улицу. Но ведь ежиху голыми руками не возьмешь. Принес совковую лопату. Поддел ее, приподнял и вдруг увидел под ней совершенно голых, маленьких, беспомощных четырех ежат. Злость как рукой сняло. Стало ежиху очень жаль. Она, бедная, сюда в наш сад пришла стать матерью. Раз ежиха к нам пришла с такими благородными намерениями, хотя и оставила нас без огурцов, решили ее не наказывать. Из продуктового магазина притащили ящик из-под яблок. Постелили туда сухих листьев и перенесли ежиху со всем семейством. Получилась вполне благоустроенная квартира. Поставили тарелочку с теплым молоком, в другую накрошили свежей морковки. В этом ящике лесные гости

жили почти две недели. Ох и интересно было за ними наблюдать! С какой нежностью ласкала старая ежиха своих неуклюжих, подслеповатых и, если уж честно, совершенно некрасивых детей. Недаром гласит татарская пословица, что ежи своих колючих детенышей ласкают, называя их мягонькими. Интересно было смотреть, как ежиха учила детенышей необходимым правилам, выводила их ловить мышей, показывала, как обороняться от врагов.

Вскоре выяснилось, что подаренный семейству ежей домик, какой бы он ни был удобный, теплый и безопасный, все же был клеткой. А лесные гости прежде всего ценили свободу. Однажды с чашкой молока подошел я к ящику, а он пуст. Дети подросли, теперь можно возвращаться в родной лес, решила, видимо, старая ежиха и увела свое семейство.

Мы в доме были рады, что все обошлось хорошо. Но тревожно на сердце, ведь сейчас лесных жителей на каждом шагу подстерегает опасность. Можно подумать, что люди в лес приходят не отдохнуть от городского шума, не забыться от житейских забот, не послушать пение птиц, а испытывать мощностъ своих магнитофонов, разводить ненужные и опасные костры, бить посуду, засорять лес мусором, шуметь. И лесным обитателям жить, продолжать свой род становится с каждым годом труднее.

Неужели горькая судьба ждет в лесу наших милых, неуклюжих и таких симпатичных ежей?

Маленькая трагедия в большом лесу

Этим летом мы всей бригадой ездили в лес на заготовку веточного корма. Дело нехитрое. Мужчины топорами рубили липовые ветки, а девчата из них тут же вязали аккуратные веники. Две грузовые машины едва успевали перевозить на колхозную ферму заготовленный скотам корм. В роще целый день стоял веселый шум, кругом раздавались голоса и смех.

Время уже шло к вечеру, ребята стали чаще поглядывать на часы, можно было собираться ехать домой. Вдруг из кустов послышался тревожный голос:

— Что я наделала? Что наделала?

Мы, понятно, побежали туда. И вот какая картина перед нами открылась: на краю поляны с растерянным видом стояла крановщица Наиля.

— Что я наделала? — повторяла она. — Нечаянно срубила ветку, а на ней вот это гнездышко.

В руках она держала помятое от падения маленькое гнездо. . . А на траве у ее ног валялись разбитые крохотные, размером с лесной орех, зеленоватые с пятнышками, три яичка. Передавая из рук в руки, мы стали разглядывать птичье сооружение. Оно было такое маленькое, что свободно умещалось на ладони. Из соломы, ниток, птичьего пуха и конского волоса гнездо искусно и прочно было сплетено. И это птички крохотными клювами сплели, руками так не сделаешь. Какого же труда им это стоило!

— А где же птички?

— Упорхнули куда-то, я их не успела разглядеть, — сказала Наиля. — Ой, они скоро вернуться. . . Что я наделала!

В случившемся не было большой вины Наили, в частом кустарнике разве увидишь маленькое гнездышко. Но всем стало очень неловко. Из этих яичек теперь не вылупятся маленькие птички и не наполнят поляну своим прелестным пением.

— А я вот что придумал, — сказал практикант Гена. Он взял помятое гнездо и, подтягиваясь на сильных руках, полез на высокий дуб.

— Закреплю гнездышко вот на этом суку, подправлю, как смогу, а уж остальное до нужной «кондиции» пернатые пусть сами доводят.

— Это бесполезно, — возразила Наиля. — Я их привычки знаю. Птички будут искать гнездо на старом месте.

Тут вдруг над нашей головой появились две птахи и, жалобно вскрикивая, стали искать гнездо. Они увидели разбитые яйца, лежавшие на траве. Бросились туда. Одна из птичек взяла

в клюв яичко, взлетела и стала кружиться над нашими головами, не зная, куда его девать. И уронила на землю. Перед нами разыгралась маленькая трагедия.

Чем бы все это кончилось, трудно сказать. Послышались гудки автобуса, мы поспешили к машине.

На другой день, приехав в рощу, мы пошли на поляну.

— Стойте! — крикнула шедшая первой Наиля. — Вот они, у веточки сидят. Не подходите близко, а то снова их напугаем.

Лесные малиновки вели себя странно. Несмотря на шум и приближение людей, продолжали сидеть, как ни в чем не бывало. Наиля тем временем подошла к ним совсем близко. Осторожно протянула руки и с ужасом тут же отдернула их. Птички, два пушистых комочка, покатились по траве. Они были мертвы. Наиля упала на колени, взяла в руки безжизненные комочки. Мы молча стояли вокруг, чувствуя себя словно виновными в этой трагедии.

Живут как кошка с собакой

У меня есть кот Лукич. Интеллигентный такой кот. Половину жизни проводит на диване, половину — на крыше. А чистюля прямо до ужаса, другой раз три раза в день умоется. И за усами своими бдительно следит. Усы у нашего Лукича прямо загляденье. И вообще он любит красоваться перед зеркалом, как артист драмтеатра. Уж высокомерен наш Лукич, это видеть надо своими глазами. С себе подобными он разговаривает лишь с высоты двухметрового забора. Ниже — нет. Боится свой кошачий авторитет потерять. И чтоб он на кошачье приветствие ответил — никогда.

Еще у меня есть пес Неподкупный. Добрый служака и честный труженик. Тут уж ничего не убавишь и не прибавишь. Ни на минуту не сомкнув собачьих очей, денно и ночью сторожит наш двор. В любую погоду, всю собачью жизнь. Куда там чужой курице, чужого воробья во двор не пустит! Впрочем, очень жизнерадостный пес. Каждый год на день рождения я ему дарю новый ошейник. Вы бы видели, как он этому бывает рад!

Так вот, кот Лукич и добрый служака Неподкупный знают друг друга, как говорится, в лицо. Ведь состоят на службе при одной конторе, то есть у меня. Но друг к другу — никаких симпатий.

Порой Лукич в солнечный, безветренный день залезет на крышу сарая погреть свои старые кости, заодно и усы привести в порядок. Конура Неподкупного тут же, напротив. Лукич с крыши ехидно мурлычет:

— Эх-ма, собачья жизнь! Сколько я гляжу, а на шее у тебя все время железный галстук. Неужели не надоедает? Снял бы его хоть раз, поднялся ко мне на крышу, посмотрел бы на мир, как он велик!

— Прочь с моих глаз, бездельник! Не твоего ума, какой галстук у меня на шее! Я честно служу своему хозяину и этим горд, — тут же начинает его ругать Неподкупный. — Это тебе должно быть стыдно. всю ночь шастаешь по крышам, любовь без конца крутишь. Хоть бы раз в подпол заглянул, дармоед. Слышу я, там мыши по ночам сабантуй устраивают. Не знаю, за чем только тебя хозяин кормит. На его месте я бы тебя давно... Эх, нашел же я с кем себе нервы портить, гав! — и пес уходит к себе в конуру.

Так вот они и живут. Словом, как кошка с собакой.

Но на днях случилось уму непостижимое. Не поверите. Ко мне приехал знакомый лесник. У него на телеге лежит здоровый пес. Он уже привык: куда хозяин, туда и он. Пес спрыгнул с телеги и смело зашел за хозяином во двор.

— А ты куда прешь, гав, гав! — встретил его наш Неподкупный. — А ну-ка назад, а то я тебя проучу, гав, гав!

Но пес лесника не привык отступать. Собаки тут же на наших глазах схватились мертвой хваткой. Сцепились, и как волчок, начали крутиться по двору. Поднялась пыль столбом. И Лукич тут как тут. Любит он с высоты двухметрового забора хладнокровно наблюдать за баталиями, скажем, боями соседских петухов, даже мальчишек.

Собаки вихрем носятся по двору. Никак разнять не можем. Ну и бес с ними, махнули рукой. У нас своих забот полно, впереди сенокос, а дождевые тучи над нашим селом словно постоянную прописку получили.

Псы продолжают волчком крутиться. Но пришелец-то сильнее и крупнее нашего Неподкупного. К поединкам, видать, привык, опытный. Тут он применил хитрый борцовский прием и нашего Неподкупного положил на лопатки. А теперь собирается уши ему потрепать, покусать в нос. Но тут случилось самое невероятное. До этого молча следивший за поединком Лукич низким контральто издал боевой клич: эй, ребята, наших бьют! — и с высоты двухметрового забора камнем бросился на пса лесника и вцепился ему в голову. Пес, бедняга, был ошарашен. Не стал разбираться кто на него напал, а с жалобным визгом бросился прочь со двора. А Лукич как ни в чем не бывало одним прыжком оказался снова на заборе.

Неподкупный тоже встал, привел себя в порядок. «Да не стоило вмешиваться в наши собачьи дела. Этого нахала я бы и сам, гав, гав!» — гавкнул он. Но это было благодарностью Лукичу за поддержку в трудную минуту. «Пусть знает наших! Мяу!» — ответил ему Лукич с высоты своего положения.

А так они и сейчас живут как кошка с собакой. Никаких взаимных симпатий. Даже немного обидно. Оба ведь состоят на страже благополучия и процветания хозяйского двора. Разве этого мало для настоящей дружбы?..

Непрошенные гости

Как будто им в нашем дворе другого уголка не нашлось. Несколько семей шустрых синичек без всякого стеснения начали спешно строить себе зимние квартиры над нашей парадной дверью. Нет, далеко не всем понравилась эта затея. Во-первых, птицам самим здесь неудобно. Дверь откроешь — они страшный шум поднимают, закроешь — то же самое. Вроде у нас нет больше других забот, будто мы только за ними и охотимся.

Во-вторых, маме лишние хлопоты. «Только чисто вымою крыльцо, а они опять напачкают», — возмущается она. У нашей мамы странная, совершенно непонятная привычка. Если она два раза в день не вымоет до блеска парадное крыльцо, ей хлеб в горло не идет. Вот и воюет она с утра до ночи с этими беззаботными пичугами. «Ладно уж, потерплю, впереди зима, к зиме ведь и квартирантов не выселяют. Но вот придет весна, тогда смотрите у меня, все ваши гнезда скалкой перетормошу», — угрожала мама желтогрудым щеголям.

Непрошенные квартиранты зиму провели без приключений. Во дворе корма для них всегда вдоволь. А в самые лютые морозы, когда им приходилось туго, мы помогали — то хлеба накрошим, то пшена на блюдечке вынесем. И как-то совершенно незаметно они вошли в нашу жизнь. Дома только и разговоров о них. И маму нашу не узнать. Я же говорил, странная она у нас человек. Грозилась гнезда этих синичек палкой посшибать, а теперь сетует: «Им, бедным, сейчас особенно холодно, чтобы согреться в такую стужу, нужно много энергии». И пичкам то колбасы накрошит, то на сучок дерева кусочек сала наколет.

С приходом весны синички оставили свои зимние квартиры и незаметно куда-то исчезли.

— Куда же делись наши беспокойные квартиранты, даже не попрощались? — возмущалась мама. — Грустно мне, ей-богу, грустно. Так привыкла к ним.

Снова пришла осень, начались холодные дожди. А синички опять тут как тут, приступили к ремонту старых гнезд, заложили новые. А маму снова не понять.

— Сколько хлопот они мне тут наделают. Вот только весна настанет, гнезда этих нахальцев всех до единого скалкой посшибаю, — грозит она. Страдает птах, а у самой в подоле пшено, идет кормить непрошенных гостей.

Большая умница

Лето в разгаре. Середина июня. Сады, луга, лесные поляны благоухают ароматом цветов. Скоро, очень скоро зацветет липа. Липа очень сильный, богатый медонос. И мед липовый

очень вкусный. И мы, пчеловоды, в этот период лета баклуши не бьем. Свои пчелиные семьи вывезли на медосбор в лес. Для стоянки выбрали очень удачное место. Позади нас небольшой, но густой кустарниковый лесочек. Он нашу пасеку хорошо защищает от холодных северных ветров. Впереди — гектаров пятьсот-шестьсот — огромное, до самого горизонта гречишное поле. Гречиха тоже сильнейший медонос. Во время цветения один гектар гречихи выделяет более одного центнера нектара. Лишь бы наши неугомонные пчелы успели собрать в ульи и превратить этот бесценный дар цветов в ароматнейший мед! Теплые дни июня и частые дожди сделали свое благородное дело: высота гречихи на этом участке выше пояса. Мед здесь будет!

Надежда наша не только в гречихе. Чуть правее от нас за лесочком плантация кукурузы с подсолнухом на силос. На этом массиве нашим пчелам тоже благодать: кукуруза обильно дает пыльцу. Пыльцой пчелы кормят своих личинок. Подсолнух — хороший медонос. На этом поле и другой, сорной, но медоносной травы, цветов осота, сурепки, жабрея полным-полно.

Поляна, где мы расположились, чуть ниже, а гречишное поле на пригорке. Это положение нашим пчелам тоже на руку. В гору за нектаром они будут летать порожними. А вот обратно, к своим ульям, с грузом нектара в зобиках, лететь им гораздо легче.

Невысокий кустарниковый лес мы выбрали тоже не случайно. Как раз в этот период лета начинается и роение пчел. И рои, как назло, выбирают самые высокие деревья и стараются сесть как можно выше. Попробуй их оттуда снять. Рой — это новая пчелиная семья! Никому не хочется их отпускать. Но сколько их у нас уходило! Иной раз, как бы шутя, покружат, покружат над головой и сядут так высоко, на самую макушку двадцатиметрового дуба. Снять их оттуда бывает не под силу даже моему тринадцатилетнему другу Ильяску. Хотя он, как настоящий циркач, по деревьям лазает головокружительно смело и ловко. А с низких кустов снимать рои и сажать их в роевники пара пустяков. За какие-нибудь десять-пятнадцать минут снимаем с деревьев, сажаем в новые ульи. Полно вам, красавицы, бездельничать. Время медосбора, займитесь делом. Вот вам новые ульи, вот вам свежая вощина, начинайте строить соты. Обязывайтесь своим хозяйством!

Было теплое, безветренное, солнечное воскресенье. Гречиха на наших глазах белеет. Еще денёк два-три — и она полностью зацветет. Тогда уж по-настоящему начнется нектаровыделение, пойдет мед. В это воскресное утро на нашей уютной поляне собрались все члены нашей небольшой, но дружной артели. Но нам друг с другом даже поздороваться, перемолвиться последними спортивными новостями некогда. Времени в обрез. Каждый занят своими пчелами. Впереди главный взятки! Одни в ульях рамки для сбора меда наращивают, другие — чистые магазины для сбора меда ставят. Третьи — вощину тянут. Дни взятки коротки, самое большее — пальцы обеих рук. Пчеловод же в течение всего года возле своих ульев крутится ради этих дней.

Не поднимая головы и без всяких перекуров, поработав так часов до трех дня, мы как бы по команде собрались у костра, сели пить чай с дымком. И тут слышим недалеко от нас треск сухих сучков, как будто кто-то пробирается к нам.

— Грибник, наверное, какой-то ходит, — заметил один из наших. А шум все ближе и ближе. Слышно, именно к нам пробирается. Пусть, гостям мы всегда рады. Чайком угостим. И тут, знаете, глазам не поверишь, на нашу поляну, как ошалелая, глаза навывкате, выскочила довольно крупная и пузатенькая зайчиха!

— Косая! По каким надобностям? — не успели мы воскликнуть.

Она, словно ракета, дала два стремительных круга по поляне. Мы ждем, чем же кончится этот спектакль. А тем временем зайчиха наша дала еще один круг и в два прыжка подошла к нашему костру и, как ручная, легла с нами рядом на траву. Даже уши опустила. Словно она прячется от кого. Словно всех нас просит защитить ее. Мы в недоумении. Не знаем как нам быть, что тут делать? С таким не часто встречаешься. Лишь кто-то, как ни в чем не бывало заметил:

— Что, косая, медку свежего захотела? Рановато, подружка, пожаловала. Пока только ждем. А вот чайку с сахаром, да с сухарями, пожалуйста! Не откажем. Поди, и сама не против.

А зайка лежит в густой траве, ее хоть голыми руками бери. Красивая, пушистая. И тут, как из пушки выстреленная, на нашу поляну выскочила рыжая Патрикеевна. В начале даже растерялась. В азарте охотничьей погони не разобралась куда попала. За нашей беременной зайчихой, конечно, она гонялась. Дышит тяжело, язык высунула. А в глазах огонь азартного преследователя.

Тут уж мы дружно поднялись со своих мест и побежали к ней навстречу. Патрикеевна резко повернула назад и метеором прыгнула в кусты. Только хвост и увидели.

Свистя, хлопая в ладоши, мы возбужденные вернулись к костру. А там смотрим, и от зайчихи нашей след простыл. Опасность миновала и она в кусты.

Слышал я и даже читал, что в минуты грозной опасности лесные обитатели ищут защиты у людей. Убедительный пример тому — случай с этой зайчихой. Тут есть чему удивляться.

Как же она сообразила, что спасение ее только у нашего костра! Почему нас не испугалась? Нам доверилась? Попробуй найти ответ.

Обычно мы зайчишку считаем большой трусишкой. Может и так. Но она, оказывается, еще и умница. Притом большая умница!

Бим и Актырнак

— «Жигуленка» куплю, говоришь. Который год обещаешь. Жди, купишь... Кто хочет «Жигуленка» купить, тот двух бычков откармливает. Ты двух дармоедов держишь! — начинает ругать жена, когда ей хочется попилить меня.

Дармоеды — это Бим и Актырнак, два безобидных пса, словом, божьи коровки. Да, два их у нас, и ничего тут не поделаешь. Не выгонишь же. А история их вот какова.

Был у нас Дружок, симпатичный такой дворняжка. Умница. Так вот однажды, во всей своей парадной форме, то есть при новом ошейнике, ушел наш Дружок на собачью свадьбу и не вернулся.

Потом говорили, что в районе больничного городка, на пустыре накрыли всю свадьбу. Мы очень жалели своего Дружка, как память о нем осталось несколько фото.

У нас крайний дом, без собаки совсем неуютно. И с соседскими мальчишками беда. У самого забора две антоновки, они-то и не дают им покоя. Теперь вот собаки нет, а другую где возьмешь, на базаре ведь не продают. Иду однажды новостройкой, по пустырю очень симпатичный песик черной масти бежит. Бездомный пес, видать, определил я. Однако это не простой, а какой-то породистый пес.

Уставились друг на друга, смотрим изучающе.

— Пойдешь со мной? — спрашиваю. Молчит. — А то айда, мне как раз пес нужен.

— А потом не выгонишь, если пойду?

— Нет, упаси боже. Будешь служить до глубокой старости, до пенсии. Да и потом что-нибудь придумаем, не сомневайся.

Позвал. Идет за мной. Пришли во двор. Показал ему конуру.

— Величать-то теперь тебя как будем? — спрашиваю. Домашние захотели назвать его непременно Бимом. Это уж после того белого Бима с черным ухом. Бим так Бим. Посадили его на цепь, и, что удивительно, он тут же приступил к выполнению своих служебных обязанностей — зашла соседка, и он встретил ее громким лаем!

Так он и начал нести свою службу, причем очень аккуратно. Но нас не любил. Собаки — однолюбы. Он по-прежнему любил своих прежних хозяев и очень скучал по ним. Иногда я его отпускал. В такие минуты он стрелой убегает со двора в район новостроек. Видимо, он убежал к своим старым хозяевам, чтобы сказать им, что они так бессовестно прогнали его, вот он жив, что у него есть теплая конура, то бишь, крыша над головой.

Чтоб так думать, он давал мне много поводов. По повадкам Бима я легко читал его биографию. Обычно собаки очень любят суп. А Бим наш — сладости, печенья, конфеты. Значит, прежняя его хозяйка одинокая женщина. Питается всухомятку. Много я держал собак. Они народ волчьей породы, категорически отказываются от мягкой постели. А Бим только искал, где бы на мягком устроиться, полежать. Значит, раньше он жил в коридорчике одно-или двухкомнатной квартиры, спал на мягком ковре. «Мама, я хочу щенка», — может, очень просила маленькая девочка или мальчик, и его, как живую куклу, взяли маленьким щенком. Стали кормить сладостями. Но Бим вырос. За ним теперь надо ухаживать, как за любым членом семьи: вовремя купать, кормить, водить на прогулки. А ведь некоторым людям лень даже за собой ухаживать. Собака в доме стала лишней...

А он, бедный, по-прежнему любил своих прежних хозяев!.. Стоило отпустить, он стрелой убежал в район новостроек. Может, ищет своего друга детства, эту маленькую девочку или мальчика-карапузика. Но часа через два он возвращался и свободно давал сажать себя на цепь...

Бим так и жил у нас. Очень аккуратно нес свою нехитрую службу. Но однажды с прогулки не вернулся. Неделю нет его, полмесяца. Думаем, может, его прежние хозяева забрали? Может, они были в отъезде, да вернулись и Бима отыскали! Нет теперь у нас умного и верного Бима...

Тоска невероятная. С бензоколонки принес я очень симпатичного пушистого щенка. Страшный подлиза. Ясно, как день, охранника из него не получится. Чтобы мальчишки не утащили, закрываем его в чулан. Но рос он не по дням, а по часам, научился различать своих и чужих. К своим, как только может, подлизывается, чужих увидит — в курятник прячется. Его мы Актырнаком назвали. И тут Бим вернулся! Весь израненный. Видать, все это время он в лесу отлеживался и раны зализывал. Актырнаку сделали конуру в другом конце двора.

Если сказать по правде, два пса на один маленький дворик, конечно, многовато. Но Бима за несчастную судьбу и за верную службу жена любит. Актырнака любят дети. Они за него горой. Вот и получается — два дармоеда.

Это хорошо, когда в доме все нормально. Но ведь с работы домой приходишь, жена напоминает и про «Жигуленка», и про двух бычков, и про двух дармоедов. Сама меня ругает, грозит собак прогнать со двора, а у самой в руке миска с овсяной кашей на подсолнечном масле. Хотя Бима она любит больше, а каши кладет обеим собакам поровну. А псам-то что, они и в ус не дуют...

И такое бывает

Новенький скворечник на кудрявой рябине, что растет перед моим окном, с ранней весны облюбовала пара скворцов. Не легко им дался дальний перелет из теплых стран в наши края. В первые дни они выглядели очень неважно. Но недолго скворцы предавались праздной жизни. Облюбовав скворечник, они тут же приступили к его благоустройству. Старались, как могли. Без устали трудились с утра до позднего вечера. Откуда ни возьмись, на рябину уселась кукушка. Покуковала пару раз и исчезла. Странно и подозрительно было ее появление... Чего она здесь потеряла, чего искала?

А скворцы приступили к высидке яиц. Самка все реже и реже появляется из гнезда, заботливый отец, не зная покоя, приносит своей любимой в клюве жирных червячков и гусениц.

Вскоре в гнезде появилось потомство. В первый период детеныши бывают особенно прожорливы. И супружеская пара едва успевала таскать птенцам червячков. Так прошла еще неделя. Как-то смотрим и глазам не верим: из гнезда высунул голову не скворчонок, а кукушонок! Да, и такое бывает. Нет, не случайно сидела тогда на рябине кукушка. Пока скворцы были заняты благоустройством своего жилища или улетали на водопой, она успела в гнездо подбросить свое яйцо. Известно, что кукушка себя не обременяет материнскими заботами, своих яиц никогда не высиживает. Найдя гнездо какой-либо птицы, кукушка выбрасывает из него одно яйцо и подкладывает свое. Зародыш в яйце кукушки развивается быстрее, чем в яйцах скворцов. Процесс инкубации — двенадцать-тринадцать дней, тогда как у многих птиц этот период равен восемнадцати-двадцати дням. И вот вылупившийся на целую неделю раньше остальных птенец кукушки первым делом уничтожает яйца птицы-хозяина. Иначе как же? С его прожорливостью он по-другому не может, ведь если иметь соседей, его жизнь может сложиться совсем несладко.

А нашим бедным скворцам неясно, в чем тут дело. Они этому обжоре не успевают червячков таскать, лишь бы не шумел, в гнезде скандалы не устраивал. Да, бедным скворцам тяжело. Случай, конечно, в их жизни не из приятных. Но что делать? Природа! Ее законы не нами писаны.

А кукушка, что подложила яйцо в чужое гнездо, можно ли ей простить это коварство? Наверное, да. Птица эта очень полезная. Было бы побольше кукушек в наших лесах. Многие пер-

натые мохнатыми гусеницами непарного шелкопряда пренебрегают. А для кукушек они — деликатес. В который раз убеждаешься, как мудра природа, как все в ней целесообразно.

Лесные гости

Мы отремонтировали нефтяную скважину на лесной лужайке. Перед тем как сменить трубы и изношенные детали, закачали в забой соленую воду, чтобы из скважины не выливалась на поверхность нефть и не мешала работе.

В нескольких метрах от скважины была неглубокая ямка, куда слили остаток соленой воды. Получилось крохотное озерцо.

Однажды утром мы заметили вокруг него крупные и мелкие следы от копыт.

— Все ясно,— сказал рабочий Галим,— лоси приходили пить соленую воду.

Прошло часа три и к нам снова пожаловали ночные гости — лось, лосиха и крохотный лосенок.

Звери вышли на край лужайки и остановились, рассматривая нас. Их немые взгляды как бы спрашивали: что же вы не уходите, люди, и не дадите нам напиться? Мы отошли метров на пятьдесят и закурили. А лоси смело приблизились к озерцу и с явным удовольствием принялись пить.

— Наша водичка пришлась им по вкусу,— удовлетворенно произнес Галим, ловко пуская большие кольца дыма.

Напившись, звери неторопливо направились к лесу. На краю лужайки лось-самец повернулся и кивнул своими громадными, как куст черной смородины, рогами.

— Ишь какой культурный, благодарит,— улыбнулся,— обычно угрюмый мастер Абдулла-абзы. Его глаза потеплели, а морщинистое лицо, цвета мореного дуба, подобрело. Никогда мы еще не видели таким нашего старого мастера. Всегда угрюмый и чем-нибудь недовольный, он распекал нас за малейшее упущение в работе. И вот на наших глазах произошла такая перемена.

Не прошло и двух часов как сохатые снова появились на краю лужайки и замерли в ожидании, когда мы прекратим работу.

— Ну уж нет, друзья, так не пойдет,— безо всякой злобы проговорил мастер Абдулла-абзы.— Мы не можем все время из-за вас отрываться от дела. У нас и так месячный план горит. Если хотите, пейте себе на здоровье.

И мы работали, не обращая внимания на зверей, словно их и не было здесь. А они продолжали стоять в недоумении: что же вы не уходите, люди?

— И не уйдем,— посмотрел в сторону сохатых Галим, включая лебедку.

Стоявший смиренно лосенок вдруг двинулся вперед. Лось-отец мотнул головой и издал тихий предостерегающий звук. Насторожилась и лосиха, готовая в любое мгновение кинуться на помощь осмелевшему лосенку, который еще неуверенно держался на своих тонких и длинных ножках. Малыш подошел к озерцу и стал пить. Вскоре к озерцу подошли и его родители. Лоси напились и неторопливо отошли прочь. И снова лось кивнул нам ветвистыми рогами.

— Пожалуйста,— улыбнулся на такое изъяснение благодарности мастер Абдулла-абзы. С того дня сохатые повадились ходить по несколько раз в день к нам на водопой. Выйдя на лужайку, они теперь не останавливались, а по протоптанным ими тропинкам двигались к озерцу. А малыш так осмелел, что однажды подскочил к брезентовым рукавицам, лежавшим на земле и понюхал их. Затем схватил зубами и мотнул головой. Рукавицы разлетелись в разные стороны. Довольный своим поступком, малыш взбрыкнул и помчался к родителям.

Соленая вода в озерце заметно убывала.— Завтра воды не будет,— с сожалением произнес Галим.

— Похоже что так,— согласился мастер Абдулла-абзы.

— Папа, почему ты сегодня такой грустный?— встретил меня двенадцатилетний сынишка Фарит. Узнав в чем дело, он предложил:

— Папа, а ты отвези им воды.

— Верно говоришь, сынок,— обрадовался я совету Фарита.— Ежедневно буду возить канистру соленой воды.

Мы вскипятили в ведре воду, подсолили и добавили немного муки.

Утром я пришел на автовокзал, где уже стоял Галим с ведром. Вскоре явились и другие члены бригады: кто с ведром, а кто с большой жестяной банкой из-под варенья. Последним пришел мастер Абдулла абзы. Он осторожно нес на плече, чтобы не пролить содержимое, зеленый эмалированный бак, в котором обычно кипятят белье.

Мы кинулись ему помогать.

— Тяжело вам, товарищ мастер, — берясь за ручки бака, сказал Галим.

Абдулла-абзы только смущенно улыбнулся в ответ. Как-то даже не верилось, что наш всегда насупленный мастер, которого кажется ничего не интересовало кроме работы, проявил такую чуткость к животным. Шутка ли сказать, в его возрасте нести полный бак воды целых три квартала!

Подъехав к скважине, мы поставили бак, ведра и банки на тропинку, по которой к нам приходили лоси. Из своей канистры я долил ведра и бак доверху. Лесные гости не заставили себя долго ждать, бесшумно появившись на опушке, звери почему-то не двигались. Видимо необычные предметы насторожили их: что это? Уж не капканы ли поставили люди?

— Не бойтесь, друзья, мы вам плохого не сделаем. Пейте, — пригласил мастер Абдулла-абзы, беря одно ведро и чуть-чуть отливая из него воды. Звери стояли как вкопанные. Но вот малыш отделился от родителей. Обошел ведро и принялся пить. Его примеру последовали и взрослые лоси. С тех пор мы стали возить на бумовую питье для лосей.

Но вскоре нас внезапно перевели на другой участок. Как-то в конце августа мы с Фаритом собирали грибы вблизи той самой лужайки. Очень захотелось вновь встретить лесных великанов и показать их сынишке. В этот день мы несколько раз выходили на лужайку, но их не было. Набрав полные корзины грибов, направились домой через лужайку.

— Папа, лоси, — шепнул испуганно Фарит.

И действительно на лужайке стояли лось, лосиха и лосенок. Освещенные лучами вечернего солнца, они казались отлитыми из бронзы. Я не сомневался, что это были они. Только лосенок заметно подрос и окреп. На голове его появились небольшие рога.

Лоси внимательно следили за нами. Я подозвал их, но они не тронулись с места. Тогда мы сами направились к ним. Наша решительность не понравилась сохатым. Звери замотали головами, забили копытами: не подходи, мол, к нам.

Когда расстояние между нами и лосями сократилось до двадцати шагов, лоси круто повернулись и скрылись в чащобе, громко ломая сушняк.

Ночной визит

В тот холодный зимний вечер я допоздна засиделся за письменным столом. Была уже ночь, когда в окно вдруг дробно постучали. И тут же во дворе громко залаяла собака. Я приподнял занавеску — за окном никого не было, и никто не отозвался. Я снова сел за стол. Стук повторился. И я опять никого не разглядел через стекло. Захватив карманный фонарик, вышел во двор. Там никого не было, но собака продолжала лаять. Я поднял голову и увидел белого голубя, сидевшего на наличнике окна. Странно! Откуда он взялся? Мы голубей не держим...

Я принес лестницу и снял голубя с наличника. Вид у него был очень жалкий — голова и лапки в крови, беспомощно висело перебитое крыло, перья торчали в разные стороны. Видимо, его врасплох застала в гнезде разбойница-кошка, а может, ему пришлось отбиваться от совы или филина.

Но вот птица в доме. Сначала промыл раны водой, а потом прижег йодом. Голубь вел себя очень мужественно — не вырывался и не пытался клюнуть меня. Наверное, чувствовал, что я стараюсь облегчить его страдания. Через некоторое время он даже поклевал немного пшенной каши и, приободрившись, принялся ворковать. Словно рассказывал мне о чем-то...

Поместив голубя в картонную коробку из-под обуви, я отправился спать.

Белый голубь жил у нас две недели. Поскольку в доме появился новый жилец, нужно было дать ему имя. И мы назвали его Чебурашкой.

Чебурашка, не соблюдая никакого этикета, «вмешивался» в любой наш разговор. На замечания старших он не обращал никакого внимания. Любимым местом Чебурашки стала кухня. Он хоть сто раз в день готов был сесть за обеденный стол. Устроившись поудобнее на спинке кресла, вместе с нами смотрел телевизор. Когда на экране появлялись синички или воробушки, Чебурашка начинал ворчать по-своему.

Раны его быстро зажили, крылышко срослось. И я заметил, что теперь Чебурашка большую часть времени проводит у окна, на подоконнике. Уставится в стекло и долго-долго смотрит. В его маленьких, словно два льняных зернышка, глазах можно было разглядеть скрытую тоску. Я догадывался, что он тоскует по свободе. «Ну что же, — говорил я ему, — в неволе держать тебя не собираюсь, вот только потеплеет, обязательно отпущу на свободу».

Ждать долго не пришлось. В конце февраля после крепких морозов и метелей наступила оттепель. В один яркий солнечный день я вынес Чебурашку во двор, посадил на яблоню и сказал:

— Ты свободен! Можешь лететь на все четыре стороны!

Прежде чем взлететь, Чебурашка долго прощался — что-то говорил по-своему. Наверное, благодарил за приют и помощь. Потом, широко раскрыв крылья, поднялся в воздух, сделал прощальный круг над нашим садом и полетел к городу.

Больше я Чебурашку не видел. Жив ли он? Не попался ли в цепкие лапы кошки? Не сразил ли его камень, метко брошенный каким-нибудь хулиганом? Раздумывая над судьбой Чебурашки, я до сих пор удивляюсь, почему в ту темную ночь он постучался именно в наше окно? Откуда он мог знать, что ему, раненому, могут оказать помощь там, где есть свет в окне?..

Безвестные воришки

Помню, в то лето на жатве мы особенно нетерпеливо ждали обеда. Обедать садились на большой поляне под огромным дубом с двумя сросшимися стволами. Причиной нашего нетерпения была не только усталость, хотя уставали мы изрядно, с рассвета до полудня трясясь в своих тракторах и комбайнах. Здесь была и другая причина, кому рассказать, так и не поверит...

Однажды наша стряпуха тетушка Айсылу угостила нас целым котлом... несоленой каши. По словам самой стряпухи, кто-то в одно мгновение рассыпал целый туесок соли, висевший на ветке дуба.

В другой раз не хватило яблок.

— Как же так?! — всплеснула руками тетушка Айсылу. — Только перед самым вашим приходом собственными руками пересчитала — выходило каждому по пять яблочек... Ну да ладно, добавлю из ящика, там еще немного к вечернему чаю осталось...

С этими словами она вытащила ящик из кустов. Он был пуст!

— Ой! Да кто же их взял?! — вконец растерялась тетушка. — Сказала бы, мальчишки стащили, — ни одного здесь сегодня не видела. Собаки пробегали, но какой собаке нужны твои яблоки? Не знаю уж, на кого и подумать...

Тетушка Айсылу — человек честный, порядочный. Вот уже восьмой год я со своим комбайном работаю на жатве, и каждое лето она кормит нашу бригаду. И готовит, надо сказать, очень вкусно. В этом году тетушка Айсылу хотела отказаться от своих обязанностей: мол, уже старая, да и за домом, двором присмотреть некому, но мы дружно уговорили ее снова варить для нас обеды да ужины. Мы ее любили, верили ей. Однако сама она чувствовала себя очень неловко перед нами. Мы-то понимали: кто-то очень ловко нас разыгрывает. Сначала смеялись над проделками неизвестного, но потом уже рассердились. Ну, можно пошутить разок-другой, но не каждый же день! Мы ведь на работе! Приходим усталые, голодные, а нас ждет еда без соли! Это уж злая шутка!

Тетушка Айсылу так была расстроена всем происходящим, что запросилась домой, говорит: не могу так больше, сколько лет, мол, работаю, ни разу еще такого не бывало, чтобы продукты из-под носа воровали!

Увидев, что стряпуха собирается нас покинуть, мы наперебой принялись утешать ее. И вдруг услышали громкое, испуганное «Ой-ой!». Это вскрикнула Сания. Мы повскакали с мест: уж не змея ли ужалила девушку? А Сания и слова сказать не может, только молча показывает на покачивающуюся ветку дуба. Присмотрелись: в густой листве сидят какие-то зверьки. Самих не разглядеть, лишь глаза блестят.

— Дикие кошки! — завопил кто-то.

— Крысы! — предположил другой.

Пока мы гадали, что за звери прячутся в дубовых листьях, один из них спрыгнул на землю, проворно схватил кусок хлеба, который не успела доесть Сания, и снова взлетел на ветку.

— Да это же белки! — вскричали тут мы все разом.

— Белки! Вот они-то и воровки! — рассмеялся старик Мифтах-абзый¹, который подвозил на лошади горючее для наших тракторов и комбайнов.

Тетушка Айсылу облегченно вздохнула:

— Вот ведь беспутные! Как наказали меня, а?! Теперь я стану поумней — буду всё крышками закрывать. Уж раз повадились, только держись...

— А ты, тетушка, не беспокойся, — вдруг заговорил Наджип. — За то, что они столько нам навредили, я их завтра же накажу... Переловлю их одну за другой... Да, кстати, мне и шапка на зиму нужна...

— Везде ты свою выгоду ищешь, — рассердился на Наджипа Махмуд. — Да пускай себе живут, пусть и сюда приходят. Смотри, если тронешь! Как бы я тебя без головы не оставил, тогда не на что и шапку-то надевать будет!..

Его поддержал и Мифтах-абзый:

— И вправду, зачем их трогать? Что тебе, тесно, что ли, в лесу? И не уничтожать их надо, а помочь в меру сил... Они ведь голодные. Не видишь разве, какая нынче засуха? В лесу даже не пахнет ни грибами, ни ягодами и орехов нет... Вот бедняги и вынуждены воровать.

Белки будто слышали слова старика. Не кончил он еще говорить, как над нами вновь качнулись ветки. Глядим: снова несколько хвостатых созданий скачут по дубу. Хвосты длиннее их самих!

Мифтах-абзый бросил на траву кусок хлеба. А белки словно только того и ждали — все попрыгали вниз. Наиболее смелая схватила хлеб и тут же принялась его есть. Другие пытались вырвать у нее этот кусок. И белка стукнула одну из своих подружек своей маленькой лапкой.

— Видать, очень голодные они, мои милые, а то стали бы разве скандалить из-за куска хлеба! — проговорила тетушка Айсылу, глядя на зверьков, и кинула им яблочко.

Белки тут же их подхватили и проворно взобрались на дерево. А та белка, что была посмелей, уселась на нижнем суку, обхватила яблоко обеими лапками и принялась его грызть, то и дело переворачивая. Ест и одновременно длинным своим хвостом стучит по суку да еще и глазки-горошинки шурит. Ну, точь-в-точь мальчишка-хвастунишка, который вынес из дому лакомый кусок и ест его, выхваляясь перед товарищами! Мы все невольно рассмеялись, а Махмуд погрозил озорнице пальцем:

— Ну-ну, ты не очень-то воображай!

Белка мотнула головкой, словно хотела сказать: я ведь шучу...

С того дня тетушка Айсылу стала брать провизии на складе значительно больше прежнего...

Хвостатые создания очень подружились с нами. Стоило появиться на поляне, как они тут же начинали прыгать с ветки на ветку прямо над нашими головами. Скоро белки стали приводить с собой и детенышей. У одних было по два, по три, у других даже по пять бельчат. Малыши оказались шустрей и проворней родителей. Они скакали по деревьям с такой скоростью, что даже трудно было за ними уследить взглядом. Они раскачивались на тонких гибких ветках и на наш «стол» то и дело сыпались сухие листья, кусочки коры. Однажды Махмуд, вытащив из своей тарелки шлепнувшийся в нее сучок, сказал в сердцах:

Так больше не годится, ребята... Нужно как-то отвадить этих хвостатых — спокойно и поест не дают... Ага! Сейчас я их пугну. — Он согнул пальцы наподобие пистолета и, подняв кверху, к дереву, крикнул: — Пуф-ф! Пуф-ф!

«Напуганные» белки спустились еще ниже.

— Видно, у них тоже... режим, — заметила тетушка Айсылу, стараясь защитить своих подопечных. — Ведь как только наступает ваш обеденный перерыв, они тут как тут...

И тогда решила стряпуха кормить зверюшек раньше, чем нас.

Махмуд смастерил из жести множество маленьких тарелочек. И пока мы чистились да умывались, тетушка Айсылу принималась кормить наших иждивенцев. Однако едва она начала разливать лапшу, белки все вместе набрасывались на одну тарелочку, такие они оказались нетерпеливые. Опустошив ее, переходили к другой — пока не покончат со всем обедом. Мало того, что нетерпеливы, они оказались еще и драчливыми, то и дело затевали друг с другом потасовки. И все из-за еды. Наевшись же, вполне благовоспитанно утирали лапками рты и принимались вычищать друг у друга из шерсти крошки да остатки пищи...

Махмуд все время подкармливал сахаром и яблоками из своей доли ту самую смелую белочку. И он скоро совсем приручил ее. Как только Махмуд появлялся на поляне, белочка спрыгивала с дерева прямо ему на плечо и начинала есть из его рук.

Мы сразу узнавали эту белку по ее ушам. На их кончиках были едва заметные пятнышки. И за это мы прозвали белку Чуарколак — Пестроухий.

Однажды Махмуд со смехом сказал:

— Завтра, ребята, покажу вам забавное представление. Такое я видел в Казанском зоопарке.

Назавтра парень принес нечто напоминавшее небольшой барабан с перекладинками внутри. Махмуд всунул Чуарколака внутрь этого сооружения. Зверек стал перебирать лапками по перекладинкам, и барабан со звоном покотился по поляне. Эта забава, видно, пришлась по вкусу и самой белке. Она теперь каждый день сама влезала в барабан и бежала внутри него, быстро-быстро перебирая лапками по перекладинкам. Торопилась, словно ее кто-то преследовал.

— Скоро я электрифицирую нашу поляну,— заявил как-то Махмуд то ли в шутку, то ли всерьез.— Приспособлю мотор к барабану. Чуарколак будет вращать барабан, а электромотор — вырабатывать электричество, и тогда перед каждым из вас будет загораться лампочка... Разве не видите, какой мой Чуарколак молодец, мы с ним еще и не такое придумаем! — закончил парень, ласково поглаживая своего хвостатого друга.

Наши дела и без «электрификации» шли неплохо. Воришки нашлись. Теперь и соль на месте, и яблоки... Все тихо, спокойно. Правда, стряпухе нашей трудновато приходилось — еще одну «бригаду» обслуживать, но она не жаловалась. Даже наоборот, однажды очень озабоченно сказала:

— Вот что меня беспокоит, ребятки... Скоро работа ваша здесь закончится, вы уйдете... И что же тогда станут есть эти хвостатые? Не перемерут ли с голоду?

— А мы график составим,— весело сказал Махмуд.— Каждый день сюда будет приходиться один из нас и кормить белок. Кто сам не сможет прийти, ребяташек своих пришлет. Бригада большая, так что каждому не так часто придется дежурить...

— И так всю осень, что ли? — удивленно уставился на Махмуда Наджип.— А потом как? Зимой здесь снегу по горло...

— Ну и что же? Пока снег не выпадет, на мотоцикле ездить будешь, а потом — на лыжах.

Наджип по привычке потянул себя за нос и оглянулся по сторонам, выискивая какую-нибудь отговорку. Мы ждали, что же придумает он на этот раз. Наконец Наджип сказал:

— Предупреждаю: меня в свой список не включайте. Лишнего времени у меня нет, сами знаете. Скотины много, да и в вечернюю школу собираюсь ходить. К тому же и мотоцикл сломался, а на лыжах у меня голова кружится...

Мы все рассмеялись. Потом Мифтах-абзый серьезно сказал:

— Если бы вы даже очень захотели, белки сами здесь на зиму не останутся. Детишек они уже вырастили. И сами окрепли. И уйдут отсюда, пожалуй, даже раньше нас...

И вправду, через несколько дней уже никто не притронулся к лапше, разложенной стряпухой по маленьким жестяным тарелочкам. И больше уж не шевелились, как живые, ветки мочуга дуба. Исчез и Чуарколак.

— Ушли... Значит, пора настала,— произнес Мифтах-абзый.— Отправились на поиски мест, богатых орехами да калиной. Конечно, в дороге добрая их половина погибнет — от холода, от утомления... Ну что поделаешь, таков закон природы — он безжалостен к немощным и слабым...

Зачислены в штат...

Зима в том году была необычайно суровой. Трескались, замерзали деревья. Многие птицы, застигнутые врасплох холодами, погибали.

На улице мороз, а в нашем цеху — жаркое лето. Цех огромный, целое кирпичное здание высотой с трехэтажный дом. Крыша стеклянная. И тепло в нем, и светло. Это, видать, и привлекло сюда стаю воробьев. Отыскав под крышей маленькое отверстие, они пролезли в цех и скоро наполнили его гомоном и чириканьем. Радуются, что от мороза укрылись! В цеху и без них шумно — звенит металл под ударами тяжелых молотов, гудят сварочные аппараты. Их яркое свечение глаза слепит. А воробьям хоть бы что! Усядутся на потолочной перекладине и наблюдают за нашей работой. Временами затевают ссоры и потасовки — может, из-за удобного местечка. В такие минуты летят сверху пух и перья. И они в основном сыплются на Гарифджана-абзый, его рабочее место как раз под той балкой, которую облюбовали воробьи. Пух, перья, мелкие соломинки садятся на каску монтажника, на его точноизмерительный циркуль, линейку... Короче, Гарифджан-абзый многое терпит от шумливых, драчливых постояльцев. Другой бы не стерпел, вышел бы из себя, но наш Гарифджан-абзый человек добродушный, готовый помочь, кажется, любому живому существу на земле. Вот и на воробьев он вовсе не сердится. Порою лишь погрозит пальцем:

— Ну-ну, не балуйте, а то я вас...

Однако наш мастер Заки Закиевич — совсем другого склада человек. И сам шутить не любит, и других шутников не одобряет. Ему совсем не по душе шумная стая.

— Нужно их разогнать. Тоже мне — нашли место, где от зимы спрятаться. Оглохнуть можно от их гомона...

— Да ладно уж... Пусть живут, — защищает птиц Гарифджан-абзый. — Да куда им деться в такой-то холод, где еще согреться? Вот потеплеет, они и сами улетят, ни один не останется.

Мастер не спорит с Гарифджаном-абзый, молча отходит от него. Он ценит и уважает знатного монтажника. Как и все мы.

Гарифджан-абзый любит свою специальность. Он частенько, не считаясь со временем, задерживается в цеху. Окончив работу он не спеша снимает с головы каску и специальную мягкую шерстяную шапочку, надеваемую под нее. Все это вешает на крючок. Потом отправляется в душевую и долго, тщательно моется. Только после этого так же не спеша уходит домой.

Однажды утром, еще до начала работы, Гарифджан-абзый подозвал нас:

— Эй, ребята! Идите-ка сюда! Смотрите! — Он кивком головы указал на свою каску, висевшую на стене.

И что же мы увидели? Внутри каски, завернувшись в мягкую шерстяную шапочку, сидели два воробья. Видимо, ночью в цеху было холодновато. Воробушки не растерялись — нашли для себя тепленькое местечко... Голова у них работает, у этих забияк! Мало того, что переночевали внутри каски, они и сейчас чувствуют себя ее хозяевами и не собираются с ней расставаться.

Мы вопрошающе уставились на монтажника:

— Ну, что теперь с ними делать?

— Говорил ведь, гнать их надо было! Совсем распустились, — послышался голос Заки Закиевича.

Мы и не заметили, как мастер подошел к нам. А он сердито продолжал:

— Они на этом не остановятся. Скоро начнут гнезда вить в карманах ваших брезентовых курток. От этих бессовестных всего можно ожидать...

Только Гарифджан-абзый был, как всегда, спокоен.

— Что делать, спрашиваешь? А ничего! Если уж облюбовали они мою каску — пусть живут в ней. А там видно будет... — проговорил он и отправился за новой каской.

Удивительно, что и мастер наш сразу успокоился. Он без лишних слов выдал Гарифджану-абзый и новую каску, и мягкую шапочку под нее.

А пара воробьев с того дня стала жить в старой каске...

Между тем как-то незаметно и весна наступила. Потеплело. Затихло и чириканье над нашими головами — зимние постояльцы постепенно разлетелись из цеха. Только те, что свили

гнездо в каске, никуда не улетали. Видимо, и здесь им было хорошо, удобно. Они ни на минуту не оставляли гнезда — небось опасались, как бы кто не занял жилища в их отсутствие. Один улетает, другой обязательно остается — сторожит. Однако они, наверное, не удовлетворились одной лишь мягкой шапочкой — с наступлением весны натаскали в гнездо всяких сухих былинки, травинок, соломы.

— Да-а,— говорил Гарифджан-абзый.— Видно по всему, они не скоро освободят мою каску...

Так и вышло. Через некоторое время в гнезде появились три яичка величиной с лесной орех, одно пестрее другого.

Прошло еще некоторое время — из яиц вылупились три желторотых, очень подвижных птенчика. Они нетерпеливо разевали клювики, постоянно требуя пищи. Родители прямо не успевали таскать им жучков да червячков. Сочувствуя воробьям, мы принялись подкармливать их ненасытное потомство. Подбрасывали птенцам то дождевых червей, то мух, то гусениц. Сначала, правда, они почему-то не ели того, что мы им давали. Капризничали. А потом, когда уже привыкли к нам, живо глотали наши гостинцы — чуть ли не с пальцем выхватывали!

Птенцы заметно подросли. Вскоре, окрепнув и окрылившись, стали вылетать из гнезда. Они вместе с родителями отправлялись на поиски корма.

Была, пожалуй, уже середина лета, когда однажды старшие два воробья вернулись в гнездо только вдвоем.

— Похоже, они расстались со своими птенцами. Стало быть, юнцы сами о себе станут заботиться, сами свою жизнь строить. Так-то вот всегда — вырастишь детей и тут же приходится расставаться с ними,— вздохнул Гарифджан-абзый. Нам всем стало грустно.

Воробьи так и остались жить в каске монтажника. И никуда переселяться не собирались. Теперь даже наш неулыбчивый мастер Заки Закиевич примирился с ними.

— Зачем же им улетать отсюда, ведь они зачислены в штат и не имеют права покидать цех... Иначе я им прогул запишу,— к нашему удивлению, пошутил он как-то...

Косуля Грустинка

В то лето наша небольшая геологическая партия работала на Тянь-Шане. Мы расположились лагерем у подножия невысокой горы.

Однажды двое наших геологов принесли в лагерь маленькое дрожащее существо, чуть больше мужской меховой шапки. Существо оказалось детенышем косули. Ребята подобрали его под скалой. Видимо, он отстал от матери и потерял ее.

— Постарайтесь, пожалуйста, спасти его,— попросили геологи нашего доктора.

— Да его не от чего спасать! Он вполне здоров, только промерз здорово и голоден... Ему необходимо дать теплого молока да обогреть. Часа через два, глядишь, уже примется скакать,— ответил им доктор, внимательно осмотрев «пациента».

И в самом деле, когда косуленку дали молока в бутылочке, он с аппетитом принялся его сосать. Геологи укутали его в теплое одеяло, но косуленок лежать не хотел, он проворно встал на тонкие ножки и принялся с удивлением разглядывать людей. А те старались повкусней угостить гостя — кто печенье совал, кто шоколадку.

Маленькая косуля быстро поняла, что люди не хотят ей плохого. Они спасли ее от голодной смерти, напоили таким вкусным молоком... Значит, им можно довериться. Все-все здесь хорошо, одно плохо — нет рядом мамы.

Малыш стоял на поляне, посреди лагеря и жалобно кричал:

«Бэ-э-э! Бэ-э-э!»

Весь вечер звал косуленок свою мать, но никто ему не отозвался.

Маленькая косуля очень грустила, вот мы и назвали ее Грустинкой.

Экспедиция работала высоко в горах почти три месяца. Мы все уже скучали по дому, родным, поэтому всю свою любовь и нежность перенесли на это хрупкое маленькое существо. Косуля тоже привязалась к нам, но больше всех дружила с нашим радистом Ренатом. Так по

пятам за ним и ходила. Ренат даже пытался дрессировать косулю. Например, ставил на землю два ящика на некотором расстоянии друг от друга и заставлял Грустинку перепрыгивать с одного на другой. Косуля оказалась способной ученицей и быстро поняла, чего от нее хотят.

Мы с удовольствием смотрели ее «выступления».

За это время мы собрали много нужных и интересных сведений о климате, растительном мире здешних мест, о полезных ископаемых, таящихся в недрах гор. Лето подходило к концу, скоро начнется сезон дождей, задуют холодные ветры, а там уж и зима не за горами. Мы стали собираться в дорогу. Но куда девать Грустинку? Не с собой же брать? Где она будет жить в городе? У кого? У меня, например, квартира маленькая, а у Рената и вовсе квартиры нет, он еще студент и живет в общежитии. Другие члены экспедиции тоже не могли привезти уже подросшую косулю в городское жилище...

Мы посоветовались и решили отнести Грустинку на то место, где ее нашли. Как следует накормили косулю и простились с ней. Те двое геологов, которые принесли тогда Грустинку в лагерь, и отправились с ней к той скале. Все печально и долго смотрели им вслед, а потом принялись свертывать палатки, складывать в рюкзаки образцы минералов, свои вещи. Геологи вернулись в лагерь и рассказали: Грустинка, видимо, не почувствовала никакого подвоха — когда ее спустили с рук, она беззаботно запрыгала по камням, принялась «бодать» чахлые кусты, росшие под скалой, — пробовала силу своих едва наметившихся рожек. Ребята заспешили в лагерь и, уходя, боялись даже оглянуться...

Мы должны были спуститься вниз, к перевалу. Там нас поджидал грузовик.

Впереди меня с тяжелым рюкзаком за плечами шел Ренат. Он был мрачен и неразговорчив, ведь мы предали нашу любимицу, оставили Грустинку одну среди белых скал. Хорошо, если она найдет своих сородичей и присоединится к ним... Но вот захотят ли подруги косули принять ее, прирученную, в свое стадо? И не станет ли она в первую же ночь добычей какого-нибудь хищника?

Все ниже и ниже спускались мы по узкой, едва заметной тропе. Густые белые облачка стайками проплывали перед нами и, лениво покачиваясь, прислонялись к утесам и скалам, словно отдыхали... Наш лагерь остался далеко наверху, и скоро уже совсем его не стало видно за пеленой облаков. И чем дальше мы уходили от лагеря, тем сильнее болело у нас сердце: что же мы наделали, как могли бросить Грустинку, это беззащитное и доверчивое существо?..

Видимо, Ренат думал о том же. Вдруг он остановился, круто повернулся ко мне и сказал:

— Слушай, давай-ка оставим здесь рюкзаки и сходим за ней, а?

Я сразу понял, о ком речь. Без лишних слов мы сбросили с плеч рюкзаки и поспешили назад по той же узкой тропе. Вдруг в тумане, который уже медленно начал сползать сверху, мы заметили знакомый силуэт. Грустинка! Да, это была она! Если мы ее бросили, то она сама не захотела расставаться со своими друзьями. Вот умница! Радости нашей не было предела...

Вот так косуля попала ко мне домой. Вначале все соседи любовались на Грустинку, хвалили за сообразительность и спокойный характер. Действительно, в первые дни она вела себя очень скромно. Но потом... Потом она начала «откалывать номера»! То цветы на газонах поест или истопчет, то забодает какого-нибудь малыша во дворе. Что тут началось! Теперь уж рогатым шайтаненком стали называть ее наши соседи и требовать убрать куда-нибудь... по-дальше!

Если бы так легко было расстаться с ней, я бы вообще не привозил ее домой. А пока, уходя на работу, мы с женой решили запереть ее в сарае. Но Грустинка, непривычная к одиночеству, кричала весь день. Возвращаемся домой, а наш почтовый ящик набит записками. Соседи по дому снова требовали поскорее убрать куда-нибудь эту «скандалистку».

Выручила меня моя дочь Альфия.

— У нас в школе есть живой уголок, в котором живут кролик, еж, лисенок и черепаха. Отведем туда и Грустинку. Учительница разрешила, — сказала Альфия.

Это был выход. Я с радостью согласился, хотя вновь расставаться с Грустинкой было... грустно!

В школе косулю приняли очень хорошо. Особенно подружилась она с мальчишками из дочкиного класса. После уроков те бегут за школу в футбол играть, и Грустинка за ними. Маленькими рожками толкает мяч, гонит его то в одни ворота, то в другие...

Дети смеются — мол, непонятно, за кого играет косуля!..

Помощь подоспела вовремя

Наджип самозабвенно катался на коньках и ничего, конечно, вокруг не видел. Устав, мальчик замедлил бег и тут заметил на зеркальной поверхности небольшую прорубь.

Из него торчали... две рыбы головы! Два окунька жадно вдыхали воздух, они дышали тяжело, словно только что в бегах участвовали.

Наджип принялся внимательно наблюдать за окуньками. Он был в недоумении: что случилось, что их так изнурило? Летом он ни разу не видел, чтобы рыбы высовывались из воды и глотали бы воздух, а в летние дни они ведь с дедом, можно сказать, с реки не уходят — все рыбачат.

Наджип долго стоял возле проруби и наблюдал за окуньками. Хотя зима была уже на исходе, но день стоял холодный, с резким ветром. Правда, здесь, за горой, было тише и, казалось, не так холодно. Однако скоро мороз стал пощипывать щеки мальчика, и он собрался домой. Взглянув еще раз на полынью, Наджип увидел, что тонкий ледок уже начал затягивать ее поверхность и задние плавники рыб примерзают ко льду. Сами окуньки, видно, не чувствуют этого. Едва заметно шевеля жабрами, знай себе дышат.

Наджип подошел поближе к проруби и палкой, бывшей у него в руках, разбил лед. Полынья всколыхнулась, вода брызнула в разные стороны. Только тут и очнулись окуньки — мгновенно нырнули в реку.

Вернувшись домой, Наджип рассказал деду о странном поведении рыб.

— Все верно, — начал разъяснять дед, — ведь весна скоро, лед за зиму стал очень толстым, вот и не пропускает воздух вниз — рыбам дышать нечем. Эти окуньки, видать, сообразительные — нашли выход. Другие-то небось лежат ослабленные на дне пруда, могут и совсем задохнуться. В долгие зимы часто так случается — в прудах и озерах много рыбы гибнет от недостатка воздуха.

— Как же помочь им? — обеспокоенно спросил Наджип.

Дед, поглаживая бороду, задумчиво сказал:

— Надо что-то придумать...

Наутро дед разбудил внука очень рано, чуть развиднелось. Прихватив с собой лом и лопату, они отправились к пруду.

Дед разбивал ломом лед, а Наджип отбрасывал его лопатой в сторону. Так они обошли весь пруд, с одного конца до другого, и пробили на его поверхности много отверстий — прорубей.

— Ну, теперь можно не беспокоиться за рыб, воздух свободно поступает в пруд, — произнес дед, вытирая со лба капельки пота. — Только вот как бы нам не забыть недельки через две снова сюда прийти, осмотреть проруби и, если надо, снова их расчистить...

— Нет, нет, дедушка, не забудем... Если ты и позабудешь, я обязательно напомню тебе, — воодушевленно отвечал Наджип. Хоть они и устали порядком, но настроение у мальчишки было приподнятое, радость переполняла его сердце: как же, они ведь такое полезное, нужное дело сделали сегодня.

Жаворонки

Не успеют отшуметь вешние воды да просохнуть поля после таяния снегов, как прилетают к нам жаворонки.

Птицы взмывают в голубое, как лесной колокольчик, высокое небо и, покачиваясь на теплом воздушном потоке, идущем от земли, начинают свои звонкие песни. Словно славят тех, кто внизу, на земле трудится. Недаром же их зовут спутниками хлебороба.

Так вот, в прошлом году произошел такой случай с этими «спутниками». Послал меня бригадир культивировать поле, что за колхозной мельницей. Не проехал я, пожалуй, и десяти метров по полю, как вдруг, откуда ни возьмись, пара жаворонков закружилась вокруг моего трактора.

— Ну ладно, ладно,— говорю им шутливо,— встретили меня, поздоровались — спасибо, а теперь летите в свое гнездо, а то яички остынут...

Руки мои на штурвале, ноги на педалях — еду себе.

Однако и жаворонки не отстают, все кружатся. «Что ж это такое? Что с ними произошло? Уж не помощи ли просят у меня?» — озадаченно думаю я, продолжая ехать.

Неожиданно птицы спустились совсем низко — почти касаются крылышками капота трактора. Вот даже перед самым окошком кабины пронеслись.

Я снял с головы кепку и погрозил неумным птицам. Они нисколько не испугались и продолжали лететь совсем близко от моего стального коня. Я все еще не понимал, чего хотят эти пичужки.

«Ах, ты не понимаешь, тогда вот, смотри!» — словно отвечая на мои мысли, одна из птиц сначала уселась на окошко кабины, а потом стремительно бросилась вниз. Я оторопел и тут же нажал на тормоз. Заскрежетав металлом, машина остановилась. Я торопливо соскочил на землю.

А-а! Вот оно в чем дело, оказывается!

В двух-трех шагах впереди лежало маленькое, с ладонь, гнездышко, свитое из сухих былин. А в нем, размером меньше лесного ореха, четыре серых яичка в черную крапинку.

Я нагнул над гнездышком. Жаворонки, видимо, испугались и, отлетев, уселись неподалеку на высокой траве. Они беспокойно хлопали крылышками, встревоженно щебетали.

Я осторожно, стараясь не потревожить ни одного яичка, поднял гнездышко и пристроил в ближайших кустах. Мне показалось, что жаворонки заверещали теперь совсем по-другому — радостно и благодарно, а один из них без всякого страха тут же подлетел к гнезду и уселся на яички. Другой стрелой взмыл высоко в небо и запел — громко и торжественно. Я долго смотрел на эту маленькую точку. Смотрел до тех пор, пока она совсем не скрылась в глубине ясного неба и со спокойной душой вновь сел за штурвал.

Встреча на лесной дороге

Эту красивую рощу на плоскогорье, где попеременно растут разные деревья — осина, береза, липа, издавна называют Лосиным лесом. И название это, как говорится, вполне соответствует истине — лосей здесь и вправду очень много. И они то по одному, то сразу целой группой почти каждый день попадают навстречу, когда мы через рощу идем на буровую. Лоси совсем нас не боятся, наверное, уверены в том, что мы не причиним никакого зла. С большим интересом смотрят нам вслед, выставив из-за деревьев свои огромные ветвистые рога. Видно, хорошо им в этой роще, привольно. Летом на больших лесных полянах растет сочная, высокая — по пояс — трава. А зимой сколько угодно вкусных почек — липовых, осиновых, березовых... И никто их тут не преследует, не гонит. Сами хозяева в лесу.

Однажды с лосями произошел такой случай.

Буровики уже закончили свою работу на склоне горы. И ждали, когда вышку перенесут на новое место. А это уж наше дело, наша бригада занимается переносом вышки с одного места на другое и ее установкой. Мы — монтажники.

На этот раз буровую точку предстояло поставить по ту сторону Лосиного леса: нам нужно было пересечь рощу, чтобы перетащить вышку на новое место. Колонна тракторов заранее подготовила трассу, по которой предстояло переносить вышку, потом спилили лес, выкорчевали пни, сровняли рвы и колдобины. Опустевшую после ухода буровиков вышку мы демонтировали полдня и отправились на тракторах в путь. Дорога впереди была ровной, сухой.

Стояла лучшая летняя пора. Вовсю светило солнце, в лесу царил птичий гомон. Над цветами кружились розовые, красные, желтые бабочки, в траве прыгали кузнечики.

Семь тракторов без натуги тащили буровую — четыре впереди, два с боков, и еще один — сзади, он не давал вышке завалиться вперед. Его вел мой друг Асхат. Я шагал рядом. Скоро мы уже достигли Лосиного леса. Однако нам не удалось далеко продвинуться вперед. Вдруг неожиданно-негаданно остановилась вся колонна. Послышались какие-то возгласы. Асхат оста-

новил трактор и соскочил наземь. Мы вдвоем направились к передним тракторам. И вот что прежде всего бросилось нам в глаза. Примерно в ста метрах впереди первого трактора, который вел Вакиф, стоял, как вкопанный, лось-великан. Его огромные рога торчали в разные стороны, как корневища дерева. От одного его вида становилось не по себе. Лесной владыка стоял как раз посередине нашей трассы. И, видимо, не собирался отступать. За его спиной стояла лосиха.

Даже издали можно было заметить, что лосей что-то сильно беспокоит. Наверное, это и заставило их выйти на трассу. Великан время от времени стучал копытами о землю. Поведение его было угрожающим. Лосиха же вела себя иначе, она была не столь страшна и мычала как-то жалобно, как бы умоляла о чем-то... Она словно хотела о чем-то нам рассказать...

— Я их уже давно вижу, начиная вон с того поворота,— стоят как пришитые,— сказал наш бригадир Сафиулла-абзый.

Всякий раз, когда вышки перетаскивали с одного места на другое, бригадир шел впереди колонны, указывая дорогу тракторам.

— По-моему, они и не собираются нас пропускать. А самец готов, пожалуй, рогами и трактор опрокинуть,— добавил Вакиф, невольно оглядываясь на свой трактор.

Коротышка Хайруш, постоянно кашляющий от табачного дыма, уселся на пенек и вынул из кармана курево.

— Ну-ка, устроим, ребята, перекур... А то мчитесь, словно огня наглотались. Да еще эти навстречу. О том же, что нужно хоть малость передохнуть, вы и не помышляете. А мне уж невтерпеж,— проговорил он, закуривая.— Пока мы перекурим по одной, глядишь, и лоси уберутся восвояси. Не станут же они весь день торчать на трассе!

Мы все уселись на корточки возле Хайруша. Парень он неплохой, долгие годы работает в бригаде. Мы малость покурили. Однако животные не собирались сходить с трассы. Стоят себе и стоят на одном месте. Но нам уж было некогда их пережидать, надо было доставить вышку на место и начинать монтаж. Ребята разошлись по своим тракторам. Я тоже отправился на свое место — рядом с трактором Асхата. И вышка, плавно качнувшись, снова тронулась в путь. Мы предполагали, что, если двинемся на животных тракторами, они не выдержат, испугаются и убегут. Куда там! И не думают! Передние тракторы опять остановились. Теперь расстояние между нами и лосями тридцать — сорок метров. Самец и в самом деле готов наброситься на трактор и разворотить мотор крепкими, как сталь, рогами. Он яростно топтал землю копытами и сердито мотал головой из стороны в сторону.

Вакиф, который до сих пор призывал других не останавливаться и продолжать путь, обратился к ребятам:

— Если у вас по две головы, то пожалуйста. Пусть любой из вас садится на мой трактор, уступаю...

Вперед отважно вышел мой приятель Асхат, прихватив с собой толстую кривую палку.

— Да я в момент их напугаю. И не заметите, как исчезнут,— проговорил он.

Асхат слегка прихрамывал. Еще мальчишкой упал на лыжах, сломал ногу и с тех пор хромотает. Припадая на больную ногу, Асхат вышел немного вперед. Он приставил к груди наподобие ружья свою кривую палку, прицелился и «выстрелил»:

— Пух-пух!

Увидев, что «пух-пух» не произвело на лосей никакого впечатления, парень применил «тяжелую артиллерию»:

— Бах-бах! Трах-тарарах!

Лесные владыки и на это никак не реагировали. Тут Асхат и сам пришел в ярость. Размахивая клюкой, он начал наступать на животных. Хорошо, что его тут же остановил Сафиулла-абзый:

— Да куда ты? Иль жизнь надоела? Храбре-ец! — Помолчав, он добавил:— Смех смехом, ребята, а надо бы узнать, отчего эти лесные владыки нас не пропускают. В чем тут дело? Не можем же мы весь день тут торчать!

Поглядев внимательно, мы заметили метрах в двадцати пяти — тридцати впереди свежерытую траншею. Она протянулась вдоль нашей трассы по направлению к скважине. По траншее пройдет вода — ведь без воды бурить нельзя.

Лосиха теперь все кружила возле этого рва, совала туда голову, жалобно мычала, словно стонала.

— Как бы то ни было, их поведение, по-моему, связано с этой самой траншеей,— проговорил Сафиулла-абзый, понаблюдав за поведением лосей.

— Сейчас узнаем,— сказал Вакиф с таинственным видом и мгновенно вскарабкался на крышу кабины своего трактора. Приложив руку ко лбу, он замер.

— Что ты застыл? Или медведя увидал? — спросили его снизу.

— На дне траншеи кто-то есть... Медведь не медведь... Шевелится,— отвечал Вакиф, приподнимаясь на носках.

— Понятно,— проговорил Сафиулла-абзый, но не стал объяснять, что же ему понятно, а поглядев на лосей, спросил: — Ну, кто со мной?

Коротышка Хайруш тут же отозвался.

— Я пойду,— сказал он, пряча в карман пачку папирос.

И вот двое наших товарищей полезли в ров — поглядеть, что за существо там шевелится и какое отношение имеют к нему эти лоси.

С приближением людей лось-самец пришел еще в большее волнение, даже шагнул им навстречу. Он так сердито и яростно мотал головой, что даже со стороны смотреть было страшно. Мы затаили дыхание: чем же кончится эта затея? Как бы лось не разорвал наших ребят.

А Хайруш-то, оказывается, храбрец. Не обращая внимания на лосей, знай себе шагает вперед. Да еще пальцем им грозит:

— Да не беситесь вы понапрасну. Неужто не видите, что у нас нет дурных намерений,— бубнил он.

Столь хладнокровное, несуетливое поведение Хайруша, его добродушное бормотание, видимо, успокоило лосей. Самец перестал угрожающе фыркать и бить землю копытами. Однако он еще не совсем доверял людям. Он следил за ними... А лосиха, подавшись немного вперед, словно успокаивала своего спутника. Она вдруг словно почувствовала, что Сафиулла-абзый и Хайруш не причинят зла.

Мы тем не менее еще не совсем верили, что все обойдется хорошо. Как-никак лоси — дикие животные. Всякое может произойти... На всякий случай мы приготовили длинный канат...

К тому времени наши добровольцы подошли к краю траншеи. Самец хотел было в последнее мгновение напасть на них, да не успел — те уже спрыгнули вниз. А на дне траншеи лось им был не опасен.

Мы не знали, чем заняты наши товарищи в этой траншее. Однако лоси вели себя очень беспокойно — в волнении топтались у самого края траншеи, метались в разные стороны. Видимо, Сафиулла-абзый и Хайруш кого-то ловили на дне рва...

Спустя некоторое время на поверхности показалось некое невзрачное существо — с большой головой и с тонкими ножками. Вслед за ним высунулись и Сафиулла-абзый с Хайрушем.

Существо встало на ножки, подбежало к лосям и тут же ткнулось мордочкой в брюхо матери.

Хайруш, обращаясь к самцу, беспокойно топтавшемуся, словно на горячей сковороде, проговорил:

— Успокойся, братец... Ладно уж, бери своего сынка. Поздравь с благополучным спасением. А впредь будьте осторожны. Смотреть надо под ноги.

А лосенок, видать, совсем оголодал: ни на что не обращая внимания, сосет материнское молоко. Кто знает, сколько он пробыл в траншее...

— Сами-то они и через речку перепрыгнут, не то что через ров, им ничего не стоит, а вот сынишка-то их в траншею провалился,— объяснял нам Сафиулла-абзый.— Никак мы его там поймать не могли — измучились. Ноги у него длинные — все удрать от нас норовил, шельмец...

Лоси же, видно, совсем позабыли про нас, словно нас и на свете не было. Они всячески ласкали своего детеныша — лизали, легонько толкали ноздрями. А тот и головы не поднимал от материнского вымени.

— Хэс-хэс! — закричал Вакиф, пытаясь прогнать животных.

— «Хэс-хэс!»! — рассмеялись ребята.— Совсем ты темный, Вакиф, оказывается. Ведь так только овец погоняют...

Однако самец и так хорошо его понял. Он сверху вниз мотнул головой, словно извинился за то, что так надолго задержал нас, и одновременно благодарил за избавление своего драгоценного сынка от беды. И после этого увел семью в лес.

Только они скрылись с глаз, тронулись и трактора. Хоть и здорово мы задержались в пути, оставшийся отрезок прошли быстро и легко и вовремя доставили вышку на место.

Бородач

Мы с отцом ездили на мельницу — пшеницу молотить. На обратном пути к нам привязался огромный козел — весь в репье и колючках, борода до копыт, а рога что два серпа!

Вот уж мы через одну деревню проехали, вторая позади, козел не отстает — все топает за нашей арбой. Я пытался отгонять его прутом, но не тут-то было! Замахнусь — он останавливается и вроде бы собирается назад ковылять, но стоит мне влезть на арбу, он снова бежит вслед.

День, помню, был знойный, солнце палило нещадно, мы совсем заморились. Да к тому же дорожная пыль быстро поглотила деготь, которым были смазаны колеса арбы, и они страшно скрипели. Надо было и самим передохнуть, и колеса заново смазать. И вот когда мы уже проехали половину пути, отец повернул лошадь к лугу. Там мы выбрали красивую лошину и остановились. Лошадь распрягли и отпустили пастись. Сами расстелили на траве небольшой коврик и сели перекусить. Тут козел улегся на траве под самым нашим носом. От него несло невероятной вонью — сил нет терпеть. Я хотел отогнать его. Но он лениво поднялся и с недовольным блеянием замотал рогами — видимо, хотел напугать.

— Эй, Бородач! Ты что это? Иль подружиться с нами хочешь, а? — с улыбкой обратился отец к козлу. — Ну ладно, тогда угощайся, — и бросил козлу корку хлеба. Козел как-то по-чуждому потряс длинной бородой и с большим аппетитом принялся есть.

Солнце было еще высоко, жара не спадала. Отец накосил немного травы, сложил ее под арбой, и мы поспали на этом пахучем свежем сене. Бородач тоже улегся в тени арбы.

В путь мы тронулись, когда солнце уже начало закатываться за лес и стало чуть прохладней. Лошадь бежала резво, тоже отдохнула. Заново смазанные колеса больше не скрипели. Хорошо! Одно плохо — козел от нас не отставал. Тихо едем — он тоже сбавляет шаг, отец подхлестнет лошадь, она побежит — и козел пускается вскачь!

Добрались мы наконец и до своей деревни. Поравнявшись с домом, я спрыгнул с арбы и побежал открывать ворота. Впустив лошадь во двор, я тут же подпер ворота толстой жердью — не хотел пускать козла. Он же не растерялся — подошел к калитке, толкнул ее рогами и нахально ввалился во двор. Словно в родной дом пожаловал! Пока мы с отцом убирали в амбар привезенную с мельницы муку, наш Бородач успел уже обойти двор, все пристройки — от конюшни до подклети.

— И, ходаем! — послышался мамин голос. — Зачем вы привели сюда этого вонючего козла?!

С прутиком в руке мама принялась гнать его со двора. Однако незванный гость не испугался — сам начал наступать на хозяйку, сердито крутя рогами. Мол, только попробуйте прогнать — забодаю, я не из робких... Мама подалась назад...

В той части двора, которая граничит с улицей, был забор, а возле него крытый погреб. Обследовав все закоулки двора, козел облюбовал для себя этот самый погреб — ловко вскочил на его крышу и спокойно разлегся.

— Видите, он нашел для себя место. Не трогайте его больше, не гоните. Пусть лежит. А найдется хозяин — отдадим, — сказал отец.

Однако никто козла не искал, никто о нем и не расспрашивал. Мы было погнали его в деревенское стадо, но он не захотел пастись вместе с другими козами да овцами. Зачем, мол, ему весь день напролет томиться на жаре да пыль глотать, ведь Бородач не простой козел, а, можно сказать, всем козлам козел! Вон ведь даже его рога как изогнулись!

Когда Бородач два дня подряд удирает из стада и возвращается домой, мы перестали его принуждать. И с того дня он жил у нас во дворе и целыми днями лежал на крыше погреба. Лежал бы себе спокойно, и ладно, а то ведь начал «выступать»! Как-то кормил я кур, а козел подошел ко мне сзади и толкнул рогами — я не удержался, упал. Однажды, когда наша бабушка шла из соседской бани — распаренная и уставшая от долгого мытья, Бородач загнал ее

на огуречные грядки. Он не бодался, нет — только толкал человека своими огромными кривыми рогами. Толкнет, озорно прищурит голубоватые глаза и долго смотрит на жертву. Видно, по душе ему наши испуганные вопли.

С тех пор как у нас во дворе появился Бородач, соседи перестали заходить к нам. Даже почтальон Захира-апа не рисковала ступить на двор — бросала наши письма прямо через забор. Все боялись нашего рогатого постояльца. Каждый вечер мы — бабушка, мама и я жаловались отцу на Бородача. Мол, это настоящий разбойник — куда хочешь, туда и уведи его. Отец, выслушав нас, лишь смеялся. Он почему-то любил этого озорника. Никогда не наказывал, лишь пальцем ему погрозит — смотри, мол, у меня, не балуй, а то огрею прутом. Бородач отвечал отцу привязанностью, только его и считал своим хозяином, только ему и подчинялся.

Во дворе у нас стояла недостроенная баня. Бывало, по вечерам, после чая, отец с матерью садились на ступеньки крыльца и, поглядывая на сруб бани, начинали обсуждать всякие дела, строить планы. Мама все толковала о том, что булыжник для бани надо привезти обязательно с луга Тугаш, — говорят, мол, когда льешь на такой камень воду, так он начинает испускать какой-то особый аромат, и пар становится духовитым...

Стоило только хозяевам усесться на ступеньках, Бородач тут же соскакивал с погребца и подходил к ним. И, словно соглашаясь с ними, с их словами, он время от времени тряс длинной бородой.

— Погляди-ка, мать, на этого старика — ведь умница, а? Он все понимает и вникает в смысл разговора. Жаль, сказать ничего не может. . .

— Ой, брось ты чепуху городить, — сердилась мама, — зверь он. По мне что волк, что твой козел. Да и какой он умный? На днях так меня толкнул рогами, что я чуть не растянулась вместе с коромыслом и полными ведрами... Ну, уведи ты его куда-нибудь, а то ведь из-за этого безобразника все соседи нас обходить стали...

Отец был озадачен; хоть он и любил Бородача, но нужно каким-то путем избавляться от него, нельзя дольше мириться с его выходками. И тогда решил он отвести козла куда-нибудь подальше от дома. Привязал его однажды к арбе и погнал лошадь в дальний лес. Там отпустил его на поляне с густой травой — ступай, мол, пасись себе на здоровье, живи, как хочешь. А пока Бородач пасся, отец незаметно уехал и всю дорогу погонял лошадь — боялся, козел их догонит. Не догнал.

Однако не прошло и трех дней, как мы снова увидели Бородача на его обычном месте — на крыше погребца...

Отец так и не достроил бани — началась война. В день отъезда на фронт отец подвел козла ко мне, погладил его, а потом строгим голосом сказал ему:

— Теперь твоим хозяином станет вот этот молодец. Подружись с ним... Понял? Подружись...

С этого дня козел ни разу не пытался меня боднуть. Он теперь неотступно ходил за мной, ждал, когда угощу хлебом. Дружил он только со мной, а к другим относился по-прежнему, даже, пожалуй, хуже прежнего — не только пугал, но и бодался. Может, он очень тосковал по старшему хозяину, воевавшему с фашистами.

Шел второй год войны. Все взрослые мужчины нашей деревни ушли на фронт. Остались женщины, старики и дети.

От отца изредка приходили солдатские письма-треугольники. Сначала он воевал под Москвой, был ранен, лежал в госпитале. После излечения вновь уехал в свою часть. Почти в каждом письме отец интересовался Бородачом.

В то лето я пас колхозное стадо. Каждое утро мы отправлялись на работу втроем — Бородач, я и щенок Муйнак. Он появился на свет только весной, но был умным, понятливым. Везде за мной ходил.

Зимой в округе развелось много волков. Говорили, что они бежали сюда из прифронтовых лесов. Голодные звери, вынужденные покинуть родные логова, были особенно беспощадны. Они разбойничали каждую ночь — то овцу задерут, то на жеребенка-сосунка нападут. И некому бороться с ними: наш охотник Шафик-агай на фронте, он снайпер.

Однажды после полудня все мое стадо вдруг встрепелось и, не разбирая дороги, устремилось к деревне. Гляжу, вдоль Тугашского луга бежит к нам огромный, ростом с теленка, волк. Муйнак боязливо прижался к моим ногам. Да и сам я струхнул. Что я могу сделать с этим хищником, когда у меня в руках, кроме ореховой палки, другого оружия нет. Тут выступил вперед наш Бородач. Однако волк и внимания не обратил на козла — хотел мимо пробе-

жать и ухватить добычу пожирней. Однако Бородач сам подскочил к хищнику и с маху ударил его в лоб мощными рогами. Волк рухнул на колени. Надо было Бородачу тут же поддеть зверя на рога да швырнуть оземь. А он, ошеломленный, стоял над хищником и не двигался. — Может, думал: ну, враг получил от меня по заслугам, теперь уж удерет... Однако серый разбойник быстро опомнился. Оскалив зубастую пасть, он со всей яростью кидался на козла то с одного бока, то с другого. Но Бородач, выставив рога, стоял твердо — готов был погибнуть, но стада своего в обиду не давать.

И волк принялся хитрить — делал вид, что собирается с одной стороны напасть, а сам вдруг заходил с другой. Наконец хищнику удалось схватить козла за хребет и прокусить в нескольких местах. Бородач сбросил с себя зверя и, предупреждая новую атаку, выставил рога... Волк снова бросился на козла, но тот успел пронзить его острыми, как вилы, рогами. Разбойник соскользнул вниз и, орошая землю кровью, повизгивая, отполз в сторону. В этот момент с луга уже бежали наши косари. Они быстро покончили с хищником. А Бородач, с трудом передвигая ноги, отошел в сторонку и лег в траву. Среди косарей была и наша мама. Она принялась прикладывать к ранам Бородача мокрые тряпки, но это уже не могло помочь бедняге...

Схоронили мы нашего Бородача там же, на месте боя...

Буян

Окончив семь классов, я начал работать в колхозе. Мне дали хромоногую кобылу и назначили водовозом на ферму. Кобыла была старая, немощная, сколько бы я ни погонял, больше четырех ездов на пруд за водой у нас не получалось — до обеда дважды и после обеда столько же. Я огорчился — ведь для настоящего парня ездить на хромой старой кобыле не велика честь. Но что поделаешь — время было такое: послевоенное, коней в хозяйстве не хватало. Наш председатель Хафиз-агай утешал меня: мол, потерпи, потом что-нибудь придумаем, найдем, может, для тебя другого коня. И я терпел.

На конном дворе был, правда, еще один свободный конь, но если бы стоящий, от него бы взрослые не отказались. А так никто его не брал, ни под седло, ни в упряжку. Конь молодой, стройный, тонконогий и широкогрудый. Масти он был вороной, а на лбу большая белая отметка, что твоя звездочка. Его называли Буяном, но постепенно люди переименовали его в Дикаря. И вот почему.

— Ай-яй, какой конь! Не конь, а прямо огонь! — любовались им старики и добавляли: — Небось его председатель будет запрягать лишь в особых случаях, когда почетных гостей надо будет встречать, депутатов например...

Однако Буян оказался очень норовистым: не то что запрягать — к нему и с уздечкой не подойдешь. То ли щекотки боится, то ли еще что... Стоило к нему приблизиться — он начинал дрыгать ногами и бить копытами землю.

— Это ничего, — говорили те же старики, — сладим с ним, обучим, пусть вот только первый снег выпадет.

С первым снегом, с первой санной дорожкой наступает день, когда объезжают молодняк. Этот день в нашей деревне превращается в настоящий праздник, пожалуй, даже повеселей сабантуя¹. К нему заранее готовятся. С наступлением холодов, поздней осенью деревенские шорники принимаются за изготовление сбруи для молодняка, легких саней. А эти сани парни раскрашивают в разные цвета. Молодые женщины шьют для жеребят, на которых впервые наденут хомут, красивые шапочки с бахромой, кистями.

Надо сказать, что этот день для нас, мальчишек, был своим, особым праздником. В этот день испытывали не только молодых коней, но и нашу смелость, ловкость, умение. Рассказов о том незабываемом дне парнишке хватало на всю зиму... Так вот, выведет парнишка жеребца и передаст в руки уже взрослому парню, которому эта честь предоставлена за хороший труд.

Одному справиться не легко, парню помогают и другие. Но вот уже и хомут надет на шею, и чересседельник закреплен, и прочая сбруя прилажена. Объезжающий берет в руки вожжи, садится в разрисованные сани, и конь словно вихрь вылетает через широко открытые ворота

конного двора. Тут уж держись... А мальчишки, взобравшись на пожарную каланчу, сообщают новости:

— А Ретивый-то мчится, ой-ой! Как бы сани не опрокинул!.. Нет, вроде успокоился, в рысь перешел...

Парень, сделав два-три круга, возвращается назад. Конь, уставший с непривычки, совсем запыхался. Теперь с ним справится даже мальчишка. И наступает сладкий миг для нас.

Мне особенно запомнился тот год, когда и Буяна должны были впервые впрячь в оглобли. Вот, как и всегда, нарядно одетые парни принялись запрягать молодых коней. Кони сопротивляются, мечутся в руках парней, фыркают. Некоторые норовят даже ухватить зубами рукав, укусить. А зазевается иной молодец, так жеребенок и лягнуть может — ему, конечно, не хочется хомут надевать. Но парни тоже не промах, упорно делают свое дело. Помогая друг другу, они уже ставят своих подопечных между оглоблями, оглобли прикрепляют к дуге...

Но мне нет дела до других, я глаз не отрываю от Буяна. Вот других жеребят уже объездили, а на него еще и уздечки надеть не могут. Головой крутит, подпрыгивает на месте. Тогда позвали самого сильного у нас в колхозе человека по прозвищу Сейфи-пехлеван¹. Обычно он объезжал норовистых, непокорных взрослых жеребцов.

— И не таких я обуздывал, справлюсь и с этим, — самодовольно заявил Сейфи.

Однако не так-то просто оказалось надеть узду и хомут на своенравного жеребца. Сейфи помогли стоявшие рядом парни. Вот Буяна уже втиснули между оглоблями. Видимо, жеребенок не ждал такого натиска со стороны людей и растерялся, только головой поводит в разные стороны. Он встрепенулся, словно внезапно ото сна пробудился, лишь тогда, когда Сейфи расправил вожжи и, сев в сани, дернул ими. Буян встал на дыбы. Седоку это не понравилось, и он огрел непокорного коня кнутом. Тот рванул с места и вылетел с конного двора, тесня людей и лошадей. Мы все испуганно глядели ему вслед.

Не осела еще и снежная пыль, вздымленная копытами Буяна, с каланчи послышался неистовый вопль мальчишек:

— Скинул, скинул! Ушиб Сейфи-абзый!.. И сани вдребезги! Во-он, во-он, возле двора пасечника Галиуллы-абзый!..

Все кинулись к дому пасечника. Сейфи, кажется, без чувств ничком лежал на земле. Неподалеку, запутавшись в вожжах, стоял жеребенок. Он виновато косил глазом на поверженного Сейфи.

Чуть погода наш богатырь тяжело застонал и, покачиваясь, поднялся на ноги. Ему было стыдно собравшихся людей: как же, его, непобедимого силача, выбросил из саней какой-то жеребенок, вчерашний сосунок! Какой позор! Честолюбивый Сейфи был посрамлен. Хромая, он подошел к Буяну и огрел непокорного ременной плеткой. Раз, еще раз! Жеребенок захрапел, глаза его налились кровью...

Расходившегося Сейфи едва уняли и увели домой. Он зло глянул на Буяна и процедил сквозь зубы:

— Да что с ним возиться, с дикарем этаким! Глядишь, еще кого-нибудь искалечит... Забить его на мясо, и вся недолга!

Помню, с огромным трудом водворили тогда Буяна в конюшню.

С того дня он стал еще стропивее, совсем никого и близко не подпускал — кусался, лягался. И к нему перестали подходить, кому охота рисковать? И с легкой руки Сейфи-пехлевана стали его звать не иначе как Дикарь. И все чаще уже многие стали говорить: нечего на него корм переводить, уж лучше лишнюю корову завести в хозяйстве, она хоть молока даст, а этого бешеного пустить на колбасу...

Когда наш председатель Хафиз-агай слышал такие речи, он всегда говорил:

— Не спешите рубить сплеча. Это ведь жеребец, совсем еще молодой конь, пройдет время — образумится, еще каким станет, ой-ой! Ведь такого красавца поискать! Во всем районе такого нет. И у кого рука на него поднимется?!

Кормушка Буяна-дикаря была рядом со стойлом моей хромоногой кобылы. И стоило только мне замешать болтушку для хромоножки, как он тоже начинал ржать — просил поест. Не дашь, так сам голову просовывает между досками и норовит ухватить корм из кормушки моей кобылы. Так что волей-неволей я и его подкармливал. Проходили дни, недели, и вижу, Буян уже не так дичится меня и по утрам и по вечерам стал встречать радостным ржанием. Если даже я просто шел мимо, он подавал голос, словно окликаая меня. Вижу, что он не прочь и подружиться со мной. Видел и радовался про себя, хотя до конца и не верил, что он настолько ко

мне привыкнет, чтобы разрешить когда-нибудь запрячь себя. Тем не менее каждый раз старался чем-нибудь угостить Буяна — то кусочком сахара, то хлебной горбушкой.

Однажды, не выдержав его запущенного вида (ведь он никого не подпускал к себе), я взял скребок и осмелился зайти к Буяну. Сначала я прошелся по нему скребком, потом веничком из жимолости. Правда, он слегка сопротивлялся — видимо, щекотно было, но под конец все-таки дал почистить себя. Наверное, надоело месяцами в навозе утопать...

С того дня я без опаски стал заходить к Буяну. Тайком от конюха Хабибуллы-бабая я давал ему понемногу и овса. Буян и вовсе ожил — шкура его залоснилась. Чувствую, он уже скучает без меня и с нетерпением ждет моего прихода. Да и сам я тоже спешил к нему: распрягу Хромоножку, задам ей корма — и к Буяну. Он любил, чтобы его ласкали, особенно ему было приятно, когда я гладил его по холке. Уткнется в меня мордой и затихнет. Так мы подружились, и он совсем перестал дичиться меня.

Однажды вернулся я с работы, вошел в конюшню и удивился: что это? Почему возле стойла моего друга столпились люди? Подошел ближе и услышал голос Сейфи-пехлевана:

— Так что все, ребята! Конец пришел этому строптивому. Решено его завтра чик и на колбасу!.. Хватит ему тунеядцем жить, корм переводить! Ишь, разъелся!

Я растерялся: и вправду могут зарезать Буяна, если решено. Меня никто и слушать не станет. Тогда, недолго думая, схватил я первую попавшуюся уздечку и вошел к Буяну.

— Сыну Гарифа, видно, жизнь надоела! — услышал я позади себя.

Я не обратил никакого внимания на эти слова. Ласково поглаживая коня по гриве, я взнуздал его.

— Красавец мой, хороший мой, не подведи, — шептал я, — потерпи, потом уже легче будет...

И он, бедняга, словно понимая, что речь идет о его судьбе, покорно вышел вслед за мной из конюшни. Во дворе он стал беспокойно оглядываться и прядать ушами, словно хотел узнать, отчего вокруг собралось столько народу. Не дав ему опомниться, я торопливо запряг его в грузовые сани, стоявшие поблизости. И только взял в руки вожжи и успел вскочить в сани, как мой конь устремился с конного двора.

— Эй, парень, оставь хоть завещание родителям! — донеслось до меня.

Буян прямо летит, а не бежит — и слушать не слушает моих увещаний.

«Ладно, — думаю, — нам бы подобру-поздорову деревню проскочить, а там уж я приберу тебя к рукам». Скоро я ослабил вожжи и предоставил коня самому себе. Он еще долго бежал, но потом сбавил скорость — видать, устал. А скоро и вовсе остановился. Стал и оглядывается по сторонам. Схватил я тогда вожжи и принялся понукать Буяна. Он снова понесся во весь опор. Я же к саням прижимаюсь. «Скачи, — думаю, — скачи, поле широкое, простору много!» Но долго он не выдержал — притомился с непривычки, и я повернул его к деревне. А когда въехали на конный двор, я ему и опомниться не дал — тут же переапряг в другие сани, водовозные. И мы с ним трижды рысцой съездили за водой.

Вот с тех-то пор Буян и перешел полностью в мое распоряжение. Мы с ним крепко подружились. Я ни разу не поднял на него руку, даже не замахнулся. И конь меня ни разу не подвел. Он и работал исправно, и в состязаниях успешно выступал. Мы с ним три года подряд получали первые призы на всех бегах и состязаниях, даже районных. Все три года, пока меня не призвали в армию.

Клад

Больше недели мы шли по бесконечной уральской тайге. Согласно расчетам, еще три дня назад должны были прийти в низину, где базировалась наша геологическая партия. А стоянки все не было и не было.

Мы с трудом продвигались по глубокому снегу. Мало того, что нас утомила эта бесконечная дорога, завхоз нашей группы Рушания держала нас на голодном пайке. Так, на обед в конце недели мы получили только по маленькому бутерброду с сыром. Ничего не поделаешь —

продукты были на исходе. Мы все понимали, но наш богатырь Нурхан, высокий широкоплечий детина, не выдержал. Воткнув в снег лыжные палки, он горестно вздохнул и жалобно попросил:

— Ну, Рушания, ну, милая, выдай еще хоть кусочек... А то ведь упаду и не встану... И никто из вас поднять меня не сможет...

Но Рушания непреклонна, ее ничем не проймешь. Ведь неизвестно, сколько еще проплутаем, пока до места доберемся, нужно беречь остатки провизии.

— Может, с маршрута сбились? — тревожно спрашивали мы друг друга.

И это вполне допустимо, ведь кругом глухая тайга, никаких ориентиров нет. Деревья высокие, сопки за ними не видно. И компас — верный спутник моряков, геологов и путешественников — нам изменил. Он ведет себя очень странно: его стрелка точно сошла с ума, вместо севера показывает то юг, то восток. Видно, потому, что под землей здесь, в уральских недрах, таятся огромные запасы железной руды. А без компаса мы могли сбиться с курса и идти совсем в другом направлении.

Однако командир нашей группы Эдуард, как всегда, спокоен. Он достает из кармана большую карту Урала, разворачивает ее, расстилает на пне и начинает водить по ней пальцем:

— Это вот Большая горная река, это ее приток... А мы находимся вот тут... Еще и до Медвежьего ущелья не дошли... Надо идти быстрее, а то как черепахи ползем — и за четыре дня не дойдем до цели, а запасов отсилы дня на два осталось... Так что шире шаг, привалы сократим до минимума...

Зимний день короток; время отдыха можно, конечно, еще сократить, но идти быстрее мы не можем. У каждого за спиной тяжелый рюкзак. Там все необходимое и спальный мешок. А у меня еще, кроме рюкзака, громоздкая железная печурка привязана к спине. Нурхан, как самый сильный, тащит на себе пятнадцатиместную брезентовую палатку. Другие ребята тоже нагружены сверх меры: кто несет топор, кто запасные пары лыж, кто пилы. А Рушания прицепила к спине три ведра — одно внутри другого, а в них еще разнокалиберные кастрюльки, плоски, ложки. Все они громыхают на ходу.

Мы с моим другом Ренатом — впереди, прокладываем лыжню. Еще издали я увидел на высокой толстой сосне какую-то птицу. И не голубь, и не сорока, на ворону похожа... Вдруг она сорвалась с ветки и камнем упала в снег. Что такое? Вроде бы никто не стрелял... Когда мы подошли ближе, на снегу никого не было. Я очень удивился и повернулся к Ренату. Он, оказывается, ничего не заметил, но, выслушав мой рассказ, оживился:

— Где же она упала? Покажи!

Я показал. Ренат скинул рюкзак, снял одну лыжу и принялся раскапывать снег в указанном месте. Вдруг прямо из-под моих лыж выпорхнула та самая птица и скрылась в кустах. От неожиданности я оступился и почти по пояс провалился в снег. Тут подошли к нам и остальные. Эдуард было рассердился:

— Почему остановились? Зачем зря время теряем?

Но Ренат спокойно так, тихо ответил:

— Мы клад нашли! Да еще какой клад-то!

Тут он нагнулся к яме, которую успел вырыть в снегу, сорвал с головы шапку и принялся чем-то ее наполнять. Потом протянул нам. Смотрим: орехи! Полная шапка крупных кедровых орешков! Блестят, что твой янтарь! Попробовали — вкусные, словно застывшие сливки! А Ренат от радости даже мороза не замечает, так и стоит над ямой без шапки. Я ему свою сунул, он не понял и ее тоже орехами наполнил. Тут уж даже наш суровый Эдуард не выдержал — объявил внеочередной привал. Уселись мы на своих рюкзаках, разделили добычу и начали грызть. Быстро насыпились, ведь почти полведра орехов съели.

— Вот это да! Не орехи — сила! — проговорил Нурхан довольным голосом. — Теперь-то уж я дойду! Теперь не упаду!

Ренат объяснил нам, что странная птица, ныряющая в снег, — кедровка. Он и раньше встречал ее в тайге и знал ее повадки. Орехами она запасается еще с осени. И недаром по-другому ее еще называют ореховкой...

— Ой, что же мы наделали! — всполошилась вдруг Рушания. — Выходит, мы ее ограбили?! Сами полакомились, а ее голодной оставили? Теперь она, небось, погибнет...

— Не волнуйся,— успокоил ее Ренат.— Эта птица не такая глупая, чтобы зимние запасы в одном месте хранить. Чаще всего ее грабят белки, поэтому она и держит свой корм в нескольких местах. Если один «амбар» очистят, то в запасе у нее еще есть и второй и третий...

Больше всего нас удивила способность кедровки находить свои «амбары» под снегом. По каким приметам она отыскивает их? Этого Ренат не знал.

Подкрепившись запасами кедровки, мы шли уже гораздо быстрее и бодрее. Казалось, даже рюкзаки за плечами стали легче. И настроение поднялось — слышались шутки, смех. И подумать только, в глухой, безлюдной тайге нас, взрослых людей, накормила небольшая птица...

Однажды весной

Мастера с блестящими на солнце топорами под мышкой явились к нам совсем неожиданно. Точно не помню, то ли в конце марта, то ли в начале апреля — короче, была пора таяния снегов и ледохода. Эти ребята были наши же, деревенские. Они сами знали хорошо, как говорится, по дыму из трубы, во что обойдется нам новый дом. Потому, видно, и цену за работу запросили небольшую — не спорили, не мелочились.

— Если сами задерживать не станете, быстро работу закончим. Еще до начала сева, глядишь, у вас будет домик,— сказали они и в тот же день взялись за дело.

Мастера сначала раскидали снег во дворе и принялись ставить сруб. А с материалами для строительства нового дома наши дела обстояли так: доски для потолка и пола были уже припасены давно. И бревна для настила прочные — не такие, чтобы от пляски треснуть, а крепкие, из столетних дубов вытесаны. И кровельными досками заранее запаслись. Вот только с оконными косяками у нас промашка вышла. Материал-то мы, правда, уже купили на базаре в Бикнарате. Доски крепкие, что кость, гладкие, просмоленные — хоть сотню лет под водой пролежат, не сгниют. Но мы их оставили пока в одной марийской деревне, в двадцати километрах от дома. Надо было быстрее за ними отправляться, хотя время для такой поездки было неподходящее — распутица на носу, паводок. А что делать? Ведь если плотники сейчас, в один присест, не закончат, то все, снова их не дозовешься до самой осени.

Вот я и побежал к нашему бригадиру — Нафису-абзый. Добрым и сердечным человеком он был. Всегда вникал в нужды своих односельчан, помогал им по мере сил. В те послевоенные годы, когда всюду нехватки да недостатки, Нафис-абзый всегда доподлинно знал, у кого в погребе сколько картошки осталось до новой, у кого сколько горстей муки до будущего урожая.

Меня Нафис-абзый встретил такими словами:

— Знаю, сынок, знаю, с какой просьбой ты явился ко мне...

Бригадир вернулся с войны одноруким. Его правая рука была отрезана выше локтя, так что Нафис-абзый управлялся одной левой. И в ней постоянно дымилась папироса. Бригадир не заставил меня писать каких-либо заявлений, хотя из нагрудного кармана и торчало несколько отточенных карандашей.

— Ну ладно,— произнес он деловито,— беги скорей к Мулюку-абзый. Пусть он запряжет самого крепкого коня. Скажи, мол, я велел. Так вот, если сейчас же отправишься, глядишь, до распутицы и обернешься.

Я помчался на конный двор. Мулюк-абзый тоже был человеком дела. Без лишних слов он повел меня за собой на конюшню. Когда мы, скрипнув дверью, вошли, лошади на мгновение подняли головы от кормушек, а потом снова захрупали сеном. Тыча пальцем то в жеребца, то в кобылу или мерина, Мулюк-абзый приговаривал:

— Аэростат на отдыхе, Атаман тоже... Этих, братишка, я тебе дать не смогу, если даже из райкома бумагу мне принесешь, не то что от бригадира. Они для пахоты...

Когда мы с конюхом осмотрели почти всю конюшню, он вдруг указал на рослую кобылу с белой отметиной на лбу:

— Это Умница. Ее и бери. Более подходящей для тебя и не найти.

Я посмотрел на кобылу с некоторым сомнением.

— Уж не жеребая ли она? — спросил я.— Небось, того и гляди, ожеребится...

— Эка важность — жеребая! Ну и что? Да пока она соберется ожеребиться, у тебя волосы на висках пять раз отрасли успеют, уши закроют.

Мулюк-абзый начал запрягать кобылу. Она едва в оглобли влезла. Конюх же продолжал ее нахваливать:

— Да ты не гляди, что она еле двигается. Всю зиму фураж возила с мельницы, вот и располнела. Ишь, жиром обросла, нерадивая... А тащить грузы по такой слякоти как раз по ней, справится. Ты, братишка, не сомневайся, быстро туда-сюда прокатитесь...

Хотя дороги уже наполовину развезло, но я без всяких приключений легко добрался до той марийской деревни. Косяки еще с вечера погрузил в сани. За ночь Умница отдохнет, а с утра пораньше по мерзлому грунту мы двинемся обратно. Так я предполагал, а вышло-то совсем иначе — ночью неожиданно потеплело, и без того грязные дороги превратились в сплошное месиво. А начнется ледоход, дорога назад будет вовсе отрезана, и придется мне быть здесь в плену аж до самого сабантуя. А плотники там косяков дожидаются — для всех шести окон! Что мне оставалось делать? Волей-неволей отправился я в обратный путь. Только бы день держался пасмурным. Но не повезло мне с погодой. Как говорится, несчастливому и ветер в лицо! С самого утра вошло ясное, как в летнюю пору, солнышко и как принялось снег растапливать! В лужах, образовавшихся на деревенских улицах, покачиваясь, поплыли утки и гуся!

В поле за деревней не сказать чтобы совсем нельзя было проехать — можно, но с трудом. Главное, чего я боялся, так это переправы через Сухую Балку. В одном ее вместе, километрах в восьми-девяти от нашей деревни, есть углубление, скажем, овраг, в котором летом вода высыхает, а веснами кипит-бушует ледоход. Не успею проехать через это место до начала ледохода, все кончено! Груз на кобыле все-таки значительный, и потому я ее подгонял только на спусках с пригорков. Сам ее понукаю, сам же уговариваю ласково:

— Послушай-ка, милая, ты уж постарайся, поторопись! Нам бы с тобой только Сухую Балку миновать, а там я тебя распрягу, отдохнешь малость, овсом угощу...

Однако с кобылой моей что-то происходило. Чем сильнее я подгонял ее, чем больше торопил, тем кобыла шла медленней. И стала какой-то понурой. Не сказать, чтоб она устала, утомилась, груз был уж не так велик. А кобыла между тем, пройдя совсем чуточку, вдруг совсем остановилась и принялась бить землю копытами. Видать, маялась животом. Поворачивала голову и пристально глядела на меня, словно хотела сказать: «Да пойми ты мое состояние, не погоняй, нет у меня сил и шагу шагнуть». Глаза цвета спелой вишни широко открыты, а на кончиках ресниц слезы висят. Ясно, у нее что-то болит. Спрыгнул я с саней, пощупал ее вымя. Оно налилось молоком и было твердым, как камень. О-о, кобыла моя жеребиться собралась! А до Сухой Балки по меньшей мере еще километра два осталось.

— Ах ты моя хорошая, ах ты моя бедная! — ласково приговариваю я, глядя кобылу по гриве и упирая кончиком кушака ее слезы. — Потерпи, милая, потерпи. Еще чуть-чуть... Ведь и Сухая Балка вот она, близко... Вот перейдем ее, тогда делай что хочешь. Можешь даже ожеребиться на том берегу, я не скажу ни слова... На-ка, видишь, какой вкусной хлебной корочкой угощаю тебя... Потерпи, потерпи. Шагни еще, еще чуток...

Я уговаривал, понукал, тащил за уздечку — кобыла делала несколько шагов и снова останавливалась. И с каждым разом она шла все медленней, все тише. Она была вся мокрая от пота, и густой пар валил от нее. Так, еле волоча ноги, она прошла кусок дороги длиной в две-три вожжи и окончательно стала. Это была еще молодая кобылица. Видимо, впервые жеребится — бьет о землю копытами — в общем, не знает, куда себя девать. Время от времени жалобно ржет. Я, правда, уже не раз видел, как жеребятся кобылы. Летом, когда мы с мальчишками отправлялись в ночное, то, бывало, бригадир предупреждал: мол, будьте внимательны к той или этой лошади, как бы ночью не ожеребилась. И жеребились. Бывало, за одну ночь не одна, а даже несколько кобыл сразу. Однако на этот раз я совсем растерялся, не знал, что и делать. В замешательстве я быстренько расстегнул свой бешмет и прижал к груди лошадиную голову и начал гладить ее по гриве, по морде.

— Успокойся, Умница, успокойся. Сейчас, сейчас освободишься. Потом посмотрю под лошадь, а там — жеребеночек! И с такой же белой звездочкой на лбу, как у матери! Я проворно закутал новорожденного в свой тулуп, уложил в сани перед изнеможенной кобылой, а сам к Сухой Балке побежал.

Эх, оказывается, совсем немного до нее оставалось — каких-нибудь полкилометра! Если бы малость потерпела моя лошадка, глядишь, уже на той стороне были бы! А теперь и подумать страшно, что будет. Посмотрел я в сторону горы Акбаш и ахнул! Лед уже заполнил всю низину и приближался сюда. Часа через два-три ледоход будет здесь! Мне стало не по себе. Если до этого не успеем переправиться на тот берег, то придется торчать здесь не меньше двух недель! А я-то думал, что легко доберемся до дома. Куда там!

Вообще-то я не плакса, не слюнтяй. Но когда увидел, с каким шумом, извиваясь змеей, ползет по белому снегу черный как деготь, страшный ледяной поток, то не знаю, откуда у меня и силы взялись. Я вспомнил и о плотниках, которые, не дождавшись косяков, уйдут, не достроив наш дом, представил, как будет отчитывать меня учитель за пропущенные уроки, как исключат меня из любимого драмкружка за непосещение репетиций...

Горький ком застрял у меня в горле, и я заревел в голос. Я громко всхлипывал, глядя, как медленно ползущий ледоход безжалостно проглатывает огромные комья снега на своем пути.

«А не запрячь ли мне кобылу снова, подхлестнуть ее как следует и погнать к реке? — судорожно соображал я, продолжая плакать. — Может, и успеем выскочить на тот берег до того, как ледоход дойдет сюда... Нет, невозможно это... Да с каким сердцем стану я запрягать бедное животное, которое и на ногах-то еле стоит — кажется, дотронься до нее пальцем, она и упадет... Да поднимется ли у меня рука с кнутом...»

Когда я вернулся к саням, вижу, кобыла дочиста, прямо-таки до блеска вылизала своего жеребенка. А тот уже пытается на ножки подняться. Не-ет, братец, тебе еще нельзя из саней вылезать. Разве не знаю я, как обламываются копытца даже у недельных жеребят, если им постоять на холодном снегу.

Поблизости высились скирды. Притащил я оттуда большую охапку сена и выстлал землю под ногами кобылы. Только после этого поставил тонконогую жеребенка возле матери.

Наступил вечер. Скоро и звезды на небе высыпали. Я надеялся, что ночью подморозит и ледоход к утру утихнет. Но нет! Запоздавшая в тот год весна, видимо, решила покончить все свои дела за одну неделю... За ночь земля нисколько не подмерзла, не затвердела.

Не обращая внимания на сопротивление жеребенка, пытавшегося даже лягнуть меня, я связал ему ножки и уложил в сани рядом с собой. Потом прижал малыша к себе и снова заплакал. Да и как не плакать? Всякие мысли лезли мне в голову посреди этого безлюдного, пока еще заснеженного поля. Ведь здесь и поговорить не с кем, не с кем и посоветоваться. И еще не скоро, видимо, увижу я родной дом. Ведь с каждым днем будет теплей, ледоход усилится, расширится, станет прямо необъятным.

С этими грустными мыслями, всхлипывая, я незаметно уснул. А проснулся от прикосновения чьего-то маленького шершавого языка. Смотрю, жеребенок уставился на меня своими огромными глазищами и моргает лохматыми ресницами. Небось проголодался, озорник, вот и разбудил меня.

Я развязал ему ножки и поставил на сено рядом с матерью. Малыш тут же припал к ее вымени. Разжег костер, немного согрелся. При каждом моем неосторожном движении кобыла вздрагивала и тревожно ржала. Хотел было я сводить ее к польнье напиться — не туг-то было! Ее силой от саней не оторвешь!

Наконец, мне надоело ее тревожное ржание, подозрительные взгляды, и я в сердцах отругал ее:

— Да хватит тебе! Уж больно ты воображаешь! Будто только у тебя у одной жеребеночек, сыночек ненаглядный!

Отругал, а что пользы? Кобыла знай себе ласкает, голубит своего малыша, все вылизывает его и без того лоснящуюся шерстку. Тогда я взял ведро и сходил за водой.

Напоив лошадь, я запряг ее и, взяв за уздечку, повел к реке. Мне показалось, что движение льда по сравнению со вчерашним не было столь стремительным и сокрушающим. Видимо, все-таки можно будет кое-как перебраться на другой берег. Но мне не удалось ввести кобылу в воду. Она боялась даже к берегу подойти! Фыркает, упирается, назад пятится. Ноздри раздула — впору кулак всунуть. Из них пар клубится. Я принялся настегивать беднягу кнутом — то с правого, то с левого бока. Она же готова выскочить из упряжи...

Не добившись от Умницы никакого толку, я дернул вожжи и повернул телегу к скирдам. Наполнив сани сеном, распряг лошадь и задрал оглобли кверху.

Жеребенок за эти неполные сутки крепко встал на ноги. Он не только кружил возле матери, но пытался даже подпрыгивать! И ко мне уже привязался — может, за хозяина признавал, может, считал своим сверстником. Пососет немножко, потом ко мне поворачивается. Трется об меня, ласкается — видимо, приглашает поиграть с ним. А немного погодя он и вовсе разошелся — сорвал губами мою ушанку с головы и бросил прямо кобыле под ноги!

— Ах, ты так?! Сейчас я тебе покажу! — Я слегка стегнул жеребенка прутиком.

Было уже за полдень, а на дороге по-прежнему никого. Ни пешего, ни верхового. Хоть бы один человек показался! Неужто и сегодня нам придется здесь ночевать? Я вынул из-за пазухи последнюю краюшку хлеба, пожевал. Больше у меня припасов не было. Вдруг увидел, что на том берегу от горы Акбаш по направлению к нам движется верховой, а когда он приблизился, я узнал нашего конюха Мулюка-абзый. Он тоже заметил нас и еще издали закричал:

— Эй, парень! Да ты что так долго-то? Там плотники косяки ждут, а ты тут торчишь!

Конюх ругает меня, а я смеюсь! Меня прямо разрывает от радости. Пусть бранится, пусть даже уши мне надерет, лишь бы подсобил нам на тот берег перебраться, пусть только вызовет нас из этого ледового плена.

Лед пробил себе дорогу под снегом, и на реке образовался своеобразный мост. Вот по нему-то и съехал к нам Мулюк-абзый.

— О-о! Оказывается, вы тут и в самом деле не шутки шутили! — воскликнул он, увидев в санях жеребенка. — Ах ты, греховодница! — Конюх ласково похлопал лошадь по холке. — Я-то думал, что ты ожеребишься только перед самым сабантуем... Ну-ка, ну-ка, посмотрим на твоего сынка... Ну вылитый Байкал, таким еще рысаком станет... Коли доведется, сам его выращу, сам воспитаю, обучу... — Он обнял и жеребенка.

Потом повернулся ко мне и уже намного мягче, ласковым голосом спросил:

— Ну что делать будем, братишка? Небось не собираешься сидеть здесь, пока трава не покажется да на арбе можно будет ездить? А?

— Совсем я растерялся, Мулюк-абзый. Прямо и не знаю, что делать, — проговорил я и рассказал о том, что упрямая кобыла никак не хочет лезть в воду.

— Ну, раз так, то мы другое средство подыщем. Обманом да хитростью заставим ее послушаться нас.

Мы сначала волоком, по одному перетасили по «мосту» на тот берег оконные косяки. Потом Мулюк-абзый начал какие-то приготовления. Хотя я толком не понимал его намерений, тем не менее с готовностью выполнял все указания. Так, я снова запряг лошадь.

— Напрасно старались, — сказал с сомнением я. — Она все равно в воду не полезет. Боится...

— Поле-е-зет! — со значением протянул конюх. — Куда денется, если ее детеныш... Да не то что в воду, она в огонь полезет!

Мулюк-абзый между тем натянул на голову кобылы мешок из-под овса, так, чтобы он плотно закрыл ей и глаза и уши. Затем расслабил гужи, ремни подпруги и чересседельника. Снял свой пояс и стянул рот жеребенку. Я изумленно наблюдал за его действиями. Заметив это, Мулюк-абзый пояснил:

— А это для того, чтобы баловник раньше времени не заржал да не испортил бы дела. А теперь, пока мать не видит, переправим этого пригожего молодца на тот берег, я там останусь, а ты вернешься и снимешь мешок с головы кобылы. Пусть мать увидит, что ее детеныша нет рядом с ней. А как жеребенок заржет, ты ее не удерживай, отпускай.

Мы завернули жеребенка в тулуп и перетасили на ту сторону.

Кобыла, видимо, все-таки что-то почуяла: пока мы добирались на тот берег, она уже принялась мотать головой из стороны в сторону — искать жеребенка.

А когда мы благополучно достигли цели, то Мулюк-абзый сказал мне:

— Поспешి обратно. Как бы Умница сдуру с мешком на голове не полезла в воду. Да не забудь снять гужи, чересседельник и подпругу, а то она удувится...

Я все сделал так, как учил конюх, и под конец с большим трудом стянул мешок с головы лошади. Глаза у нее были выпучены — она смятенно искала жеребенка... Протяжно и жалобно заржала. С той стороны отозвался ее малыш. Не помня себя, лошадь рванулась на зов. Хорошо, что я успел отскочить, а то бы и меня растоптала! Никакой ледоход не мог удержать обезумевшую кобылу! Куда там! Думаю, если бы волны моря или

даже океана опрокинулись на нее, и то бы не остановили! Казалось, она лишь прыгнула и в одно мгновение очутилась на том берегу.

— Да успокойся, успокойся ты, дуреха... Жив-здоров твой сынок... Можешь теперь спокойно его лизать и голубить, — проговорил Мулюк-абзый и, сняв свой кушак, протер кобыле вымя. Только после этого подпустил к ней жеребенка.

На небе ласково улыбалось весеннее солнце. Наперебой пели жаворонки. А жеребенок, беспечно помахивая хвостом, уткнулся в брюхо матери.

Немного погодя мы впрягли в сани коня, на котором приехал Мулюк-абзый. Жеребенка, предварительно стреножив, снова уложили в сани, а кобылу привязали сзади.

Мы наконец отправились в путь. Некоторое время ехали молча, а потом Мулюк-абзый неожиданно, словно его разбудили от сна, произнес:

— Да, я давеча не договорил. Когда дело касается детеныша, то мать может и в огонь за ним броситься. Вот что значит материнская-то любовь!

Быть может, просто пошутила...

Мы и не заметили, как быстро промелькнули три недели. Для нас, студентов географического факультета, это была первая самостоятельная практика. Мы многое успели сделать за короткий срок. Набрали столько ценного материала, что его хватит для нескольких больших докладов на научных студенческих конференциях. Мы подробно изучили приток Чулыма, речку Сулву, которая до сих пор на многих картах была даже без названия. Узнали ее глубину, скорость течения, количество воды, приносимой ею за один час, определили, на сколько поднимается ее уровень во время вешнего паводка и убавляется в летнюю засуху. Мы не только нанесли эту речку на карту, но и подробно ее описали. Кроме того, наши рюкзаки наполнились разными горными породами, минералами, гербариями.

Попрощавшись с чистыми водами Сулвы, с ее вкусной рыбой, мы вернулись в поселок Присковое. Теперь здесь всего около пятнадцати дворов, а раньше, много десятилетий назад, здесь был золотой прииск, принадлежавший крупному уральскому промышленнику Демидову. С тех давних пор и остались под поселком огромные кучи песка. И поселковые ребятишки часто роются в этом песке, пытая счастье. И время от времени отдельные счастливицы находят здесь самородки величиной с горошину или чечевицу!

Теперь эти места входят в заповедник Большого Урала. Старые шахты и рудники закрыты, новые не строятся. А в тайге нет счету всякому зверью: здесь много оленей, лосей, диких коз, соболей, лисиц, белок, зайцев и всякой перелетной птицы.

Мы могли остаться в поселке еще недельки на две и как следует отдохнуть — покупаться, позагорать, порыбачить. Но все четверо стремились домой. Трое из нас — Петр, Эдуард и я были из деревни, а Лазарь — из Казани.

До большой пристани, где мы могли сесть на пароход, было километров двенадцать. Каждую субботу из поселка туда ходила машина с бочками, набитыми соленым тайменем. Дорога на пристань шла через гать, высланную бревнами в несколько рядов. И была эта дорога настолько неровной, что и сказать невозможно. Однажды мы уже пробовали сесть в ту машину. Пожалуй, на палубе корабля в двенадцатибалльный шторм и то, наверное, качка слабее, чем в кузове этого грузовика.

Из поселка на пристань есть и пешеходная тропа. В прежние времена как раз по ней шли, звеня кандалами, каторжники, которых пригоняли на прииск. Теперь эта тропа почти заброшена, ведь на пристань идут не с пустыми руками — кто с сумкой, кто с узелком, а с грузом двенадцать километров — путь не ближний. Поэтому люди предпочитают ездить на грузовике — пусть даже по такой неудобной дороге.

Мы же решили, что какие-то двенадцать километров для нас не расстояние. Был еще только вторник — ждать субботы не хотелось, и потому мы все вчетвером двинулись в путь пешком. Свое заблуждение мы осознали, едва лишь выйдя из поселка, — наши рюкзаки здорово оттягивали нам плечи. Ведь, кроме материалов, собранных нами во время практики, мы несли с собой и постель, и посуду, и дорожные припасы. Мы должны были привезти с собой все, что

брали на практику у нашего институтского завхоза Митрича. Очень строгим был наш хозяйственник. Студенты говорили о нем в шутку: мол, легче пройти по мосту праведников¹, чем избежать гнева завхоза. Если не возвратишь ему даже сломанной ложки, он тут же напишет на тебя докладную декану факультета, а тот, бывший ротный, не долго думая, лишит тебя месячной стипендии...

Да, поспешили мы и совершили ошибку. Большую ошибку! Правда, не поздно было еще вернуться, подождать субботы, дожждаться машины... Однако никто из нас не хотел отступать — хоть с трудом, но все же продолжали шагать вперед. Примерно через полкилометра пути Эдуардом стали овладевать всякие сомнения.

— Да кто в этой дикой тайге мерил-то эти километры? Здесь все считают приблизительно... Небось и до их пристани не двенадцать, а все сто двадцать километров наберется... Мы их и за неделю даже не пройдем! — ныл он, вселяя в нас панические настроения.

К тому же и солнце в тот день палило нещадно. Жара была нестерпимая...

Впереди шел Петр. А вслед за ним тащимся мы, свесив языки. Сомнения Эдика заразили и нас с Лазарем: уж не в самом ли деле между поселком и пристанью сто километров?.. А то бы за это время мы уже отшагали двенадцать-то километров...

Видать, и Пете нелегко — согнулся, точно старик, пот с него градом... Но все-таки торопит нас:

— Ну, ну, живей! Не зимовать же здесь вы собираетесь?! Вот поднимемся на этот холмик, перевалим через ту горку, спустимся в низину и сделаем большой привал, — время от времени утешал нас хитрый наш Петя.

— Нет, больше я не могу... Даже шагу шагнуть не в силах, — задыхаясь, проговорил наш Эдик и первым прямо с ходу повалился на землю. И мы все, будто только того и ждали, тут же растянулись рядом с ним.

Расскажу вам поподробней о нашем Эдике: он самый видный из нас... Еще бы, штангист, мастер спорта. И кроме всего прочего... соня, не знающий себе равных! Мы живем с ним в одной комнате общежития и давно знаем о его увлечении... «творческим» сном, когда он может проспать целые сутки подряд. Вот и сейчас он только растянулся на земле, как тут же захрапел, успев лишь сказать нам:

— Даже не подходите ко мне, не трогайте! Пока не высплюсь — не встану!

Солнце палило так сильно, что, казалось, мы сидим перед открытой дверкой раскаленной печки. Было нестерпимо душно. Мы с Петром отползли под тень ближайшей липы. Лазарь, никогда не расстающийся со своей скрипкой, принялся на ней пиликать. Исполнял он... ночную серенаду собственного сочинения. Судя по его музыке, выходило, что сейчас будто бы холодная зимняя ночь, воют волки на луну... Лазарь прерывает игру и отмахивается смычком от оводов, а потом снова начинают выть волки.

— Воды-ы! Дайте хоть глоток! Горю-у! — сквозь сон просит Эдик.

— А холодного лимонаду не хочешь? — мрачно шутит Петр.

Мы все хотели пить. И каждый уже успел опорожнить свою фляжку с водой, едва вышли из поселка... Так, облизывая сухие губы, мы просидели долго. Однако никто не принес нам воды и не вылил ковшиком на голову!

— Эх, да что же это? Неужто в тайге да родника не найдется? Пойду разыщу! — сказал наконец я и, прихватив два котелка, нырнул в чащу.

— Смотри, далеко не ходи! — крикнул мне вслед Петр. — Не пришлось бы потом разыскивать и тебя!

Я зашагал вперед, к едва заметной низине. И вдруг вздрогнул, сам не понял почему — видимо, меня заставило остановиться несколько подозрительное покачивание ветки огромной черемухи, что росла примерно шагах в двадцати впереди. Поглядел я внимательней... И что же! На самой макушке этого дерева сидела, сверкая глазами, огромная серая кошка! Страшная, как в сказке! Рысь! Это была рысь!.. Так уставилась на меня желтовато-зелеными глазами, что я тут же покрылся холодным потом. И первое, о чем я подумал, — бежать! Повернуться и что есть прыти бежать! Нет... Не годится... Стоит шевельнуться, обнаружить свой страх, она тут же может напасть... Да к тому же что толку бежать? Она догонит в два прыжка. А я почти голый. На мне лишь шорты да на ногах кеды. Правда, на ремне у пояса припрятан в че-

хольчике небольшой топорик. Но пока я расстегну этот чехольчик и достану топорик, хищник разорвет меня...

Так я и стоял, не смея даже глазом моргнуть. Намерения этого коварного существа я должен был разгадать заранее. И потому безотрывно наблюдал за поведением рыси — на то, как она шевелила усами, играла хвостом, как то напрягала, то расслабляла мышцы всего тела... Небось весит эта тварь не меньше двадцати-двадцати пяти килограммов и если бросится на меня, сразу же собьет с ног. Однако ей ведь понадобится какое-то время, чтобы преодолеть расстояние между нами! И за эти мгновения я должен податься в сторону — или вправо, или влево. Должен успеть! И пока зверь кинется ко мне вторично, я должен расчехлить топорик. Я слышал, что рыси охотятся только на дичь и всяких там лисиц и зайцев, но случается, и на человека набрасываются. А почему бы ей и на этот раз не наброситься? Кругом тайга, ей никто не помешает... О бегстве и думать нечего... Единственное спасение — отражение нападения.

Так и смотрели мы друг другу в глаза. Скоро я понял, что рысь не сможет так просто на меня накинуться — ее задние лапы были на одной ветке, а передние еще на двух. И, оставаясь в таком положении, она не сможет сразу накинуться на свою жертву! Она и сама это понимает. Ей прежде всего необходимо все четыре лапы собрать вместе — на одной ветке. Между прочим, скоро рысь так и сделала — тихонько, стараясь даже ни единым листочком не шевельнуть, она сначала задние, а затем и передние лапы поставила на один сук. И сейчас, возможно, бросится на меня... «Да,— подумал я,— если она пару раз погладит меня своими крючковатыми когтями, то, пожалуй, моя кожа и пятым сортом не пойдет...» Подумал и сам удивился, откуда в такую опасную минуту пришли мне в голову столь забавные мысли. И странно, эти мысли прогнали из сердца все мои страхи — я совсем осмелел и шагнул вперед. Ну и пусть, думаю, бросится, а я ее приемом самбо — задушу, и все тут... И в этот момент что-то произошло с этой лесной кошкой. Испугалась она, что ли? В одно мгновение повернулась назад, прыгнула на соседнее дерево и скрылась в листве. Только некоторое время покачивалась ветка черемухи, на которой только что сидела рысь. Я перевел дыхание....

Лесная поляна полого спускалась в низину. Я недолго шел по высокой и густой траве, увидел крутой обрыв и услышал журчание ручейка, быстро сбежал вниз. Я пришел к воде. Правду говорят, для жаждущего нет ничего слаще воды! Напившись, я принялся обливаться из котелков, взвизгивал от удовольствия и, кажется, совсем позабыл о недавней встрече и миновавшей опасности. Однако нужно было уже возвращаться — ребята станут беспокоиться. Я наполнил котелки и повернул назад. Но не успел отойти от ручейка, пожалуй, и на десять шагов, как снова увидел ту же рысь. Она сидела на ольхе и на этот раз избрала для себя очень удобную ветку. Все ее четыре лапы были сведены вместе... «А что, если сейчас набросится?..» Я чуть не присел от неожиданности. Значит, она никуда и не убежала, а все это время следила за мной? Тут уж я больше не испугался, не растерялся...

— Ах ты, пугало! Что же это? Крадешься за мной, как кошка за мышкой?! Вот я тебя! — заорал я и швырнул в рысь один из котелков с водой. — А ну слезай — я тебе шею-то сверну! — не унимался я.

Хищница, видимо, не ожидала от меня такой прыти. Она как-то сначала опешила, растерялась даже, потом, почувствовав на себе ледяную воду, мяукнула дурным голосом и стрелой метнулась на соседнее дерево. С него — на другое, и скрылась с глаз. По тому, как сотрясались ветки деревьев далеко впереди, можно было судить, что рысь удирала от меня вовсю.

Когда я вернулся на место нашего привала, то застал там такую картину: Лазарь все еще исполнял свою серенаду, Эдик же, приняв в компанию и Петю, продолжал свой «творческий» сон.

Я разжег костер и принялся кипятить чай. Когда он был готов, разбудил ребят и рассказал им о происшествии.

— Это ты про большую заблудившуюся кошку, что ли? Она и тут долго сидела — вон на той липе,— проговорил Лазарь то ли в шутку, то ли всерьез.— Хорошая киска. Музыка, надо заметить, лучше вас понимает. Так внимательно слушала мою серенаду, что я вынужден был встать и поклониться ей... Она исчезла, лишь когда я, растроганный, хотел подойти к ней и погладить по голове...

Тут Эдик, подмигнув нам с Петром, вдруг завопил:

— Рысь! Рысь!

Лазарь бросил скрипку и рванулся к нам. Мы все дружно рассмеялись. И Лазарь тоже. По команде Петра мы взяли свои рюкзаки и двинулись за ним. Скоро мы услышали протяжный пароходный гудок. Показалась пристань. Мы ускорили шаги...

Страху я натерпелся

Журналистская тропа привела меня на этот раз в дом деда Ибрагима. Ему уже далеко за семьдесят, но это еще очень крепкий старик. И ясный ум, и природный юмор, и юношеская любознательность — все при нем. Долгую и богатую событиями жизнь прожил он. Верхом на белом коне воевал с беляками, в годы становления колхозов был ранен из кулацкого обреза. Потом до самой пенсии учительствовал. Его собственные дети, давно уже взрослые, разъехались по большим городам. И в добротном пятистенном доме живут теперь только двое — дед Ибрагим и его жена.

Встретили они меня очень радушно. Мы долго разговаривали с дедом Ибрагимом. Он вспоминал первых коммунаров села, борцов за новую жизнь, а я все это записывал в свой блокнот. А когда уже собрался уходить, бабушка Минизиган внесла весело кипящий самовар и поставила на стол огромное блюдо с баурсаками на меду, варенье из черной смородины, свежее масло.

— Без чая никуда вас не отпущу, и баурсаков отведайте, только сегодня испекла, — сказала старушка, наливая мне чаю. — А заварка у меня особенная. К индийскому чаю добавляю мяту, зверобой и липовый цвет...

Разве можно отказаться от такого чая! В комнате распространился необыкновенно приятный аромат. Весело подмигивая мне зайчиками от яркой лампочки, на столе продолжал петь самовар. За чаем наша беседа стала еще оживленней, и я совсем засиделся у гостеприимных хозяев. А когда выглянул в окно, на улице было уже совсем темно. Старики принялись упрашивать меня остаться переночевать. Но я не хотел злоупотреблять их радушием, да и до города рукой подать. Каких-нибудь двадцать пять–тридцать километров. А в наше время разве это расстояние? Не желая обидеть добрых хозяев, я обещал снова приехать к ним и вот тогда уж обязательно остаться ночевать.

Тепло попрощавшись с ними, я поспешил в правление колхоза. Меня должен был прихватить в город панелевоз, который доставлял сюда блоки для строительства нового Дворца культуры. Но выяснилось, что он уехал. А колхозная «Волга» еще час тому назад вернулась из райцентра поломанной.

Секретарь парткома был еще в кабинете. Он пообещал подбросить меня до большака на лошади. От центральной усадьбы до большака километра два-три. Но зачем же, подумал я, в ночное время людей беспокоить. Разве они меньше меня устали? До большака я и на своих двоих быстро добегу. Притом я люблю ходить пешком. Одно удовольствие! А там шоссе, машины идут на КамАЗ и обратно, движение круглосуточное. Если не рейсовый автобус, то хоть какой-никакой грузовик подвернется.

Попрощавшись с секретарем парткома, я отправился на большак. И уже через каких-нибудь полчаса стоял на перекрестке. Но, как назло, не видно ни одной машины. Хотя уже была весна, середина марта, но все равно торчать на ветру было холодновато.

Ходить пешком — моя слабость, и я решил идти дальше. Зачем же здесь мерзнуть, асфальт чистый, сухой. Если догонит какая машина, то остановится. Одного на дороге не оставят. Я поднял воротник пальто, глубже нахлобучил шапку и зашагал дальше.

Было около десяти часов вечера. Все небо в облаках, не видно ни одной звездочки. А когда вокруг темно, то немножко страшновато. Темнота — это неизвестность. А неизвестность человек всегда плохо переносит. Какие-то жуткие мысли полезли мне в голову. «Кругом ни души, — подумал я, — а вдруг нападут волки?» Когда так темно и вокруг ни души, фантазия моя беспредельна. Я уже вижу себя растерзанным целой стаей волков...

Да, я совсем забыл сказать, что в последнее время в наших краях развелось очень много этих разбойников. И зимой жителям окрестных сел они причинили достаточно вреда. В одном селе за одну ночь задрали восемь овец, в другом среди бела дня передушили всех собак. Неделю назад местные охотники пытались сделать на них облаву. Чтобы точнее установить их

местонахождение, вызвали вертолет, заранее изучили район облавы, строго распределили обязанности каждой поисковой группы. Чтобы действовать как можно верней, почти вплотную подъехали к лесу на автобусах. Затем, встав на лыжи, окружили район облавы. Однако хищники оказались хитрее. То ли по неопытности, то ли в спешке охотники не успели оставить засаду в соседнем небольшом лесочке. И волки проявили сообразительность — они рассыпались в разные стороны и так запутали следы, что ничего нельзя было разобрать. Потом звери поодиночке, по одному едва различимому следу просочились в тот лесочек. Охотники же по всем правилам облавы окружили место, указанное вертолетчиком. Через два часа тот же вертолет обнаружил волков на дне оврага того, соседнего, лесочка, но короткий зимний день был уже на исходе, опустились сумерки — вертолет поспешил обратно. Охотники решили рассчитаться с разбойниками в следующее воскресенье. Однако в тот день был сильный буран, а в следующий выходной сами охотники не смогли собраться. Так что пока хозяева положения — волки. Каждый день слышно об их разбойничьих набегах то на колхозную ферму, то на отару.

Подумал я об этом, и мне стало не по себе. Я опасливо оглянулся по сторонам и... чуть не вскрикнул! В надежде, что это обман зрения, я вгляделся попристальнее. Но никакого обмана не было — слева от меня пригорок, а там, на снегу, два черных комочка. Слышу характерное «ыр-ыр». Волки! Они, проклятые! Вот тут уж меня в жар бросило. Играют! Что делать? Бежать назад? Поздно. Слишком далеко успел уйти от села. В лес податься, на дерево забраться? Но туда и шагу не сделаешь, снега по грудь. А вокруг ни души. Вот тебе и большак, вот тебе и камазовская магистраль!

Не зная, что предпринять, я все еще по инерции продолжал шагать вперед. А вон и опушка леса, там днем работают буровики, там будка оператора... Спаситься можно там... Вот куда надо спешить.

Увлеченные игрой хищники пока еще не заметили меня.

Ветер дул не от меня, а со стороны волков. Значит, они не только не видят меня, но и не чувствуют и не слышат моих шагов... Но в конце концов хищники все-таки заметили меня и, оставив игру, побежали ко мне. Вот теперь-то уж я действительно не знал, что делать. Все мое «вооружение» — авторучка с золотым пером да выдавший виды блокнот в капроновой обложке. Обычно в командировки я брал с собой складной нож, на этот раз и его со мною не было. Сейчас бы он пригодился. Если уж не нападать, то защищаться смог бы... Интересно, как же будут действовать волки? Сразу набросятся или будут преследовать до удобного момента? Я осмотрелся — на дороге ни дощечки, ни палочки. Да и откуда им быть здесь, на асфальте? Я побежал. Да еще с какой скоростью!

Волки тем временем тоже выскочили на шоссе. Вижу, они не крупные, не крупнее обычных дворняжек. Наверное, это волчата, лишь прошлым летом появившиеся на свет, но ведь они тоже хищники — пощады не жди... Эх! А как старики просили меня остаться! Бабушка Минизиган собиралась пирог испечь и затопить баню. Банный веник у нее вязан по особому рецепту и, по ее словам, очень целебный. Эх, и почему я не остался ночевать? Сейчас бы вот в бане парился, а на столе ждал бы меня вкусный пирог... Вот уж верно: дурная голова ногам покоя не дает.

Расстояние между нами сокращалось. Вот хищники уже в пятнадцати-двадцати шагах от меня. Ну что ж, буду обороняться. В студенческие годы мне не раз приходилось драться на ринге, защищая честь своего ВУЗа. Да и сейчас я еще отлично владею и «левой прямой», и «правым апперкотом». Пусть нападают — одного-то уж обязательно уложу. Как положено, на две-три минуты. А там и со вторым как-нибудь разберусь...

Я как-то сразу успокоился. Ко мне пришло второе дыхание. Сжав кулаки, я повернулся к своим преследователям. Они тоже остановились. Кажется, не решаются напасть... Тогда я повернулся и пошел дальше. Но поверьте, когда за тобой трусцой бегут два хищника, пусть и не взрослые еще, очень трудно владеть своими нервами. Ноги не слушаются. И я невольно то и дело оборачиваюсь назад. И кажется мне: за мной идут не волки, а четыре горящие холодным светом зеленые точки. Вдруг я обо что-то споткнулся и чуть не упал. Гляжу, на асфальте лежат два куска стального троса. Я даже вскрикнул от радости. Поднял их. Один поменьше, а другой около метра длиной и такой удобный, вполне булаву заменит. Если им хоть один раз удачно шлепнуть, то не только волчонок, даже носорог скопытится.

Вот теперь-то уж я их и вовсе не боюсь. Пусть только нападут. С обоих концов моих «булав» торчат тысячи стальных игл. А это то, что надо.

Волки присели на краю дороги и удивленно поглядывают на меня, как бы спрашивая: что это ты нашел и что собираешься делать?..

Недолго думая, я изо всех сил запустил в сидевших шагах в десяти от меня волков куском троса. Вот этого-то они от меня, кажется, не ожидали. Трос тысячами иголок вонзился в грудь переднего зверя. Он жалобно завизжал. Потом стремительно прыгнул в сторону. Второй — за ним. Размахивая второй «булавой», я побежал вслед. Волки мчались к молодому ельнику. И как раз в это время на шоссе показался «газик». Весело мигая фарами, он остановился возле меня. У одного буровика была двустволка. Но от волков, почти час преследовавших меня, остались только следы...

Волшебный корень

Голубоглазой Золушке, дочери лесника, с каждым днем становилось все хуже и хуже.

Я обошел весь лес, но так и не отыскал тот волшебный корень. Даже заблудился, пока искал, и потому опоздал в лагерь. А была моя очередь варить обед. Нас было всего тридцать человек, и потому повара из полка не прихватили. Сами кашеварили.

Ребята уже вернулись с работы, усталые после рубки леса и, конечно, голодные, как волки. И молодые солдатики-первогодки, не в силах дожидаться обеда, пытались как-то утолить голод — кто ел хлеб с колбасой, кто рыбу, кто еще что-нибудь... Меня встретили с мрачными лицами, они не знали, где и почему я пропадал. Правда, никто и слова не сказал. Даже старшина. В другое бы время так отчитал! А на этот раз — видно, тоже слишком устал — лишь коротко сказал:

— Еще три дня будешь кашеварить!

Я, конечно, не пришел в восторг от внеочередного наряда. Целых три дня готовить еду — большего наказания для меня и быть не могло. Хоть и другие солдаты не были мастерами этого дела, но у меня всегда или суп выкипит, станет соленым, что в рот не возьмешь, или слишком жидким получится. А каша и вовсе подгорит. Валить лес засучив рукава все же для меня в тысячу раз легче. Но что поделаешь — в армии возражать не положено.

Да я готов эти злополучные три дня потерпеть, лишь бы найти тот корень... Копался в своей памяти — хотел подробнее вспомнить наставления своего покойного деда. «Запомни, внучек, это волшебный корень, — бывало, говорил он. — От многих болезней пользует». К нам даже из соседних деревень приходили за тем чудодейственным корешком. Может, и для голубоглазой лесниковой дочки полезным будет? Но ведь как найти его, где искать?

Девочку привезли из больницы перед самым нашим появлением здесь. Доктора сказали отцу, что, мол, поздно вато обратились и медицина не в силах помочь его дочке.

— Да откуда же было знать, что она больна, — со слезами говорил лесник. — Ну, не ела она, скучала... С детьми бывает... Но ведь не думали мы, что дочка заболела по-настоящему...

А теперь наша Зоюшка-Золушка на ногах не стоит. Родители каждое утро выносят ее из дома и сажают в тень. И девчужка отсюда наблюдает за солдатами, которые проходят мимо дома лесника и даже, бедняжка, пытается улыбнуться, пошутить. А состояние ее все хуже и хуже — видно, конец близок.

Мы уже второй год подряд приезжаем сюда на заготовку леса. И на этот раз с нетерпением ждали этой поездки. Лес нам казался раем после долгой зимы, проведенной на засекреченном объекте, откуда нас никуда не выпускали. Валить лес, вязать плоты — дело увлекательное, интересное. Да еще остается время и порыбачить, поплавать, позагорать...

У лесника было двое детей. Старше Золушки еще мальчик-второклассник. И оба они приветливые, ласковые. Мальчика мы прозвали Робинзоном. Пятилетнюю же сестренку Робинзона с первого же дня стали называть Золушкой — за ее миловидность и по созвучию с именем.

Робинзон чувствовал себя настоящим хозяином этого огромного соснового бора. В сопровождении щенка с грозным именем Юлбарс¹ он отправлялся в лес. Не признавая ни дорог, ни тропинок, он шел, куда хотел. Из любого, даже самого далекого, потаенного уголка леса находил дорогу назад. Он всегда знал, где водятся волки, где лисья нора и сколько нынче у этих зверей детенышей. Мы даже спрашивали у него, где и какая рыба на что клюет.

Золушка крепко подружилась с эстонцем Тойво. До армии он, оказывается, работал на фабрике игрушек, а теперь, всем на удивление, ловко мастерил разные игрушки из любого материала, который был под рукой,— из листа бумаги, из коры, бересты, сосновых шишек, желудей. Золушка ни на шаг не отходила от своего друга. Мы порой даже ревниво ворчали на Тойво: мол, совсем приворожил к себе девчущку, на остальных она и внимания не обращает.

В этом же году у девочки было совсем другое настроение. Она не играет даже с новыми куклами, которые Тойво заранее смастерил для нее еще зимой. Бедная наша Золушка умирает, а я все пытаюсь вспомнить, как выглядел тот чудесный корень. Давно-давно показывал мне его дедушка — пожалуй, лет десять мне было, однако до сих пор, кажется, звучат в ушах дедовы слова: «Запомни, внучек, этот корень от многих недугов спасает». Он даже мне как-то скормил этот корешок, приговаривая со смехом: «Ешь-ешь, и никакие злые болячки к тебе не пристанут».

Это я помню, а вот вкус корешка забыл, и название запомнил, и как выглядит. Только я с самого детства ни разу не болел, действительно, никакие болячки пока не приставали ко мне. Кто знает, может, корешок тот целебный помог...

Который уж день ищу чудодейственное растение и найти не могу. Хоть, кажется, и не осталось в лесу ни одной поляны, где бы я не побывал, ни одного куста, под которым бы я не копал.

Мой покойный дед доподлинно знал, какую пользу приносит тот или иной цветок, корешок, трава или ягода. И он мечтал, чтобы я стал врачом. «Нет на земле лучшего занятия, чем лечить людей», — частенько говаривал он. Хоть я и не стал врачом, о чем теперь особенно сожалею, я все-таки кое-что запомнил из поучений деда. Например, банный веник я до сих пор вяжу по его рецепту. Дедушкин веник состоял из десяти частей: шесть частей — береза, одна — дуб, еще одна — листья черной смородины, половина доли — вишневые листья, еще одна половина — мята. И ко всему этому дедушка добавлял еще пучок крапивы, укропа, стебельки аниса и полыни. Бывало, раскалишь такой веник на банном полке да нанохаешься как следует, глядишь, за ночь все недуги как рукой снимет, и дышать легче, и насморк исчезнет, и кашель утихнет.

Размышляя о целебных свойствах дедушкиных трав и веников, я долго лежал без сна. Под конец я поднялся и вышел из палатки, а вслед за мной и Тойво.

Глухая ночь, а в домике лесника горит свет.

— Скажи прямо, где ты целыми днями пропадаешь? Что ищешь? Не скрывай,— пристал ко мне с расспросами Тойво.

Тут я все ему и выложил, делать нечего. Только попросил об этом никому не рассказывать. Боялся, что вдруг так и не найду того корня, а ребята меня на смех поднимут за пустые хлопоты.

— Завтра с утра снова отправляюсь в лес. Пусть даже снова опоздаю с обедом, пусть старшина опять внеочередной наряд даст, все равно пойду,— упрямо заявил я.

— Тогда отдай-ка мне свои часы,— вдруг сказал Тойво.

— У тебя свои есть...

— Мои остановились... Одолжи, надо.

На утренней поверке Тойво неожиданно обратился к старшине:

— Разрешите мне сегодня подежурить на кухне вместо Хакимова.

— А что с ним? — повернулся старшина в мою сторону.

— Да он вчера часы свои потерял, видно, обронил. А часы-то подаренные, оказывается. За хорошую работу в колхозе,— ответил за меня Тойво.

И на этот раз я вернулся из лесу ни с чем. Я нашел лишь... «потерянные» часы. Тойво не выдержал и рассказал старшине о моих поисках. А тот принялся меня отчитывать:

— Почему нам не сказал, что это за корень, какой он? И где искать его?

— Да я и сам толком не знаю, какой он, этот корень... Помню только, что дед говорил: цветы у этого растения синие. По ним вроде бы и можно его отыскать. Но в лесу ведь тысяча растений с синими цветами...

— Да пусть даже десять тысяч будет, мы найдем его, лишь бы польза была,— твердо сказал наш командир.

Наш старшина был человеком решительным и предприимчивым. Вот и на этот раз в первый же выходной он строем повел нас на большую лесную поляну. Каждому выделил участок в один квадратный метр. И велел собирать в мешок все растения с синими и голубыми цвета-

ми, которые только отыщем. И мы, словно кроты, изрыли всю поляну. В лагерь возвратились лишь к вечеру с мешком, наполненным разнообразными корнями.

«Хоть бы оказался в этой куче чудесный корень», — мечтал каждый из нас.

Какие только корешки не совали мне ребята.

— Не этот? Может, этот? — допрашивали они меня.

Я же совсем растерялся — ведь и сам не представлял, какой он, этот корень... И сейчас чувствовал себя неловко и перед старшиной, и перед своими товарищами. Ведь это по моей вине они весь свой выходной бродили по лесу. И в глазах некоторых из солдат, кажется, заблестело сомнение: «Да существует ли вообще этот корень, не напрасно ли ищем?..»

Вон несколько парней окружили Тойво. Все они с интересом разглядывают какой-то корешок.

— Да уж не чеснок ли это? — спросил один из солдат. — Ты небось выдернул его на огороде лесника!

— Чеснок! Чеснок! — неистово заорал я.

При этом всплыли в памяти и громко зазвучали дедушкины слова: «Отыскать этот корень очень легко. Наверх он выбрасывает синие цветочки, а сам напоминает чеснок, только он другого вкуса...»

— Он! Он самый! — повторял я радостно. — Волшебный корень! А вкус его... вкус... напоминает сырой картофель!

Мы поспешили в дом лесника, прихватив с собой находку. Отец Золушки с большой охотой дал ей эти корешки. Ведь утопающий и за соломинку хватается.

Через несколько дней мы покидали лес — нас отозвали в часть.

Помогли ли корешки, вырытые нами на большой лесной поляне, или другие лекарства, но Зоя-Золушка, наша голубоглазая сестренка, дотоле неделями лежавшая в постели, вышла на крыльцо и, ласково улыбаясь, махала нам вслед рукой. Другой прижимала к себе игрушки, подаренные ей Тойво...

Нежный гость из дальних мест

Вечер... Удивительно тихий летний вечер. Мы сидим на берегу реки Иллят. Сейчас река словно дремлет, устав после долгого пути, когда разливалась она шумными потоками и уходила вглубь. Вдали мелькают огоньки — это бегущие по шоссе машины приветствуют друг друга. Порою доносятся сюда и автомобильные гудки.

Где-то на лугу заблудился ягненок, слышно его жалобное блеяние, а со стороны деревни теплый ветерок приносит обрывки музыки — колхозный радиоузел транслирует вечерний концерт...

В это время стал наползать густой туман, погружая в какой-то таинственный покой и птиц на ветках, и ненасытных щук в омуте, и ленивых сомов на дне — короче, все живое, что есть в реке и на ее берегах...

Тихонько горит костер, который ведет себя как почетный гость за столом, придиричиво выискивающий для себя самые лакомые куски: из валежника, время от времени подкладываемого мною, огонь выбирает наиболее сухие ветки и тут же их слизывает длинным языком, а сырые, подгнившие оставляет на потом... В ведре, испуская умопомрачительный аромат, варится уха. Мы все здорово устали за день, и ребята, пожалуй, сомлеют раньше, чем будет готово наше варево. И постепенно, один за другим угасают под копной сена голоса, словно звезды перед рассветом.

Возле потрескивающего костра я остался один. И тут вдруг, прорвав завесу густого тумана, появился возле меня лесник Эглям. Мы с ним старые знакомые, близкие друзья. И не один вечер провели вместе на берегу этой самой реки... Расстелив свою плащ-палатку, оставшуюся у него еще с того времени, когда он служил офицером в армии, лесник лег подле огня. Видимо, он тоже сегодня утомился. Уставился на пламя и задумался.

Странный человек этот Эглям. Раньше он был военным летчиком, летал на реактивных истребителях. Потом вышел в отставку, бросил квартиру в Москве и вернулся в родную деревню. Наверное, никак не мог забыть эти полюбившиеся с детства места. На военной службе он охранял наше небо, а теперь охраняет природу. Он очень любит свою службу. О нем часто пишут в районной газете. Каждый человек, видимо, сам знает, в чем его счастье.

Пролежав довольно долго молча, Эглям вдруг встрепенулся, внезапно вспомнив о чем-то.

— Да-а, совсем позабыл... Погляди-ка вот на это, — проговорил он, выгаскивая из кармана небольшой целлофановый мешочек. В мешочке была щепотка мягкого шелковистого пуха буроватого цвета.

— Джейран! Это пушок джейрана! — сказал Эглям. — Мы завезли их сюда всего две пары из специального заповедника. И такие они осторожные, такие пугливые — близко не подойдешь... Даже я их ни разу не видел. Думал уж: то ли браконьеры погубили, то ли сами ушли, места наши не понравились. Да, точно, это их пух. Только сегодня нашел тут вот, поблизости. Значит, живы-здоровы... Да и почему бы им здесь не жить, не размножаться? Разве наши места хуже их родины, казахских степей?

Эглям уже много рассказывал о том, как в наших лесах и топях расселяют бобров, куниц, выдр, ондатру. О том же, что и джейранов сюда завезли, я слышал впервые.

Мы не стали будить сладко спавших ребят, похлебали немного ухи и тоже легли отдохнуть.

Не успел я задремать, как вдруг проснулся. Да и какой сон в такую прекрасную предрачевную пору?! Накинув на себя плащ, я вышел из палатки и уселся неподалеку на пенек. Вчерашний густой туман был теперь только над рекой. Кругом так свежо, так тихо... Кажется, легкий треск сучка или даже покашливание и то могут потревожить природу. И непонятно было — наяву все это или в сказке. Где-то прокричал петух. Стало быть, все это происходит наяву... С того берега слышалось какое-то слабое тарактенье — видимо, кто-то пытался завести «Беларусь». Значит, не я один не сплю перед зарей... Справа от меня, до самого горизонта, раскинулось озимое поле. И я стал всматриваться в его ширь. Гляжу и глазам своим не доверяю: по полю ходит какое-то незнакомое мне существо. Может, это и есть джейран? Да, да, он самый! И расстояние между нами совсем короткое, примерно в три-четыре вожжи длинной. Пощиплет немного травки и оглядывается, пощиплет и оглядывается... Величиной — крупнее домашней козы. На голове ветвистые, но небольшие рожки. Шерсть у него и вправду, оказывается, бурая...

Боясь испугнуть диковинное животное, я сижу не шевелясь. Однако джейран все-таки учуял мое присутствие — сразу насторожился. А потом, словно испугавшись чего-то, отскочил шагов на пять назад и тут же стрелой влетел в чашу кустов.

Встреча была столь короткой, что показалась сном. Нет! Это был не сон: следы от копыт явно отчетливо отпечатались на озими, и все еще покачивались кусты, в которых скрылся джейран. И в тот момент мне захотелось громко, во весь голос закричать: «Эй, нежный гость из дальних мест! Пусть берега этой реки станут тебе родным домом! Живи, размножайся!..»

Однако я не произнес вслух этих слов, лишь все повторял их просебя, чтобы не нарушать таинственного утреннего безмолвия, не тревожить камыши, что поникли над кувшинками, шепча им свои секреты...

Родной кров

После ремонта дома остались краски, да еще и кисти, в наше время острый дефицит, не вымыты тщательно соляркой и не убраны под крышу сарая. Хозяин с сыном решили покрасить заодно и домик Рекса. Сказать что-либо хорошее об этом страшно худеньком, с висячими ушами и некрасивыми зелеными глазами щенка, очень трудно. Глухой из глупейших, ему бы целый день с детским мячом по саду носиться. Это он может. А вот своих от чужих различить не может. К чужим ласкается, на своих рычит. Да и трусости ему тоже не занимать. Соседского старого кота за три метра обходит. А ведь ему скоро исполнится год. Но что поделаешь, полнейшая аномалия. Среди четвероногих такое, видимо, тоже случается. Хозяин назвал своего щенка Рексом Бестолковым, хотя этим далеко не все еще сказано.

Хозяин, быть может, не совсем прав, считая Рекса абсолютно бездарным существом. У него есть одна странная склонность к кладоискательству. Сидя на привязи, он иногда под своей конурой роет такие туннели, которыми удивил бы самых искусных сусликов и сурков. Все клад ищет. Иногда даже небезуспешно. На днях во время прогулки по парку он из-под снега выкопал кожаную перчатку хозяина, выроненную им еще поздней осенью. Определить бы его, скажем, в какую-нибудь собачью геологоразведочную школу, быть может, что-либо и вышло. Но это уж так, к слову. А пока ведь речь не об этом.

Так вот, заодно решили покрасить и конуру Рекса Бестолкового. А пока, милейший песик, будь добр, освободи помещение, будем производить капитальный ремонт. Рекс, пусть даже глупый, вначале это воспринял с восторгом. «Ура! И моя конура будет нарядной. Люблю, когда домик, в котором ты живешь, ласкает глаз издалека». От радости лапами забарабанил по крыше конуры.

Щенка сняли с цепи, тем самым давая понять, что силом тебя никто тут не держит. Если убежишь на улицу — скатертью дорога. О потере жалеть не будем, найдем другого. Нет во дворе надежного сторожа, но и ты не охранник. Каждому прохожему дружбу предлагаешь.

Но этот щенок проявил такое соседство, хоть бы шаг за калитку сделал. От вас я никуда уходить не собираюсь, гав, гав, это мой дом, мой двор, говорит.

Пришел вечер, а конуры на месте нет. Все еще сохнет на крыше. Сами знаете, как сохнут краски местного производства. Год надо ждать. А этот бестолковый щенок поднял такой вой, хоть уши заткни.

— Ай-вай-вай! — начал он выть. — Где же мой домик? Где же я теперь буду спать?

Днем, паршивец, забот не знал. Как ошалелый носился по двору, все мячик гонял. А сейчас дай ему конуру. Ему делов нету, что конуру на его глазах подремонтировали, заменили крышу, покрасили в красивый голубой цвет. Живи и радуйся, только вот чуточку подождать придется.

— Сейчас же перестань выть, дурень. Вон твоя конура, на крыше сохнет. Потерпи денька два, — пробовал его успокоить хозяин. Куда там! Горькими слезами плачет. Все три дня беспрестанно выл и скулил. Перестал лишь тогда, когда конуру поставили на прежнее место. Видели бы вы, как он этому обрадовался. С щенячьим восторгом отплясывал чечетку у входа в свой домик. И людям, проходящим мимо, и сорокам, сидящим на яблоне, и воробьям, удивленно глазающим на него с крыши, Рекс во все горло хвастался:

— Гав, гав, гав! Посмотрите только! Это ведь мой домик. Мне в нем очень уютно. Я его никому не уступлю!

Какой глубокий смысл во всем этом. Щенка лишь на три дня оставили без родного крова. И он, обливаясь горькими слезами, все это время не находил себе места. А каково было людям, которых брали ночью, гоняли по бесконечным этапам и лагерям? Как они жили без родного крова? Как выдерживали ностальгию по родному дому, по родным и близким лицам?..

Ох, и напугали мы лисенка

Недавно, как говорится, всем двором ходили на прогулку: с удовольствием побродили по осеннему лесу. Изрядно устав, вышли отдохнуть на большую поляну. И тут первой заметила его сидевшая на шее у отца наша маленькая Рушана.

— Ау-аука! Ау-аука! — показала она пальчиком в дальний угол поляны. Там спиной к нам стоял лисенок. Поляна выходила к автомобильному шоссе. По асфальту через каждые две-три секунды на большой скорости проносятся машины. Лисенок, забыв обо всем на свете, как вкопанный устоял на шоссе и с интересом наблюдал за проносящимися со свистом машинами. Как раз и ветер дул в нашу сторону. Да еще совсем рядом, гремя не смазанными механизмами, работает станок-качалка, добывает нефть. От нефтяной скважины сильно тянет попутным газом. Все это, вместе взятое, видать, в новинку неопытному лисенку, и он совсем позабыл, что в лесу нужно быть постоянно начеку.

Мы тоже замерли. На цыпочках стали приближаться к лисенку. Сосредоточенно молчит вот уже более двух часов не слезавшая с шеи папы круглая, как мячик и тяжелая, как арбуз, двухлетняя Рушана.

А лисенок нас все еще не замечает. Уставившись на дорогу, он с мальчишеским интересом наблюдает за пронсящимися со свистом голубыми, желтыми, зелеными, синими «Жигулями», «Запорожцами». А мы к нему подошли уже совсем близко. До лисенка осталось каких-нибудь пятнадцать-двадцать шагов. И тут папа Рушаны сунул в рот два пальца и как свистнет! Мы все зажали уши. А в лисенка словно из лука выстрелили. Он подпрыгнул вверх и тут же, мягко приземлившись, быстрее молнии бросился в кусты. Только его и видели. Ох, и напугали, кажется, мы его. Но это ему наука. В лесу зверю никак нельзя быть таким ротозеем.

Котенок, который любит париться

Однажды нам принесли полуживого котенка худенькие первоклашки-близняшки, как две капли воды похожие одна на другую.

— Он у нас сильно болеет, не знаем, что с ним делать,— сказали они в растерянности.— Нам его так жалко.

— А что же с ним случилось?

— Видите вон тот высокий дом,— показала одна на соседнее здание, окруженное башенными кранами.

— Наша мама там работает маляром и штукатуром,— добавила вторая.

— К маме мы ходили на работу посмотреть на наш город с девятого этажа,— сказала первая...

— С собой взяли было и котеночка,— перебила другая.— А он вырвался из наших рук, выбежал на балкон и упал с девятого этажа... Наверное, умрет. Нам его очень жалко. Не знаем что нам делать...

Завернутое в мягкий, теплый шарфик жалкое создание трудно назвать котеночком. Разбитый нос весь в крови, мордочка поцарапана. Одна передняя лапа вся распухшая. Действительно, в этом жалком комочке жизнь теплилась еле-еле.

— М-да-а-а-а,— протянул я.— Смогу ли ему помочь? А надо.

Оставьте его пока у нас. Авось что-нибудь придумаем.

Девочки охотно согласились. А это был у нас как раз банный день. Сами мы по врачам редко ходим. Чуть хворь какая, простуда или кашель, тут же топим баню. А березовый веник в парной хворь и всякую нечисть как рукой снимает. Пришел в парную больным, оттуда выходишь добрым молодцем. Всегда так. И этого жалкого котенка решили взять с собой в баню, в парилку. Конечно, он не жилец. А что делать?

— Выдержит — будет жить, помрет — не будет мучиться,— согласилась и жена.

Парили мы его как положено, березовым веником, на самой верхнем полке. Он и сам не сопротивлялся. Знаете, баня ему понравилась. Завернули его снова в теплый шарфик и оставили до утра. А утром его не узнать. Мяукает совсем по-молодецки и требует еды. Дали молока. Он еще просит. Живой, симпатичный такой. Не прочь и поиграть.

Так и остался котенок жить у нас. Конечно, первым делом навел порядок в доме. А то до этого нас беспокоило племя из подполья, то есть мыши. Сейчас ни одного не видать. Самое главное — наш котенок стал заядлым банщиком. Как только начинаем топить баню, он тут же начинает крутиться под ногами. Как бы спрашивает, скоро ли она будет готова. И теперь он у нас далеко не жалкий котеночек, а настоящий Барсик. В нашем доме он сейчас самый уважаемый член нашей семьи. Спит только на мягком диване. Ест только из красивой фарфоровой чашки. Наш Барсик иногда устраивается на самом заборе во дворе, долго наблюдает за происходящим на улице. А быть может, в это время он с благодарностью вспоминает этих синеглазых девочек-близняшек. Конечно же, с чувством особой благодарности и любви...

Одиночество

Еще с детства люблю я мастерить скворечни. Дело это очень серьезное и тут действительно надо иметь золотые руки. Вот и в этом году к возвращению в наши края этих очень полезных, жизнерадостных птиц отремонтировал старые, на шестиметровый шест посадил две новые скворечни. Не долго заставили себя ждать и наши желанные гости. Своими радостными песнями оглашая двор, в спешке начали занимать мною приготовленные квартиры. Только жаль, что эти птицы из года в год прилетают в наши края все меньше. Много их погибает во время перелета. Так случилось, видимо, и в этом году. Из семи приготовленных мною скворечен они заняли лишь три. Причин гибели здесь очень много. Ничем необоснованные обработки посевных площадей, лесных массивов ядохимикатами приносят невосполнимый урон. Потому еще, что из года в год все меньше и меньше остается свободных, не занятых человеком мест для остановки на отдых. Представьте, летят они уже тысячи километров, очень устали, а вот сесть, немного отдохнуть негде. Кругом большие города, населенные пункты, заводы, аэродромы. Большое количество птиц погибает и во время смерчей, ураганов, которые возникают у них на пути перелета.

Но не об этом сейчас речь. Я хочу рассказать о другой трагедии, свидетелем которой был сам. Из тех птиц, которые преодолели большой перелет и которых мы встретили с огромной радостью, одна скворчиха была одна-одинешенька. Но ведь обычно и скворцы, как и многие другие птицы, скажем, голуби, лебеди, живут парами. А наша — одна. Видимо, тут что-то случилось. Быть может в пути их застало несчастье и она потеряла друга жизни, овдовела. Но жизнь наша так устроена, что со временем мы забываем о неудачах, несчастьях. А как же быть иначе? Не о несчастье своем думала в эту прекрасную пору года и эта овдовевшая птичка. Она с раннего утра до позднего вечера пела свою звонкую, радостную песню. А как же ей не радоваться! Трудный, изнурительный и опасный перелет остался позади. На улице весна в разгаре, с утра до вечера греет солнышко. Когда кругом пробуждалась природа, некогда было грустить о случившемся и овдовевшей птичке. Да тут еще без особых хлопот решился и квартирный вопрос. Она с ходу заняла одну из новых скворечен, и ее радостным песням не было конца.

Удивительные птицы эти скворцы. Покрывая огромные расстояния в наши края, они прилетают лишь с единственной целью — вывести свое потомство, обучить их летать и снова трогаться в обратный дальний, опасный путь. У нас еще только самый разгар лета, а они уже снова покидают нас, берут курс на зимовку.

Сейчас на дворе самый разгар весны, и время их сильно торопило. Быстро закончив свои дела по благоустройству своих жилищ, хорошенько их утеплив, наши птицы приступили к откладыванию яиц. Вижу, что и наша вдовушка не собирается отставать от своих подружек. Но ведь самая настоящая трагедия еще впереди. Яйца, которые она откладывает для высиживания, не оплодотворены. С большим беспокойством слежу за этой труженицей. Все эти хлопоты по утеплению гнезда, добыванию пищи достались ей одной. В других, соседних скворечнях хозяева приступили к высиживанию. Все реже и реже стала появляться и наша скворчиха. Во время высиживания яиц самцы ухаживают за самками, кормят их. А самки из гнезда вылетают на прогулку, и, чтобы не застудить яиц, на места своих верных подружек тут же садятся самцы. А нашей одинокой рассчитывать на чью-либо помощь бесполезно. Она лишь иногда стрелой вылетает из гнезда, на лету хватая бабочку, зазевавшегося червяка, гусеницу и тут же возвращается обратно.

Не прошло и двух недель, в соседних гнездах появилось шумное потомство. Своим не в меру прожорливым потомкам, их родители не успевают таскать червячков. Только в одной скворечне тревожная тишина. В последнее время она совсем не появляется. Видимо, боится застудить яйца и поэтому ни на минуту не покидает свое жилище...

Так продолжалось еще неделю. Я не выдержал, решил посмотреть, что же случилось. Почему в гнезде подозрительная тишина? Скворечню осторожно снял с шеста. Я понимал, догадывался, чем все это может закончиться. Из гнезда вывалилась совсем высохшая, превратившаяся уже в настоящую мумию наша скворчиха. Из моих глаз покатались слезы.

Встреча с великаном

До начала уборочной страды оставались считанные дни. С председателем крупного колхоза за день мы изъездили десятки километров, побывали и у животноводов, и у ремонтников,

осмотрели в действии новую зерносушильную установку. Всюду чувствовалась крепкая хозяйская рука, везде царил порядок.

Время уже шло к вечеру. Но Мухтару Закировичу хотелось районному газетчику показать все. Уже в ступившихся сумерках мы поехали в дальнюю бригаду посмотреть только что построенный крытый ток. И когда возвращались на центральную усадьбу, стало уже совсем темно. Шофер Анвар включил фары. Мурлыча себе под нос какую-то мелодию, он мастерски вел «Волгу» по хорошо знакомой проселочной дороге. Мы с Мухтаром Закировичем, поудобнее откинувшись на заднее сиденье машины, вспоминая виденное за день, молчим. Во всем теле чувствуется приятная усталость. Справа колосится бескрайнее пшеничное поле. Хороший урожай обещает оно нынче. Слева чернеет лес. Мухтар Закирович кивнул в сторону леса:

— До войны бы видели его, стеной стоял. Помню, в детстве нас, шалунов непослушных, родители этим лесом пугали. Рассказывали, будто в нем скрываются разбойники. И если мы не будем слушаться, поведут в него и оставят. А лес был тогда большой, дубы столетние росли в два-три обхвата. Во время войны он сильно поредел. Да и в послевоенную разруху продолжали рубить. Только в последние годы снова взялись за его восстановление. Теперь хорошо растет. Да и зверей можно встретить, волка, лисицу. Вот на том пригорке появились барсуки, есть даже дикие козы, глухари, тетерева.

— А как браконьеры? Тоже есть?

Это я так, к слову спросил. Знал, что Мухтар Закирович большой любитель природы. Он же председатель Общества охраны природы в своем хозяйстве и беспощадно борется с браконьерами.

Тут шофер резко притормозил машину и внимательно стал присматриваться в сторону пшеничного поля. И мы заметили, что в нашу сторону движутся три силуэта.

— Что бы это могло быть? — спросил Анвар и включил дальний свет. И в ярком свете фар мы увидели огромного лося. Он шел прямо на нас. А за ним, как бы предупреждая его не горячиться, не делать глупостей, шла лосиха с маленьким лосенком. Лось, видимо, давно нас заметил и упрямо шел наперерез. Вот он вышел на дорогу и преградил нам путь. Встал, готовясь к поединку. Анвар притормозил, стал громко сигналить. А лось и не думал уступать нам дорогу.

— Что, Анвар, может, этот великан состоит внештатным инспектором ГАИ и решил проверить твои права? — засмеялся Мухтар Закирович. — Так уж будь добр, предъяви...

— Сейчас я покажу этому хулигану. Нашел время для шуток, — Анвар выскочил, хлопнул дверью кабины. Угрожающе махая монтировкой, он пошел на лесного великана. Лось тоже сделал шаг навстречу и стал копытом бить о землю. Анвар, уронив монтировку, поспешил обратно.

— Лучше не связываться, — сказал он, давая задний ход. — Ему ничего не стоит поднять на рога и «Волгу».

Мы с ним были согласны. Поехали другой дорогой. Увидев, что мы уезжаем, лось победоносно заревел. Словно вслед кричал: — Эх вы, труссы!

А лосиха, поди, с гордостью сказала сыну:

— Вон какой смелый твой отец! Он никого на свете не боится.

Когда подъехали к деревне, Мухтар Закирович снова засмеялся: «Заставил-таки он нас повернуть... Но какой красавец! И какой упрямый — не свернул, не побоялся даже тебя, Анвар!»

Засмеялся и Анвар. Наверное, вспомнил, как бежал обратно к машине.

И долго потом мы втроем при встречах вспоминали лесного великана, заставившего людей и машину уступить ему.

Дело Патрикеевны

Впрямь какое-то стихийное бедствие нынче в нашем частном секторе — начали исчезать куры. Каждый день кто-нибудь недосчитывается своей курочки-рябы. Мы по вечерам собира-

емся на междусоседский симпозиум по случаю таинственного исчезновения наших несушек, ломаем головы. Здесь у нас ведущая бабка Марфуга.

— Это дело рук только студентов! — говорит она, не оставляя ни малейшего повода для сомнений.— Знаю я их! Им только кур подавай. Студентов рук это дело, я-то знаю их.

Трудно возразить бабке Марфуге. Она действительно все знает. Ей бы работать следователем или адвокатом. А в данном случае у бабки есть и кое-какие основания. Она оперирует вещественными доказательствами. За нашими домами, рядом с парком, есть небольшая солнечная поляна. Там во время летних экзаменационных сессий в самом деле любят загорать студенты: с гитарой, с магнитофоном сидят, в футбол гоняют. Так вот наша соседская Шерлок Холмс, то бишь бабка Марфуга, пух и перья исчезнувших кур и петухов часто находит там, на этой зеленой лужайке.

Солнечное лето уже на исходе. Студентов не стало. Они, видать, давно разъехались по своим деревням или со строительным отрядом, строят где-нибудь свинарник или курятник, а куры наши продолжают, как и прежде, исчезать.

— Это дело выпивох! Знаю я их, им только кур подавай! — заявляет все та же бабка Марфуга, не оставляя ни малейшего повода для возражений.— Вон у меня зять три месяца в алкоголическом лежал, каждый день куриный бульон требовал, паразит. Откуда столько кур напаешься?!

Да, на эту лужайку любили спускаться некоторые лица. Называть их алкашами жестоко. Это все порядочные люди, труженики. Они приходили сюда посидеть на лоне природы. Но закон по борьбе с пьянством сильнее вступал в свои права, и лужайка совсем опустела. Наша бабка совсем в растерянности, а куры так и продолжают исчезать.

Однажды, как-то под вечер, я работал в саду. На улице мирно пасутся соседские куры. Одни в белом наряде, другие — в рябых кафтанах. Тут же важно ходят петухи. И тут они вдруг подняли тревогу, закудахтали: «Караул! Разбой!». Смотрю через забор, вроде и причин нет. Но не тут-то было! Из-за приовражных кустов появилась сначала голова, а затем и длинный хвост рыжей разбойницы... Сама, конечно, она, Патрикеевна! С ходу хватать одну рябушку и снова в кусты. Только ее и видели...

Ах, вот в чем дело! Вот кто ворует наших кур. Вот на кого должна завести уголовное дело бабка Марфуга. Но откуда она взялась в нашем лесу, там ведь мышонку негде спрятаться? Вездесущие мальчишки во время летних каникул каждый куст обшаривают по нескольку раз.

Не стал я разглашать свою тайну никому. Патрикеевна понемногу так и тащит наших кур. Понятно: не может же она питаться зверобоем или консервами «Завтрак туриста». Ничего, от этого наши соседи по миру не пойдут.

Патрикеевна довольно часто появляется на лужайке. Зазевавшихся тут же ловит! Значит, где-то поблизости у нее нора.

Тем временем пришла зима, выпал первый снег. Взял лыжи и пошел по ее следам.

Совсем недалеко от нас, в глубине парка, есть глубокий овраг. В свое время недалекие, скорее всего нечестные люди этот овраг сделали местом свалки. Хаотично по всему оврагу раскиданы списанные опоры линий электропередач, бетонные трубы, покрышки «МАЗов» и «Беларусов», проволока... След привел меня к этому оврагу, я очень обрадовался, даже засоривших этот овраг людишек простил. Значит, нору она себе устроила на дне этого оврага. Умница! Отсюда ее не достанут никакие собаки, мальчишки тоже. А в случае опасности — здесь лабиринтов тысяча. Еще раз умница! Недаром самая хитрая среди братьев.

Свежий след Патрикеевны уходит в узкую бетонную трубу, оттуда, видимо, на дно оврага, в самый укромный уголок его. Долго я стоял у этой бетонной трубы. Мысленно предупреждал Патрикеевну; ты все-таки впредь будь осторожна! И кур наших тащи лишь по самой острой нужде, не жадничай. А то тебя быстро выживут отсюда, найдут способ. А мне хочется, чтоб ты здесь продолжила свой род.

Редкий экземпляр

Вот уже третий день мы с Зурабом безуспешно сидим в засаде, и я уже потерял всякую надежду.

— А может быть, у них к водопою другая тропа? — спрашиваю я нетерпеливо. — А мы здесь ждем у моря погоды...

— Зураб всю жизнь в горах, как луна в небе, — отвечает мой напарник. — Не будь я Зураб, сын великого охотника Теймураза, если сегодня не устрою в нашем лагере праздник и не сделаю шашлык из козлятины. Никто из вас еще не знает, что это такое! Вай, геноцивале, такой шашлык умеет готовить только Зураб — в нашем роду знают секрет. Но и мясо должно быть особое...

Он помолчал, наблюдая за ущельем, и будто вспоминая о чем-то, и добавил, что к небольшой горной речке, круто спускающейся в ущелье неподалеку отсюда, ведет лишь одна тропа. Только по ней козы ходят на водопой и пощипать сочных целебных трав, что растут вдоль русла бурной речки. А поскольку тропа эта здесь, то нас козам не миновать.

Зураб — смуглый и коренастый тридцатилетний абхазец. Прекрасно знает радиодело, имеет водительские права первого класса, в приготовлении праздничного обеда или ужина даст фору шеф-повару любого ресторана. С такими профессиями и навыками ему бы в любом городе цены не было. А он любит горы. В летние месяцы работает в альпинистском лагере проводником. А когда кончается сезон шумных альпиниад и восхождений, остается сторожить альплагерь. Зимой ставит капканы на лис, зайцев, вволю охотится. А весной заготавливает и сушит целебные травы. В труднодоступных уголках альпийских лугов они растут в изобилии. В горах, как говорят, все целебно, все — на благо человека.

Свою срочную службу Зураб проходил в Казани. И до сих пор с большим теплом вспоминает армейские будни, командиров и сослуживцев. Так как я из Казани, и тоже как бы его однополчанин и кунак, то в альплагере пользуюсь его особым расположением. Я уже побывал в гостях в его родном ауле. А три дня назад он пригласил меня на охоту.

Мы лежим у огромного валуна, замаскировавшись в кустах горного барбариса. Отсюда хорошо просматривается почти все ущелье и единственная тропа — ведущая к реке. Нас же трудно заметить даже в нескольких шагах. Тем не менее Зураб недоволен, говорит, что место для засады мы выбрали неудачно. Ему кажется, что горные козлы и козы, несмотря ни на что, могут заметить нас и повернуть назад. Может быть, мы вообще торчим здесь напрасно, думаю я разочарованно, третий день уже как-никак.

— Остроте их зрения может позавидовать даже орел, — говорит негромко Зураб, не отводя глаз от тропы. — Но сегодня я должен взять их на мушку. Раз обещал — шашлык будет, да еще какой!

Во мне тоже просыпается охотничий азарт. Я прижимаю ближе к себе арендованную у Зураба двустволку, в который раз касаюсь пальцем предохранителя. Патроны в стволах, предохранитель снят. Я собираюсь бить сразу из двух стволов. Слышал, что это называется дуплетом, хотя сам ни разу в жизни еще не стрелял ни во что живое. С детства жалел кошек и собак, даже мышей. Пытаюсь убедить себя, что здесь особый случай. Мы на охоте. И должны спуститься в альплагерь с богатыми трофеями. Я поневоле отлекаюсь от наблюдения за тропой и очень живо представляю себе наше возвращение в лагерь. Возможно, мы придем к подъему. По сигналу трубы альпинисты выбегут из палаток и замрут, увидев нас под тяжестью двух поверженных горных козлов. Начальник лагеря и наш тренер Пал Пальч вынужден будет отменить физзарядку. Нас окружают альпинисты и вместе с ношей подбросят в воздух. На крыльях воображения я уношусь очень далеко. Однако для полноты впечатления не мешало бы в самом деле принести в лагерь хотя бы козленка.

Ночь уже на исходе, скоро начнет светать. Здесь, на высоте трех с половиной тысячи метров, несмотря на середину июля, довольно прохладно. Пробирает даже сквозь теплую штормовую куртку. Натягиваю на голову капюшон и ненадолго прикрываю глаза. Не знаю, насколько сморила меня дрема, на несколько минут или на полчаса. Очнувшись от забытья и открыв глаза, я вздрогнул. Из-за скалы над ущельем поднимался багряно-оранжевый диск солнца.

— Тсс... даже не дыши! — прошептал над моим ухом Зураб.

Вокруг была густая, давящая тишина. Я снова взглянул на скалу, из-за которой поднималось солнце, и не поверил своим глазам. На краю выступа, перед самой пропастью, темнел, едва не сливаясь со скалой, силуэт огромного тура. Винторогий горный козел стоял замерев, как изваяние. Так мог стоять только столетний дуб, либо скульптура, сотворенная рукою та-

лантливого мастера. Грациозная фигура животного дополняла неповторимую красоту утренних гор. Но этот тур не только красив и строен. Он необычайно силен и смел. Тверже и крепче его рогов разве только гранитные скалы. Здесь, в горах, он властитель. Перед ним пасует даже снежный барс.

— Вот это экземпляр! — выдохнул едва слышно Зураб. — И я его сейчас...

Вскоре до нас донеслось легкое постукивание копыт. На тропу выходило направлявшееся к воде стадо коз. Посредине тропы они остановились и замерли, устремив взгляд на вожака.

— Редкий экземпляр... — повторил шепотом Зураб. — Даже я таких не встречал. С первого выстрела возьму, не уйдет...

Да, напрасно сокрушался Зураб. Место у нас что надо. Вожак стада нас не видел, хотя сам был перед нами во всей красе. Зураб осторожно спускает карабин с предохранителя. Расстояние до тура около пятисот шагов. Для других это может быть и далековато, но я знал наверняка, что Зураб не промахнется. Он действительно хороший стрелок, да и карабин у него с оптическим прицелом.

А стадо между тем, не подозревая об опасности, по незримому сигналу вожака двинулось на водопой. Шли козы, осторожно ступая, как балерины, готовые в любую секунду исчезнуть, раствориться в утреннем тумане среди скал.

Я понял, что не смогу выстрелить, и опустил ружье. Мне показалось предательством убивать ни в чем не повинного красавца, убивать жестоко, исподтишка, из тщательно замаскированного укрытия. На каком, собственно, основании мы хотим прервать сейчас жизнь этого прекрасного создания природы?..

А Зураб слился со своим карабином, с оптическим прицелом в одно целое. Вот палец его плавно двинулся к спусковому крючку, вот он уже на нем, Зураб делает глубокий вдох и задерживает дыхание.

— Ого-го-го-о! — кричу я в небо, резко откинувшись.

Я взглянул на гранитный выступ скалы. Он был пуст. Над ущельем плыла белесая мгла, поглотившая и стадо и вожака.

— Что ты наде-элал?! — не своим голосом закричал Зураб и поднялся, готовый броситься на меня.

Я поднял руки вверх, соглашаясь на любую участь. И сел на камень.

— Ах, кацо, слушай, какой экземпляр ушел! — горько вздохнул Зураб. — Теперь он никогда уже не подпустит так близко...

Я, как мог, пытался объяснить свой поступок. Зураб выхватил у меня двустволку и выпалил сразу из двух стволов, дуллетом — в воздух. Сел на валун возле меня и проговорил, улыбувшись:

— Вообще-то ты молодец, кацо, настоящий джигит! А у меня охотничий азарт, черт бы его побрал совсем, ничего не могу с собой поделатъ. Да-а, такому туру жить да жить. Без него и горы обеднеют, и завтрашнее утро не будет таим прекрасным, как нынче...

В третий раз мы возвращались в лагерь без добычи. Идем усталые, невыспавшиеся, но хорошее настроение не покидает нас. Не несем мы за плечами богатых трофеев, но мне все время кажется, что идем мы не с пустыми руками.

На подступах к лагерю Зураб останавливается и, хлопнув меня по плечу, восклицает торжественно:

— А шашлык будет, кацо, да еще какой — из самой лучшей баранины. Слово джигита!

О пауке-обжоре и семиточечной божьей коровке

Что ты будешь делать, что скажешь, прямо перед моими глазами готовится самое что ни на есть смертоубийство. Пузатый паук-обжора, понимаете, хочет опутать в своих сетях семиточечную божью коровку, красавицу. По-предательски. Нападает на коровку-глупышку как бок-

сер-тяжеловес, а потом отходит. Вроде на перекур. И снова нападает. Крепкими арканами из своей паучьей сети опутает и отходит. Потом снова нападает. Вроде в этот раз петлю намертво затянул, а божья коровка снова распутывается. Видать, она тоже не робкого десятка, сильная, молодая. Но чувствуется, от борьбы за свою жизнь она устала, но не сдается.

Секрет тут вот в чем! При прикосновении к ней божья коровка из коленных сочленений выделяет капельки с очень едким запахом. Способ самозащиты дай бог каждому! Паук, видимо, не выдерживает этот запах, зажав свой нос, на время бросает свою жертву и убегает на другой конец, потом снова возвращается и нападает. Да, и его понять нетрудно. Тут и охотничий азарт и острое желание полакомиться свежатиной!

А как мне тут быть, спрашиваю себя. Стоит ли вмешаться? Имею ли на это я право? Ведь, по сути, они оба очень полезные существа. Скажем, нашим домашним паукам и лесным тоже мы обязаны пенициллином, этим прекрасным антибиотиком. Отечественных ученых З.В.Ермольеву и Т.И.Балезину лечебные, антибактериальные свойства паучьей плесени, то есть споры, натолкнули на создание замечательного лекарственного препарата, то есть пенициллина. Это было в самый разгар Великой Отечественной войны, в 1912 году. Ох и тяжелое было время для нашего народа. Но военные медики, получив в свой арсенал этот чудодейственный препарат, спасли многие и многие тысячи раненых, вернули матерям лучших и отважных сынов Отчизны. Есть тут о чем задуматься...

Вобщем-то о целебных свойствах паучьей плесени, сети, люди знали еще в самые далекие времена. Знахари, исцелители, лекари, сети паука специально собирали, сушили, терли и смешивали маслами. Делали различные лечебные мази. Накладывали их на открытые и незаживающие раны. И очень помогало.

Но все это в прошлом. А некоторые наши хозяйки и сейчас очень почтительно относятся к паукам. Ибо во многих местностях издревле считается, что паук в дом приносит счастье, благополучие. Есть и такое доброе поверье в пользу паука: если по тебе бежит паук — жди обновку. Если он бежит по стене — жди новый ковер или целую стенку!

Есть тут и другая сторона. Некоторым неряшливым хозяйкам паук старательно помогает держать свою кухню в чистоте. Тут уж ты только не мешай ему. А свои сети этот неутомимый труженик раскидывает в самых неожиданных местах. И глядишь, в одной западне уже жужжит жирная муха, а в другой таракан запутался. Конечно же, самая практическая помощь хозяйке! А сам он ничем не брезгует. Одно слово — обжора.

А теперь поближе познакомимся с семиточечной божьей коровкой. Это тоже создание очень милое, приятное. Не зря же ее «божьей» назвали. Даже своим видом, присутствием ласкает глаз, вызывает приятные чувства. А как любят ее наши дети! Вспомните, с каким восторгом повторяют они: «Божья коровка! Улети на небо! Там твои детки, кушают конфетки!»

А главное в том, что оно существо очень и очень полезное. Ее личинки, да и сама она наших садовую тлею уничтожают также с огромным обжорством. Эх, побольше было бы божьих коровок на наших садах и огородах! Мы бы очень легко расправились бы и с такой тварью и сельхозвредителем, как колорадский жук. Яйца, которые любит на картофельных листьях этот паразит в полосатом кафтане, самое любимое лакомство божьей коровки. Но, несмотря на предупреждения экологов, в своих садах мы применяем очень много химии, поэтому массами погибают и божьи коровки. На биологических станциях их выращивают инкубаторским путем. Но при общей безграмотности населения и это мало помогает.

А я все спрашиваю себя, как мне быть в данном конкретном случае? Ведь в природе постоянно шла и будет идти борьба за место под солнцем, смертельные схватки за выживание. Жизнь так уж устроена. Всегда побеждал сильный. Куда тут денешься? А боги, живущие наверняка в глубине Вселенной, кажется, тоже очень редко вмешиваются, скажем, в наши земные дела, конфликты. А может и не так. Тут я не ручаюсь...

Но в данном случае вмешательство мое необходимо. Беру пинцет. Пленницу осторожно освобождаю из паучьих сетей. Она у меня на ладони. Иди, улетай, глупышка, на все четыре стороны. Ты свободна! Да и не попадай больше в такие сети. Будь осмотрительна.

Божья коровка, прежде чем улететь, раскрыла крылья на моей ладони. Конечно, меня благодарил за спасение. А паук, разбойник, кажется, показал мне свой увесистый боксерский кулак. Еще бы! Я ведь его лишил свежатины. Неужели все это показалось?..

Я, конечно, Бог для них. И сделал свой божий долг. А как хочется, чтоб те всемогущие и всемогущие небесные силы, которые, надо полагать, населяют бескрайние глубины Вселен-

ной, тоже иногда вмешивались бы в дела наши земные. Особенно тогда, когда на нашей Земле происходят катастрофы, землетрясения, наводнения, идут войны, грохочут пушки, льются кровь и горькие слезы ни в чем не повинных людей...

На лесной поляне

Покрыв земную поверхность разноцветным ковром из желтых, красных, малиновых листьев, в наши края пришла золотая осень. Пчел своих мы уже давно собрали к зиме, но перевозить домой еще не спешим, все еще держим на этой уютной, защищенной от северных ветров лесной поляне. Слева от нас грядой тянутся высокие Карабашские горы. Справа бежит звонкий ручеек. Свое начало он берет из каменного карьера, что в полутора километрах от нас. Вода его чистая-чистая, мягкая-мягкая, вкусная-вкусная. В жаркие летние дни пчелы целыми роями облепляют невысокие, совсем пологие берега ручейка. Забавно наблюдать, как они не спеша, о чем-то меж собой мирно переговариваясь, своими тоненькими хоботками тянут эту чистую, мягкую и вкусную воду. Некоторые даже пытаются искупаться, садятся на мелкие камушки, радостно машут крыльями. Словом, блаженствуют. Это они тоже любят.

На этой поляне мы обосновались еще ранней весной. Сейчас уже прохладно. Пчелы сели в клубок. Но лесной воздух есть лесной воздух.

Пчельник свой мы охраняем поочередно. Сегодня вот мой черед. Прибыв на точок, разжег потухший костер, в золу закопал несколько крупных картофелин, повесил чайник с родниковой водой. Сейчас заварю чай из лесных трав. На сучок дуба, что напротив, повесил и свой транзистор. Каждая ночь, проведенная на этой поляне, прекрасный отдых!

До этого почти неделю шли холодные дожди. А сегодня с утра вдруг потеплело, выглянуло солнце. Тепло, по-прежнему уютно и на нашей поляне. Тут я слышу, как где-то недалеко настойчиво и зовуще мычит лесной великан — лось. Летом мы их видели и парами, и с телятами. А что это ему надо? Почему он так настойчиво мычит?

Решил посмотреть. Стоит он на бугорке, на самой середине большой поляны. Голова с огромными мощными рогами гордо приподнята. По-осеннему ласковые, теплые лучи солнца, собравшегося уже сесть за Карабашские горы, нежно ласкают его сильное красивое тело. Лесной великан стоит как величественный памятник, вылитый из красной меди. Зрелище бесподобное. Это бык! Сейчас он никого не видит, никого не слышит. Знай себе мычит. Дескать, в этом лесу нет никого сильнее меня. Кто с этим не согласен, милости прошу на поляну. Наш спор будем решать в честном бою. Мычит с настоящей мужской настойчивостью. А дело как раз в том, что для них наступила пора выяснения отношений.

Долго смотрел я на этого исполина. И надо же было мне пойти на такой мальчишеский шаг! Вернувшись на свою поляну, приложив ладони ко рту, тоже начал мычать по-лосяному. Видимо, это у меня получилось как нельзя хорошо. С треском ломая кусты орешника и молодых осин, этот бык вышел на нашу поляну. До чего он был грозен и страшен в эту минуту. Глаза налиты кровью, дышит огненной яростью. Как тяжелый танк прет прямо на меня. Хорошо, что рядом старый дуб. Со скоростью третьей космической лезу я на его вершину. Успел, иначе бы мне конец. Лось увидел, уже догадался, как смешно был обманут. От этого бык еще сильнее рассердился. Хочет меня затоптать, разорвать на куски. Своими мощными рогами уперся в дуб. Хочет его свалить. Но дуб столетний. Топчется вокруг дуба лесной гигант, из-под копыт комья земли летят. Сажу я на верхушке дерева, боясь шелохнуться. Душа давно в пятки ушла. Это заметил даже сам великан. «Эх ты, трус несчастный! Дрожишь как осина. Слезай сюда, сейчас я тебя вон на те облака подниму!» — машет он мне головой. Тут он заметил мой тускло горевший костер. Издал боевой клич и мог одним ударом копыта разрушить костер с чайниками, закопанными в золу картофелинами. Покрутился вокруг него, но на огонь не пошел. Зато пошел на улы, начал их опрокидывать. Это уже хулиганство!

— Эй-эй! Пиф! Паф! Прекрати сейчас же! Иначе я буду стрелять! — кричу я с верхушки, петушусь как могу. А как же иначе?! Это же явное хулиганство. А он, разбойник, хоть бы хны. Ноль внимания на мои угрозы. Он, кажется, немного успокоился лишь тогда, когда опрокинул последний улей на поляне. Ах, нет со мной моей старой бердыжки! А то бы я показал этому хулигану!..

По транзистору звучит бравурная музыка. Под этот торжественный марш с видом победителя великан еще раз обошел поляну и ушел в густой осинник, что левее от нас.

Чуть погодя, конечно, и я спустился. Ругая на чем свет стоит этого хулигана, с трудом, кряхтя и пыхтя, посадил все ульи на кольшки. Кажется, я и сам тут виноват немного. Шутка моя была неуместной. Ладно, хоть так обошлось. А этот великан уже также настойчиво и призывно мычит в другом конце леса. Зовет помериться с ним силами своих лесных братьев-богатырей. Так принято у лосей.

В гостях у Тагира и Зухры

В каждом письме мой однокашник Тагир приглашал к себе в гости. «Решайся, старина,— уговаривал он меня,— увидишь тайгу во всей ее красе, познакомлю тебя с ее обитателями». Я всякий раз обещал нагреть к нему, но долго не мог собраться.

Этим летом, к обоюдной радости, мы встретились с Тагиром на межобластном семинаре пропагандистов. Подумать только, наш Тагир — пропагандист! Не всякий бы из однокурсников поверил, сообщи я им об этом. Впрочем, от Тагира всего можно было ожидать. Еще на первых курсах он удивлял всех своими философскими выкладками. На занятиях порой он осмеливался выступать даже в роли оппонента профессора Винарского.

— Не может такой совершенный и прекрасный мир, как наш, создаваться на голом месте, сам по себе,— обескураженно говорил он после лекции.— Не-ет, обязательно должен быть тот, кто расставляет, кто двигает фигуры на шахматной доске мироздания. Вы говорите, мир бесконечен в пространстве и времени? Ничего подобного. Все имеет свое начало и конец. Не знаю, может быть, великий гроссмейстер сейчас отдыхает где-нибудь, в глубинах галактик — под туманностями Андромеды или на солнечных пляжах Авроры, но он есть, это уж точно.

Нет, далеко не сразу и не безоговорочно поверил Тагир профессору, что мозг — высший продукт материи. Постепенно мы стали привыкать к его странностям. Он приводил в нашу не слишком просторную комнату студенческого общежития бродячих собак и кошек и лечил их. А потом отпускал с трогательным и нежным напутствием:

— В случае чего, прошу сюда в любое время.

Нередко нам доводилось подрабатывать на товарной станции. Разгружали вагоны с цементом или овощами, пополняя более чем скромный свой студенческий бюджет. Тагир уставал, как и все, хотя не подавал виду. Но ночью, укладываясь спать, устраивал подушку не под голову себе, а под ноги, мотивируя это тем, что именно им пришлось сегодня заниматься общественно полезным трудом и отдых в первую очередь положен им.

Но главный свой номер выкинул Тагир под занавес, к распределению. Что скрывать, многие хотели, получив диплом, остаться в Казани. Полюбили город за годы учебы, сроднились с ним. Девчонки наспех выходили замуж, устраивали скороспелые семьи. Были и ребята, находившие объективные причины, чтобы избежать распределения. Один из наших умельцев ухитрился даже представить в ректорат справку о наследственной куриной слепоте.

— Прошу направить меня в самое отдаленное от Казани место! — категорически заявил Тагир комиссии.

Чудак! Он получил направление в небольшое таежное село, вдали от райцентра, вдалеке от дорог. В то самое, что который год уже оставалось белым пятном для комиссии, куда никого еще не удавалось направить ни при какой погоде. А Тагир был вне себя от восторга, когда узнал, что до райцентра от его места работы надо добираться едва ли не сутки на оленях.

— На волю, в пампасы! — воскликнул он, закрыв за собой дверь ректората.

Но это еще не все. Надо же было такому случиться, что этот, себе на уме, как мы его считали, недотепа сумел вскружить голову первой красавице факультета — Зухре. После полета Гагарина это явилось для нас в те дни второй сенсацией. Поначалу никто не хотел верить в это. Но Тагир привел очаровательную Зухру в нашу комнату и поставил перед фактом, объявив ее своей невестой. Как ему удалось ее покорить — для многих так и осталось загадкой. «Нам суждено быть вместе,— объяснял он свой выбор,— ибо нас объединяет не что иное, как духовная близость. Мы родились с Зухрою на одной волне».

Это родство душ они довольно быстро заверили печатью загса и шумной студенческой свадьбой, став еще на четвертом курсе мужем и женой.

Что только не делает любовь с человеком. Непрístupная, осанистая, несколько чопорная Зухра, после свадьбы неузнаваемо изменилась, став покладистой и мягкой женщиной, чуткой и заботливой женой. Но даже она поначалу была шокирована, узнав о беспрецедентном заявлении мужа на заседании комиссии по распределению. Однако довольно быстро смогла справиться с собой, сориентировалась и заявила как ни в чем не бывало, пытающимся выразить сочувствие:

— А что? Хождение в народ приветствовалось и поощрялось великими людьми. Еще в прошлом веке... Да, о такой жене можно только мечтать.

— Ничего, ребята, годок-другой проживем в глубинке и вернемся,— бодрилась Зухра перед отъездом.

Прошел и год, и другой. «От силы еще на год задержимся»,— каждый год писали мне мои друзья и просили присмотреть подходящую работу. Но снова проходил год, и все повторялось. Незаметно пролетели пятнадцать лет. Тагир стал директором школы-восьмилетки, а Зухра защитила кандидатскую диссертацию по программе обучения детей в школах сельских, отдаленных районов. Иногда они выбирались из своей глубинки. Случалось, ездили на юг. Изредка гостили у меня. Купили себе «Запорожец» на пятнадцатом году супружеской жизни.

— Видите, как мы любим синий цвет. Тагир выбирал машину под цвет моих глаз,— на полном серьезе уверяла Зухра окружающих.

Зухру неоднократно приглашали на ответственную работу в областной отдел народного образования. Всякий раз она обещала подумать, но в последний момент деликатно отказывалась. И снова они «еще на год» оставались на месте. Этот год был очень необходим Тагиру, чтобы закончить очередную работу. Однако, едва завершив эту работу, он сразу же принимался за следующую. В последние годы он занялся целебными травами. Составил каталог, описал их свойства и методы выращивания. Не успел сдать рукопись в издательство, схватился за разработку теплицы для выращивания в местных условиях лимонов. И это ему удалось, лимоны хорошо принялись, хотя, пока они зацветут, ждать надо пять лет.

...И вот наша встреча на семинаре. Мы не могли дождаться конца занятий, наговориться, бродили без устали по тихим казанским переулкам, близким и дорогим нам со студенческих лет.

— На этот раз я увезу тебя с собой силой, не отвертись! — заверил меня Тагир, прощаясь возле гостиницы.

И я сдержал обещание. Вскоре после отъезда Тагира оформил отпуск и поспешил ему вслед.

Жили они поистине в другом мире. Сразу же за домом, от огородов, начинался густой девственный лес, населенный, что называется, непуганым зверем и птицей. Долгие часы мы проводили в тайге, бродя по известным лишь Тагиру тропам. Грибы и ягоды искать не было необходимости, они сами просились в руки. А однажды по пути на рыбалку нас остановили местные мальчишки.

— Тагир-ага, а к школе пришел огромный-преогромный лось,— начали рассказывать они, перебивая друг друга.— Лег у крыльца и лежит. Мы хотели его поднять, а он не встает...

— Не иначе как наш Малыш пожаловал,— сказал Тагир.— Пойдем-ка, посмотрим.

Мы направились к школе.

— Да, это он...— кивнул Тагир, издали увидев лося.

Сохатый, как огромная глыба, неподвижно лежал у ступеней, одна нога его, опухшая, была неестественно вывернута в сторону.

— Да у тебя, братец, видно, перелом...— проговорил Тагир, склоняясь над животным. — Вырос, возмужал. А как же ногу-то не уберег? В бою за честь подруги или по другой какой причине? Ну, ладно, хорошо, лежи спокойно, сейчас поможем...

Оставив меня с ребятами присматривать за лосем, Тагир ушел и вскоре вернулся с кусками фанеры, липовой коры и бинтами.

— Придется немного потерпеть,— сказал он, погладив лося по загривку.— Наложим шины, перевяжем. Дней через десять, думаю, сможешь вернуться домой.

Я не мог отвести глаз от причудливых рогов лесного великана. Они были необъятных размеров и напоминали крону могучего дерева.

— Не надо его бояться,— сказал Тагир, заметив мою настороженность.— Это же наш Малыш. Мы когда-то спасли его от волков, и он это запомнил. Целое лето гостил он у нас тогда, пока не окреп и не подрос. И вот стряслась беда — снова к нам за помощью. Молодец, все правильно, все, как говорится, по уму.

Малыш вел себя по-мужски, хотя видно было, что ему очень больно. Постанывал, но терпел, полностью доверяясь Тагиру. Мы тщательно промыли ему большую ссадину у коленной чашечки, густо присыпали стрептоцидовым порошком. Затем наложили шину и крепко перебинтовали ногу.

— А это тебе обезболивающее,— ловко всыпал Тагир ему в рот несколько таблеток анальгина. Малыш замотал было головой, но таблетки проглотил.

— Вот видишь, и к нему он вошел в доверие,— шепнула подросшая к нам Зухра.— Секрет какой-то знает.

Малыш провел возле школы две недели. Ребята приносили ему из лесу охапки разнотравья, поили ключевой водой. Почувствовав себя здоровым, он ушел к себе домой, в лес.

— Ушел! — удовлетворенно сказал Тагир.— Стало быть, дела пошли на поправку. А вообще, они удивительный народ, звери. Наверное, и советом помогают друг другу, как люди. Чуть что — сразу сюда. Недавно одному такому же желудок промывал марганцовкой, а другому пациенту соли английской даллизать от запора...

Вот такой вот Айболит жил уже полтора десятка лет в тайге. И взрослым он нужен был и детям, зверям таежным и детям зверей.

— Чуть не забыл показать тебе свои цитрусовые! — спохватился Тагир, когда мы вышли на очередную прогулку, и повел меня в теплицу.

Кустики лимонов были очень малы, едва-едва цеплялись за жизнь, но цеплялись все же, покорные воле садовника.

— Вот соберу первый урожай, закреплю, так сказать, технологию, методы выращивания, и тогда... — в глазах Тагира сверкнул озорной огонек,— тогда переберусь в город. Только с работой не подведи, подыщи что-нибудь подходящее...

— Только свистни — все будет! — в тон ему ответил я, теперь уже окончательно уверенный, что делать мне ничего не придется.

Вырастут лимоны, придет черед ананасов. Или бананов...

Белое и черное

Не помню уже, на какой улице и в каком доме, не скажу вам точно, но только жил-был в нашем городе маленький пес Паф. Был он из породы болонок — светловолос и кудряв, такой же масти был и его братец. Они родились близнецами, поэтому их и называли похоже — Пиф и Паф. Но, как это всегда и бывает, Пифу и Пафу пришлось расстаться с матерью, и друг с другом. Жили они в разных домах, каждый имел своих хозяев. Затрудняюсь сказать, как сложилась судьба Пифа, но Паф был доволен своей жизнью, это я хорошо знаю. Спал он на мягкой постели в тепле, ел всегда вкусно и сытно — из персональной фаянсовой тарелки. Два раза в день, а в выходные дни и того чаще, его выводили в сквер или парк на прогулку, а по вечерам купали в теплой, приятно ласкающей шерстку воде. После ванной он, посвежевший, пахнувший терпким запахом хвойного экстракта, по обыкновению устраивался на коленях голубоглазой Хозяйки. Хозяйка погружала свои тонкие нежные пальцы в его шелковистую шерстку, он потягивался от удовольствия, и так, довольные друг другом, они коротали час-другой у телевизора. И конечно же, больше всего Пафу нравилась передача из цикла «В мире животных».

— Надо же, каких только чудес не бывает на свете, гав! — восклицал он восторженно, увидев на экране кенгуру или жирафа.— А эта, вы только посмотрите, наш полосатый матрас нацепила. Потеха, гав, гав!

— Паф, не шуми и не мешай другим. Не то в угол поставлю.

— Гав! Все понял, молчу...

Надо сказать, он был умным псом и все понимал с полуслова. В этом доме он успел познать хорошее отношение к себе, ласку и любовь. И сам он отвечал тем же. Ах, как он любил пятилетнего крепыша Рустика и его старшего брата Тимура! С любовью и почтительностью относился Паф и к Хозяину, доброму, но малоразговорчивому человеку с аккуратной темной бородкой. Но, наверное, больше всех на свете любил он ласковую Хозяйку. Просыпалась она раньше всех в доме. Поднявшись, торопилась на кухню и по пути, здороваясь с Пафом, нежно трепала его по загривку. Паф, соблюдая тишину, терся о ноги Хозяйки, пока она умывалась, и устремлялся за ней на кухню. Само собой, лакомый кусочек доставался ему первому. Вскоре на ногах было все семейство. Хозяин, облачившись в спортивный костюм, включал радио. Тимур и Рустик, встав рядом с ним, приступали к зарядке. Пафик тут же пристраивался рядом, поднимаясь на задние лапы, прыгая и кувыркаясь, охотно принимал участие в физических упражнениях.

Маленький Рустам капризничал, частенько отказывался чистить зубы. Тогда Хозяйка призывала на помощь Пафа.

— Посмотри, Рустик, какие у него крепкие зубы,— говорила она, протягивая Пафу конфету.— Неужели тебе не хочется иметь такие?

— Да, да, Рустик! Гав! — подтверждал Паф, хрустя конфетой.— Я никогда не забываю чистить зубы утром, поэтому они у меня здоровые и крепкие. Гав!

Позавтракав, все по очереди прощались с Пафом. Рустик с Тимуром отправлялись через дорогу в детский сад, а Хозяин с Хозяйкой спешили на работу. Паф оставался один. Ему, конечно, было грустно, но ничего нельзя было поделать — на то они и люди, чтобы ходить в детский садик и на работу. Иначе им нельзя. К тому же и квартиру кому-то надо охранять. И Паф исправно нес свою службу. На любой шорох за стеной, шаги на лестничной площадке отвечал громким заливистым лаем. Пусть все знают — он на своем посту. Когда ему становилось особенно тоскливо в пустой квартире, он забирался на подоконник, разглядывал проезжающие мимо машины, спешащих по своим делам людей. Иногда ему везло, и он видел внизу на мостовой такую же, как он, болонку Жульку, которую давно уже узнавал издали, или золотистого терьера Дика, переходившего со своим хозяином улицу. И снова квартира оглашалась его звонким веселым лаем. Но пуще всего радовался Паф, когда ему удавалось увидеть на улице Рустама или Тимура, которые шли вместе с воспитательницей на прогулку. Иногда, заметив его в окне, они приветливо махали рукой. Сердце Пафа сжималось от радости.

К весне Хозяин приобрел машину. И по субботам вся семья отправлялась с ночевкой за город. Останавливались в лесу возле берега заросшей кувшинками речки, раскидывали палатку. Хозяин с Хозяйкой любили подолгу купаться, плавали на другой берег реки. А Паф и ребята удили рыбу, резвились и загорали на берегу. Когда наступал вечер, Хозяин принимался готовить уху. Ничего вкуснее Пафу и не доводилось есть. Ее неповторимый вкус всю неделю оставался во рту, и Паф привык жить ожиданием грядущей субботы.

И вдруг в дом пришла беда. Тяжело заболела Хозяйка. О поездках за город никто даже не вспоминал, в доме стояла тишина. Хозяйка лежала в своей постели, бледная, осунувшаяся, с глубоко запавшими глазами. Паф вместе со всеми переживал ее болезнь и старался не беспокоить. Но однажды он не выдержал, подойдя к ней, тихонько спросил:

— Что с вами?.. Га-ав...

— Что-то с сердцем, Пафка, неладно. Отказывается оно мне служить, да и только. Ты уж, в случае чего, не бросай моих...

— Га-ав... Что же это вы такое говорите! Вам скоро будет лучше, вот увидите...

С этого дня Паф не отходил от постели больной.

Он понимал ее, как и прежде, без слов и, угадывая по глазам ее желания, торопился позвать Хозяина.

Лучше Хозяйке не стало, как ни мечтал об этом Паф. Однажды ночью ее увезли в больницу. Потянулись бесконечно долгие дни ожидания. Паф не находил себе места без Хозяйки, просыпался ночью, тоскливо повизгивал в темноте. Поднимался Хозяин, включал торшер, доставал сигареты.

— Что, брат, плохо без Хозяйки? — грустно спрашивал, так же, как когда-то Хозяйка, тебя его за загривок.— Туго без нее, знаю...

Потом он уходил на кухню, долго курил, глядя в темное, немое окно. Паф молча пристраивался рядом и коротал вместе с ним время до рассвета.

В один из пасмурных и дождливых осенних дней Хозяйку привезли домой. По мрачным лицам незнакомых людей, пришедших в дом, Паф понял, что случилось что-то страшное, непоправимое. Хозяйка лежала в длинном ящике, обтянутом материей, в цветах, глаза ее были плотно прикрыты. А незнакомые люди приходили и уходили, и Паф, слоняясь между их ног, в растерянности не знал, приветствовать их или прогонять. Его забыли покормить, но попросить есть он не решался.

Через день Хозяйку вместе с ящиком вынесли из дома. У подъезда погрузили в автобус. Паф в последний момент вбежал за Хозяйкой в салон автобуса. На улице уже который день шел дождь, холодный, обложной. Автобус ехал очень медленно, будто бы нехотя. Люди, сидевшие в нем, плакали. Паф, глядя на них, тоже не мог сдержать слез.

Стали они жить вчетвером. Завтрак по утрам теперь готовил Хозяин. Он, как и Хозяйка, баловал Пафа, выделял ему вкусный кусочек. А утреннюю зарядку они теперь делали только втроем — Паф и ребята. Хозяин не успевал.

Так прошли осень и длинная холодная зима. Ребята подросли, Рустам уже самостоятельно, без напоминаний, чистил зубы. Тимур учился в первом классе. Паф по-прежнему сторожил дом, с нетерпением ждал их возвращения. Тимур по пути из школы заходил в детский сад и приводил Рустама.

Однажды Тимур нарисовал на белом листе бумаги буквы и положил листок рядом с Пафом.

— Это твое имя... — проговорил он, улыбнувшись.

— Вот как! — удивился Паф. — Молодец, гав! А читать ты тоже умеешь? Тогда почитай нам с Рустиком книжку, как читала когда-то Хозяйка. Ах, какое это было время... Гав!

Жили они в общем неплохо. Только очень им не хватало Хозяйки. Паф никак не мог смириться с тем, что она больше никогда не вернется в их дом. Часто он видел Хозяйку во сне.

Проснувшись, бродил по темной квартире, вдыхал родной запах, оказавшись рядом со шкафом, где осталась висеть одежда Хозяйки.

Шло время. И однажды вечером Хозяин пришел в дом с незнакомой, нарядно одетой женщиной. В прихожей остро запахло духами. Женщина казалась доброй, улыбалась. Но Паф сразу насторожился.

— Ах, какой симпатичный песик! — воскликнула незнакомка, пытаясь погладить Пафа.

— Гав! Не трогайте меня, я не люблю этого. Гав!

— Ах ты, злючка... — отняла женщина руку.

— Ничего, привыкнет. Он хороший... — попытался ее успокоить Хозяин.

— Ни-ког-да! Гав, гав! — возражал Паф. — Никогда я не изменю своей Хозяйке.

— Посмотрим... — снисходительно проговорила гостья.

Нарядная женщина с резким, пряным запахом духов стала бывать у них каждый день, иногда оставалась ночевать. А потом и вовсе переселилась в их дом. Паф относился к ней по-прежнему настороженно и холодно. И ничего не мог с собой поделать — сердцу ведь не прикажешь.

В один из погожих солнечных дней они, как и в прежние времена, поехали в лес. Установили палатку, купались, варили уху на костре. Но было все уже по-другому. Ни у ребят, ни у Пафа не было настроения играть в догонялки и прежние веселые и шумные игры. Почти весь день Паф пролежал в тени под кустом.

По ночам он продолжал видеть во сне Хозяйку. Проснется и тихонько скулит. Поднимался Хозяин, брал его на колени и, глядя по голове, пытался успокоить.

— Да выставь ты его на балкон или за дверь! — доносился из темноты сонный голос женщины. — Взял моду людей будить по ночам.

— Га-а-ав... — жалобно поскуливал Паф. — Зачем же ты ее привел, Хозяин. Она ведь злая, никого не любит. А мы так хорошо жили...

Прав оказался пес. Кроме себя, эта женщина никого не любила. Но особенно она невзлюбила Пафа. Он уже давно не спал на мягкой постели, не ел из своей фаянсовой тарелки. Его бы давно выставили за дверь, да ребята заступались за него, как могли.

Однако женщина оказалась не только злой, но и практичной и хитрой. Она быстро распродала всю прежнюю мебель, не оставив даже любимого кресла Хозяйки. И в отсутствие хозяина завезла в квартиру новый гарнитур. А к вечеру повела такой разговор:

— Вот теперь у нас как у людей. Мебель темная, мореный дуб, обои, ковры — все в тон. Но собака никак не подходит к такому интерьеру — болтается, как кусок ваты, под ногами. Не-ет, здесь подошла бы болонка темной масти или пудель!..

— А Пафа куда же? — в один голос спросили мальчики.

— Нашли проблему! — отмахнулась женщина. — Отдать кому-нибудь — и дело с концом. Да и вообще, мало ли на улицах бродячих собак! Одной больше, одной меньше...

— Пафа мы не отдадим... — заявили мальчишки и увели его в свою комнату.

За ужином женщина продолжила разговор.

— В принципе я не против собак, — проговорила она жеманно, выбрав себе из вазы самую красивую кисть винограда. — Но здесь нужна явно другая масть.

А Хозяин молчал. В последнее время он стал еще более молчаливым, замкнутым. Курил одну за другой сигареты.

Покончив с ужином, ребята повели себя довольно странно. О чем-то шептались. Потом Тимур взял из кабинета отца какие-то книги, и они закрылись в своей комнате. А вскоре, прихватив с собой Пафа, перешли в ванную.

Пафик наблюдал, как ребята напускали в ванну теплую воду, разводили в ней свои акварельные краски. В воду они вылили и пузырек с черной тушью из кабинета Хозяина.

— Ты только не бойся, Паф, — сказал Тимур, беря его на руки. — Теперь ты будешь темным, и тебя уже никто не захочет прогнать. Мы тебя очень любим и не дадим в обиду.

И раза два они окунули его в мутную теплую воду. Паф молча терпел. Дети перепачкались, как трубочисты, а шерстка Пафа никак не хотела впитывать краску. Но и белым его нельзя было теперь назвать. Шерсть его приобрела тускло-серый. с налетом ржавчины оттенок. Отмыть ее тоже теперь было нелегко.

— Это еще что за пугало?! — вскрикнула женщина, когда Паф, отряхиваясь, выбрался из ванной. Сразу все поняв, она пригрозила ребятам, что выпроводит их из дома вместе с собакой.

Через несколько дней предприимчивая женщина объявила о своем решении сделать в квартире ремонт. Мальчикам как раз подошло время ехать в пионерский лагерь. А Хозяин, проводив их, отправился в командировку.

В тот же вечер Паф оказался за дверью. Но, как он ни просил, ни молил, царапая лапами дверь, в дом его не пустили. Ночью его пригласила к себе соседка, пожилая грузная женщина, работавшая в доме лифтером. Но Паф не захотел идти в чужую квартиру. Он все еще надеялся, что его пустят домой. Но его не пустили ни ночью, ни утром.

На следующий день нарядная, покрашенная женщина, по-видимому, отложив ремонт, вышла из дома с дорожной сумкой и куда-то уехала на машине с зеленым огоньком на стекле.

Паф оказался на улице. Жизнь его круто изменилась. Ночевать ему приходилось теперь во дворе, под грибком у детской песочницы, питаться тем, что удастся отыскать на земле. иногда возле больших железных ящиков в углу двора попадались довольно сносные косточки.

Во дворе Паф встретил своего давнего приятеля, гончего пса Барса. Когда-то, в лучшие времена, их в одно и то же время прогуливали по двору хозяйки. Барс сразу понял, в чем дело, и не задавал лишних вопросов.

— Ты особенно не расстраивайся, — пытался утешить он Пафа. — С нашим братом такое сплошь и рядом случается. Такова наша собачья доля, брат. Не каждый человек нам в друзья годится.

Барс был пес мудрый, почти философ. Он же помог Пафу найти более укромное место для ночлега — ящик с промасленной ветошью за гаражами в дальнем углу двора.

— Вот тут и будешь пока жить, — сказал Барс, прощаясь с Пафом. — Со временем что-нибудь образуется... Но будь осторожен, твоя новая хозяйка — еще не самое страшное зло на земле. Бойся небритых, неприятных мужчин в стоптанной обуви, старайся не попадаться им на глаза. Не то зазеваешься — и твоя шкурка пойдет на шапку...

Постепенно Паф начал привыкать к новой жизни. Ночевать на новом месте было теплее, не забывал его и Барс, подбрасывая иногда то косточку, то кусок подсохшей булки. Все бы хорошо, но уж очень тосковал Паф о ребятах и об их голубоглазой доброй матери.

Однажды, ближе к осени, Паф наконец встретил во дворе Рустама с Тимуром. Увидев его, дети обрадовались, приласкали, угостили вкусными пирожными. Почти весь день они провели вместе, играли, как когда-то, в прятки, бегали, догоняя друг друга, по двору. Но когда наступил вечер, Паф спрятался от ребят, нырнув в ящик, ставший его пристанищем. Как они его ни звали, он не откликнулся, не пошел за ними в дом. Не хотел он подводить дорогих ему людей...

... Не скажу вам точно, когда это случилось. Но однажды недалеко от перекрестка светлые «Жигули» сбили неопределенного цвета болонку.

— Я не виноват, поверьте, товарищи... — объяснял собравшимся расстроенный водитель. — Она сама под колеса бросилась...

Под колесами машины лежал Паф. Впрочем, может быть, это была другая, похожая на него собака...

Верность

Я был в очередной редакционной командировке и ехал в один из небольших городов Зауралья. На пассажирский поезд, что приходит по назначению в семь утра, опоздал, а скорый делал трехминутную остановку в этом городе в два часа ночи. Вместе со мной на ночной перрон сошли еще двое — офицер-отпускник и его жена. Едва проводница открыла дверь, к ступеням подошел большой рыжий пес. Точно приветствуя нас, он негромко смущенно гавкнул.

— Привет, дружище, не нас ли встречаешь? — сказал я и хотел было его погладить. Пес, не обратив на слова внимания, понюхал полу моего плаща, затем пальто проводницы и шинель офицера. Потом отошел в сторонку и присел, опершись на передние лапы. Посмотрел на нас вопросительно, и мне показалось, что он в самом деле хочет о чем-то нас спросить.

— На-ка, братец, подкрепись, — я достал из портфеля бутерброд с колбасой, приготовленный женой в дорогу, и протянул псу. А он, что называется, и носом не повел, лишь отступил на шаг, провожая глазами тронувшийся вместе с проводницей вагон. И я понял, что он кого-то ждал. Во всяком случае, не нас... Направляясь к зданию вокзала, я обернулся и увидел одинокую фигурку собаки, сидевшую в той же позе на пустынном перроне.

Я бы, наверное, забыл об этой рыжей псине, если бы не увидел его снова в день отъезда. Провожал меня старший мастер депо, о людях которого я и приезжал писать очерк. Моросил мелкий холодный дождь. Как и тогда ночью, перрон был пуст, лишь медленно, понуро брел по нему знакомый пес. Появилось несколько пассажиров, моих будущих попутчиков. Пес обнюхал каждого из них и, отойдя к обшарпанной ребристой скамейке возле билетных касс, присел, напряженно следя за перроном. Вскоре с миской в руке к нему подошла женщина в белом помятом халате.

— Ешь, Сатурн, ешь, мой хороший... — ласково проговорила она, поставив на пол миску.

— Только из ее рук и ест, — пояснил мой провожатый, кивнув на собаку. — Тетка нашего Равиля, жил он у нее до армии.

— Кто это?

— Был у нас такой парень. Любимец всей дистанции... После училища в наше депо его направили, линейным мастером работал...

Мастер зажег сигарету, затянувшись, посмотрел на собаку.

— А Сатурна он слепым щенком подобрал на пустыре. Домой принес, вырастил. Сдружились — водой не разольешь, и в кино, и на свидание вместе. Весельчак был наш Равиль, и Сатурна обучил всяким шуткам и фокусам. Сатурн, скажет, бывало, покажи, как наша буфетчица Соня ходит. Пес точь-в-точь, как толстуха Соня, пройдет, с боку на бок переваливаясь! А теперь, говорит, покажи, как Ибрагим-ага после получки домой идет. И его скопирует, да так, что диву даешься. Потеха, да и только...

— А где же теперь тот Равиль?

- Возраст подошел — в армию призвали.
- Понятно. Значит, Сатурн хозяина ждет.
- Его...
- Надо было оставить кому-то на время службы.

— А то! Равиль как получил повестку, так и отвез его к другу. Далеко отвез, в район. Везто когда, пиджаком ему голову закрывал — да не помогло. В день отъезда Равиля Сатурн сюда прибежал, на вокзал, и цепь трехметровую приволок за собой. Обходчик потом рассказывал, за поездом километров двадцать бежал, не меньше. С того дня и живет здесь, три года уж скоро будет.

— А что Равиль... на сверхсрочную остался?

— Да нет... — вздохнул мастер. — Погиб при исполнении... выполняя свой служебный долг. — И помолчав, добавил: — Геройски... Документы и орден тетке прислали, не было у него родителей-то...

Из-за пакагуза показался локомотив, и состав, скрежеща тормозами, остановился у перрона. Из вагонов высыпали люди. Сатурн, принохиваясь, метался от одного к другому. Когда поток пассажиров рассеялся, пес сел в сторонке, не отводя глаз от пожилой проводницы с флажком. «Не встречала ли где темноволосого симпатичного парня, моего друга? — казалось, спрашивал его пристальный, неподвижный взгляд. — Так много времени прошло, а его все нет и нет...»

Не ответила ничего проводница. Поднялась на подножку вагона и вытянула руку с флажком. Поезд тронулся.

Подарок на свадьбу

Недавно мне довелось побывать на знаменитых тюменских буровых. Командировка поразила меня много интересного. Побывал на ударных стройках, встречался с интересными людьми, своими глазами увидел превращение некогда глухого таежного края, известного раньше разве что как место самых далеких ссылок.

С одной из дальних буровых возвращался в управление на маленьком автобусе, который принято называть «уазиком». Ехали по ухабистой, размытой после обильных дождей лесной дороге. Шофера, однако, пересеченная местность, как видно, не смущала, и он старался выжать из машины все, что мог. В салоне поднялась пыль, громыхали пустые ведра, ударяясь друг о друга, и зеленые термосы для полевых обедов буровиков. У окна, крепко вцепившись в поручни, сидела молоденькая повариха Рая.

— Петро, побойся бога! — покрикивала она время от времени на шофера. — А то все законы земного притяжения нарушишь. И окажешься с тобой в космосе вместо клуба.

А Петро знай напевал себе под нос песенку и продолжал жать на газ. Когда «уазик» в очередной раз крепко трянуло, не выдержал и всю дорогу молчавший буровой мастер Пахомыч.

— Хорошо еще если в космосе, — пробурчал он, доставая из пачки папиросу. — А то и вообще эта колымага может рассыпаться на куски...

— А что же с нами будет?.. — испуганно воскликнула возвращавшаяся с практики студентка Насима.

— Все, кроме мягкой посадки... — отозвалась от окна повариха.

— Надо, браццы, очень надо! — оправдывался Петро. — Понимаете, друг у меня женится, расписывается в три часа сегодня, а я у него главный свидетель. А что касается тачки моей, не дрейфьте, выдержит, и не такое видали мы с ней в этих краях!

Действительно, «тачка» Петра не подвела нас, выдержала испытание. Мы благополучно выехали на асфальт и облегченно вздохнули. Страхи наши остались позади, теперь уж наверняка доберемся до места. Так, видимо, думал каждый из пассажиров «уазика», расслабившись, удобно устроившись на потертых сиденьях. Но у края желтеющего впереди поля, перед поворотом, мы еще издали заметили пробку — цепочку вытянувшихся вдоль дороги машин.

— Не везет, так не везет! — Шофер хлопнул дверцей и, обойдя стоящий впереди автобус, пошел вперед узнавать причину внезапной задержки. Однако вскоре он вернулся и невесело развел руками:

— Стихия! В самом узком месте, у оврага, «Татра» застряла...

— Это посуху-то, на ровном месте?! — удивился Пахомыч.

— Пчелы кабину облепили, целый рой. Шофер сидит как в осаде, ни вздохнуть, как говорится, ни пикнуть! — Петро нервно взмахнул рукой и поспешил закрыть дверцу. И мы увидели их. Пчелы кружились над «уазиком», жужжа, стучались о стекла кабины.

— Не было печали... — вздохнул Пахомыч. — Перекур с дремотой.

— А по-моему, это действительно больше похоже на осаду, — проговорила Насима, следя через окно за пчелой.

Мы плотнее прижали створку дверцы салона, заткнув газетой щель в окне и приготовились к осаде. Но любопытство вскоре взяло верх. Осторожно, по одному мы выходили из «уазика» и тянулись гуськом в сторону головной машины. В самом узком месте проезда, где дорога пролегла между глубоким оврагом и довольно крутым склоном холма, неуклюже поперек дороги стояла семитонная «Татра». Стекла ее кабины были настолько плотно облеплены пчелами, что не было, как говорится, живого места. По-видимому, этот могучий рой ушел с чьей-то ближней пасеки, отроился. В кабине, в кромешной темноте сидел насмерть перепуганный водитель. Боясь высунуть нос из кабины, он лишь жалобно гудел клаксоном, прося помощи, да мигал фарами. А пробка продолжала расти на наших глазах, причем затор был двойным, встречные машины тоже вынуждены были остановиться. Застрявшие шоферы только разводили руками, нервно курили да на чем свет стоит ругали пчелиное отродье. Большинство из них предпочитало сидеть в своих кабинах. Вернулись и мы к своему «уазик».

— Что там случилось-то? — спросил водитель остановившегося неподалеку от нас молоковоза. Он был в тонкой тенниске с короткими рукавами и открытой шеей, но почему-то совсем не боялся пчел, стоял спокойно, не обращая на них никакого внимания. Может быть, это они боялись его крутых плеч, тугих мускулов, выпирающих из-под тенниски.

Когда ему объяснили, в чем дело, он даже не удивился, только пожал плечами:

— Не нашли более подходящего места! От них можно всего ожидать, это такой народ. — Он прошел к своей машине и тут же вернулся, растерянно развел руками: — Забыл ведро с собой взять, а оно бы сейчас пригодилось. Ведро да сахара немного...

— А вон, сколько хочешь этого добра, — кивнул Петро на свою машину. — И ведра пустые, и термос со сладким чаем.

— То, что надо, — удовлетворенно кивнул парень. — Сейчас мы с ними разберемся. Но мне нужен помощник, кто со мной пойдет? Добычу, само собой, пополам...

— Только не я! — замахал руками наш Петро. — Я этот твой пчелиный народ знаю — вмиг разрисуют портрет. А мне сегодня на свадьбу, лучший друг женится. Каково туда идти с раздутым носом...

— А я на танцы собралась! — объявила Насима.

— Ах, у меня такая аллергия от пчелиных укусов! — испуганно воскликнула буфетчица Рая.

Буровой мастер Пахомыч промолчал. Признаюсь, я тоже несколько растерялся.

— Ладно, справлюсь... — махнул рукой парень и открыл термос. Потом он окропил сладким чаем открытые до локтей руки, пустое эмалированное ведро. Смочил лежавшее тут же полотенце и, подхватив ведро, спокойно направился в голову колонны. Само собой, мы двинулись следом за ним.

Пчелы словно бы присмирели, кружились себе над головой парня, садились на его руки и... не кусали. Даже не верилось. Не иначе, он гипнотизировал их. Забравшись на капот «Татры», он стал в буквальном смысле слова голыми руками сгребать и сметать пчел в ведро. Пчелы и сами, точно по мановению волшебной палочки, садились на стенки ведра, спускались на дно. Когда ведро наполнилось, парень прикрыл его влажным полотенцем, оставил в сторону и, изобразив руками жест, какой делают жезлом милиционеры-регулировщики на городских перекрестках, весело прокричал притихшим шоферам:

— Путь свободен, можете следовать дальше.

— Вы что... укротитель? Как это вы сумели так ловко? — спросила Насима, восторженно глядя на парня...

— Секрет фирмы. Выходи замуж за меня — открою тайну, — ответил укротитель пчел.

— Стоит подумать...

— Кстати, о замужестве, — парень окинул нас взглядом. — Кто-то тут на свадьбу собирался?

— Ну, я...— проговорил наш Петро, потупившись.— Друг меня в загсе уже ждет, наверное. В морфлоте вместе служили, на одном корабле...

— Ну, тогда держи, я тоже на флоте служил. Свадебный подарок — от моряка моряку. Пусть пересадит их в улей и разводит с молодой женой. Достойное дело для хороших людей...— Он поставил ведро с кишашими в нем пчелами в салон нашего «уазика», и посмотрев на часы, спохватился:— А ведь я тоже спешу, братцы, молоко может скиснуть.— Сев за баранку своей машины, он дал протяжный гудок, как бы прощаясь с нами, и, круто рванув с места, стал объезжать стоящий перед ним самосвал.

— Предлагал замуж выйти и даже адреса не оставил,— грустно проговорила Насима, глядя вслед удаляющемуся молоковозу.— Кудесник! А подарок хорош, что ни говорите. Я бы от такого не отказалась... на свадьбу.

Кремень Шагит и жадный дракон

Это было в один из ясных, росистых утренних часов. 11 июня. Завтра в Байряки-Тубе долгожданный Сабантуй. А вот на седую голову Шагита ага по прозвищу Кремень свалились невиданные события. Да, завтра — Сабантуй. Понаедут в село гости из Туймазов, Ютазов, Октябрьского, Уфы. Сабантуй в Байряки-Тубе славится своими скачками. Вот и Шагиту ага перед праздником приходится крутиться как шарик в подшипнике. Ведь приедут гости, дети, внуки — дом наполнится веселым гомоном...

Первой, естественно, уверенно откроет родные ворота старшая дочь Римма. Она — актриса, исполняет главные роли в Туймазинском государственном драматическом театре. Заслуженная артистка Башкортостана. Шагит ага гордится ею, ни один спектакль с ее участием не пропускает.

Римма обязательно приедет, ведь ее тринадцатилетняя дочь Наиля с начала лета гостит у дедушки с бабушкой. Умница девочка, за что ни возьмется, все у нее получается. Всегда крутится около деда. То они красят тарантас, то смазывают оси телеги. И на рыбалку на Ик ходят вместе.

У Шагита ага есть ухоженная, лоснящаяся красавица кобыла Лена. Вообще-то для дома все есть: газ, вода. Вроде бы зачем содержать лошадь? А вот нет! Если так думаете, тогда не понимаете чувств хозяина! Чего стоит, когда у тебя в сарае заржет лошадь, своя лошадь! В сельской местности отношение к тем, кто держит лошадь, совсем иное. Это надо понять, прочувствовать.

К слову, тут имеется своего рода проблема. Скажем, все бы ахнули, если он, сидя на своем раскрашенном тарантасе, запряженном кобылой, въехал на майдан Сабантуя! Притом вокруг бегал бы жеребенок Ленки! Но Шагит ага боится сглаза. Ведь каких только людей нет на свете — ревнивых, злобных. Охватит тебя своим ядовитым взглядом — и все, жди беды.

Да, Шагит ага сегодня с утра был занят предпраздничными хлопотами. Но праздник праздником. Ведь он еще заядлый охотник и рыбовод. Поэтому он часто заглядывал на раскинутую прямо за сараями гладь Ика. Вчера он закинул в один из самых глубоких омутов реки хитроумную снасть. Но не на какую-то там красноперку, сазанчика, щуку. Цель другая: поймать совсем зарвавшегося в последнее время дракона. В полноводном Ике еще не перевелись жадные сомы. В прошлом году офицер налоговой полиции из Октябрьского Низамов поймал одного длиной один метр двадцать сантиметров, весом в 45 килограммов. Но вряд ли настоящий дракон, обитающий в омуте за садом, будет только метровой длины! Потом Шагит ага закинул свою хитроумную снасть по просьбе-требованию супруги Фагимы апа, с которой в ладу прожил сорок шесть лет. Кто знает, кто там беснуется на дне омута, то ли сом, то ли сам черт!

Фагима апа говорит так: в последнее время этот злыдень совсем зарвался. Житья от него не стало. Так и изводит уток, гусят, обжора! Разве я развожу их для этого ненасытного? Вот и сказала своему старику: пора кончать с этим чертом!

— Я и до этого несколько раз видел его: смахивает на крокодила, нахальный донельзя, зверюга! По вечерам, перед приходом стада, всю реку взбаламучивает, прямо как подводная лодка с пучины поднимается.— Тут Шагит ага с гордостью бьет в грудь: мол, служил во флоте.

— Прямо на глазах цап одну утку и исчез. Вот и дал себе слово: хватит, надо поймать этого разбойника. А если я решил, то умру, но сделаю! До этого дважды пытался его поймать, но не получалось. Две недели тому назад оборвал толстенную леску, чуть самого в омут не утащил. На этот раз крючок сделали из пружины от сиденья велосипеда. Вместе с внучкой Наилей долго точили железный прут толщиной почти в мизинец. Крючок должен быть пружинистым, а то, не дай бог, сломается, если та сатана начнет бесноваться.

Погоди-ка, думаю, ты, усатый черт, любитель птичьего мяса! Прямо удержаться не можешь! Хоть и жалко, но пришлось забить петушка. Если поймать, то только на такую наживку. Чуть поджарил тушку в печи, натер чесноком и лучком, затем насадил на крючок. Полакомься, говорю, раз любишь птицу!

Да, как раз перед Сабантуем и было дело. Утречком решил проверить снасть. Пошел на Ик. Там у меня есть одноместная лодчонка. По утрам решил проводить небольшую разведку. Лодчонка бесшумно скользит по воде, я ее смастерил с таким расчетом. Приближаюсь к ветле, под корни которой закинул удочку. А там творится такое! Ветлу толщиной почти с оглоблю гнет будто лозинку. Будто тащат трактором «Беларусь!»

«Ага, разбойник, попался!» — говорю я. Крючок-то у меня сидит на крепчайшем капроновом шнуре. Сердце прямо готово выскочить из груди, нет, на этот раз шнур не порвет! Но кто там, на дне? Решил потянуть за шнур, ждатель-то не хочется. Тут этот окаянный как всплывет и как ударит по лодке. Та в щепки, я саженками быстрее на берег! Побежал за Наилей. Я ее с пяти лет вожу на рыбалку, она пуще меня любит этот промысел. Кричу:

— Дочка, иди быстрее на помощь! Та чертяка, наконец, попалась!

Прибежали, развязал я шнур, конец дал ей в руки. Говорю, держи крепче, не упусти. Сам побежал за другой трехместной лодкой. Эта тоже как игрушка, сам сделал по собственным расчетам.

— Де-душ-ка! Не могу удержать, меня тащит! — кричит внучка с берега.

Быстренько спустил лодку в воду. Наиля же из последних сил держится. Я попытался веслами погнать рыбину поближе к берегу. Но куда там! Бьется, хочет сорваться с крючка. Чувствую, заглотив он его крепко, «жадность фраера сгубила». А то давно бы сорвался. Но как его вытащить на берег? Чувствую, что на крючке сом длиной по меньшей мере в полтора метра. Мощь в нем огромная. То уходит в глубину, то всплывает. Мы уже устали тащить, а ему хоть бы хны! У меня есть острая трехзубая острога, пытаюсь подцепить сома еще за какое-либо место. Наконец зацепил за грудину, теперь уж не сорвется. Но сом все тащит нас в реку, мы держимся изо всех сил. Так и сражались битых два часа. Вот где силища-то! А ведь я еще бью его веслом. Наконец сом стал потихоньку поддаваться. Может, решил немного собраться с силами — всплыл. Я долбанул его по голове, подобной десятилитровому ведру, тяжелым веслом. Вроде чуть оглушил. Стараясь не упустить момент, мы стали его затаскивать в лодку. Половина туловища в лодке, половина — в воде. Ту часть, что в лодке, крепко обвязал вожжами, чтобы не билась. Потом еле-еле вытащили лодку на берег... Сом смотрит на меня сердито, будто хочет сказать: «Ну, старик, ты меня таки перехиприл!» Как-то стало неудобно. Сам про себя говорю: «Ну, дурачок, ты же проглотил крючок, не я».

Тем временем подросла старушка моя — Фагима, тащит за собой носилки. Они с внучкой взялись спереди, я — сзади, спотыкаясь, с остановками для отдыха еле поднялись во двор. Я быстренько взял косу и накопил крапивы. Сом-то все еще живой, если на крапиву не положить, будет биться, весь измажется в грязи. Вынес метр, измерил — два метра двадцать шесть сантиметров! Я до этого сомов на Ике ловил много, но такой еще не попадался, да и не слышал про такой улов. Весом оказался больше шестидесяти килограммов.

Что делать? Разрубил на части и спустил в погреб. Печень, а там не менее шести килограммов, оставили себе. Четырнадцатикилограммовую голову разделили на три части и отдали соседям.

Шагит ага и Фагима апа очень гостеприимные, добрейшей души люди. Они только вчера отметили свой семидесятилетний юбилей. Оказывается, родились супруги в один год и в один день — 14 октября.

— Никуда мы вас не отпустим. Вот сейчас запрягу Лену и на тарантасе с гармошкой объездим улицы, — стоял на своем хозяин. Оно было бы и неплохо, да вот беда, время позднее —

два часа ночи. А нам еще ехать в город Октябрьский. К тому же начался дождь со снегом. С твердым обещанием приехать на Сабантуй мы распрощались с этими милыми людьми.

Не это здесь самое главное

Друзья мои хорошо знают, что с собачьим племенем я давно в самых приятельских отношениях. Верительные грамоты о дружбе и сотрудничестве вручены еще в детстве. Поэтому, может кому это покажется странным, но я мимо бродячего, никому не нужного щенка не могу пройти так запросто, не сказав ему несколько ласковых слов, не взяв его на руки, не погладив несчастного. А как же иначе? В маленьких умных глазах каждого из них я вижу и необъяснимую досаду, что в жизни у них не все благополучно и безграничную радость от встречи с добрым человеком.

А за свою жизнь я их, глупеньких, грязных, бездомных, брошенных таскал к себе домой бесчестно. Давал им ночлег, кормил. И удивляться тут не к чему. Раз они родились на свет, следовательно, имеют право на жизнь, то есть на крышу над головой, право на миску супа или каши. В моем дворе иногда их доходило до пяти, до шести. И это еще не предел. Это, конечно, все пустяки и не об этом здесь речь. Притом, и не это главное в моем рассказе.

Да-а, вы ведь у меня про «Портвейна» спрашиваете. Пожалуйста, я тут несколько не сгущаю краски, я действительно купил его при очень странных обстоятельствах. Дело было так. В один прекрасный солнечный день я возвращался из Казани. На берегу Камы, возле Сорочьих Гор, пришлось долго ждать парома с того берега.

Тут я заметил, что один очень симпатичный молодой человек, в модной красной рубашке, в потертых синих джинсах, давно уже стоит возле дебаркадера и намеревается продать большого такого же очень симпатичного пса-овчарку. Пассажирам же вокруг него, конечно, не до этого. Каждому засветло хочется добраться до дома. Ждут, не дождутся, когда с того берега возвратится один единственный паром. А я и тут остался верным своей давнишней привычке, не смог пройти мимо этого волкодава. Вижу, что это настоящая чистокровная немецкая овчарка. Подошел к ним, остановился, парню предложил сигарету. Закурили. А от пса я глаз оторвать не могу. Пес что надо, чистой европейской крови! Ученая, конечно. Скажешь: — Сидеть! Сядет. Прикажешь: — Ложись! Тут же ляжет, замрет, не шелохнется.

— Сколько же ему? — спрашиваю кивком.

— Два года, третий пошел.

— Что, обстоятельства?

— Да-а, срочно с якоря снимаюсь.

— А оставить негде?

— И с собой взять не могу...

— Как же его зовут?

— Портвейн,— сказал парень, по его лицу проплыла чуть заметная улыбка. Он начал кашлять себе в кулак.

— Портвейн?! — переспросил я.

— Да, Портвейн. Не Вермут и не «Агдам», а Портвейн.

— Хороший у вас пес! Сколько же просите за него, за «Вермута», то-есть за «Портвейна»?

— Тут ведь не рынок, торговаться не будешь,— ответил парень, погладил своего пса за голову.— Сколько дадут и ладно. Дадут червонец и буде.

— Червонец?! — переспросил я. Не то что такие ученые, породистые собаки, но даже их щенки двух-трех месячного возраста, стоят сотню, а то и больше. Это же совсем даром получается. В своем ли он уме? Хотя это уж его дело. Говорит же, что ему срочно надо выехать. Видать, действительно так. Хотя здесь не это главное и не об этом мой рассказ...

— А я даже не знаю как мне быть. Не могу сдержать свою радость. Как давно я мечтал когда-нибудь иметь такую умную, ученую собаку.

— Беру я вашего Агдама — сказал я парню.

— Портвейна,— поправил он меня.

— Портвейна,— сказал я, сунул ему в руку два червонца.— Извини, что с собой больше нет, а то бы не пожалел еще пару червонцев.

Тут же поводок осторожно взял в свои руки. Э-э, братцы, это же чудо иметь дело с настоящими овчарками! В чьих руках поводок, тому они и служат, того и признают своим настоящим хозяином. «Портвейн», как бы доказывая эту истину, стал лизать мою руку. Чуешь, братец, говорю ему, как иногда в жизни у нас получается. Еще полчаса тому назад мы с тобой были чужими. А теперь вот я твой хозяин. Чуешь? Скажи, чую хозяин!

— Но ты не расстраивайся. Не скучай и не скули. Служи мне верно,— говорю ему, глазу по голове.— Мы с тобой Портвейн, вот увидишь, хорошими друзьями станем. У меня тебе плохо не будет, обещаю тебе это. Я люблю и очень уважаю вашего брата. Правда у тебя вот с именем несколько неудачно. Портвейн! Ты же не алкоголик там какой-нибудь, а ученый пес. А хочешь я тебя назову Дингой или Джульбарсом? Ну ладно, это мы решим по приезде домой.

А тем временем его прежний хозяин, этот симпатичный парень, с нами даже прощаться не стал, поспешил обратиться. А вообще-то он мне показался немного странным. Это можно было легко заметить в его поведении, в обращении с собакой и при разговоре с пассажирами. Но дело не в этом и не об этом мой рассказ...

В тот день в нашу сторону машин было не так много. А мне еще предстояло ехать километров триста с гаком. Пересаживаясь из одной попутной машины в другую, к ночи мы еле добрались до Чистополя. Там пришлось переночевать. Устроиться же в гостиницу с собакой тоже было дело не из легких. Ко мне мы доехали лишь на другой день. Прямо с дороги сбегали на озеро искупаться. Вижу, Портвейн во мне окончательно признал своего хозяина. От меня ни на шаг не отходит. Сказал ему: «Сиди и охраняй!» — он тут же сел возле моей одежды. Когда сказал: «Ко мне!» — он бросился ко мне в воду. Удивительно умная и понятливая собака, еще и игривая — подбегает ко мне, рычит, хватается за подол костюма. Но не кусает. Ему хочется просто поиграть, пошутить.

По приезде домой я его тут же посадил на цепь. Вижу, и двор наш, и конура, которую я делал сам, пришлись ему по душе. Пес мой со знанием дела приступил к своим прямым обязанностям. Недели две-три мы жили очень мирно и спокойно. А потом он начал показывать нам свой характер, только держись. Упрется своей острой мордой на небо и начинает выть. Воет и воет. До того жалобно, хоть из дома беги. Не пьет, не ест, только воет. Кому это приятно, не пение же соловья или канарейки. Попробовал ему пальцем пригрозить, дескать, перестань. Не понял. Метелкой по спине дал, не испугался. Без умолку воет. Думаю, что же с ним случилось? Погодите-ка, он ведь у меня отличный собачий парень, может ему приглянулась «невеста» с соседнего двора? И он по ней сохнет. А может быть где-нибудь собачья свадьба, он туда просится? Все может быть, думаю, коль так, иди, погуляй немного. Ушел наш Портвейн и пропал. Как в воду канул. Дней десять уж его нет. И я не ищу. Где это видано, чтобы хозяин собаку искал? Должно быть наоборот. Наверное, он к своему старому хозяину убежал, рассуждаю я со своими домашними. А он-то, оказывается, никуда не убежал. В один прекрасный день, когда мы про него чуть уж совсем не забыли, он вернулся. Утром выхожу во двор, он спокойно спит возле своей конуры, как будто никуда и не отлучался. Даже не замечает цыплят, забравшихся на его спину и очень удобно там устроившихся. Но чувствую, что здесь что-то неладно. Нормальный пес так беззаботно не может спать. Подхожу поближе, а он пластом лежит, не может на ноги подняться. Вроде его чем-то напоили. А может отраву подсунули? И такое может случиться. Опускаюсь на колени и чувствую, от него разит дешевым вином. И тут я своим глазам не верю, овчарка моя в дупель пьяная.

— Боже мой, как он в таком виде до дома добрался? — повторяет моя жена.

Три дня он мучился пока не пришел в себя. До еды даже не дотрагивался. Только пьет и пьет, успевай ему в миску воды подливать. Вижу, что Портвейн очень стыдится, глаза от меня прячет. Что же с тобой, братец, случилось, спрашиваю его. Кто над тобой так зло подшутил? Тебе, наверное, обмакнув в водку, мясо или колбаску дали? Кто он, этот негодяй? Покажи мне его. Прямо на твоих глазах я ему шею сверну. Молчит мой четвероногий друг. Совесть его мучает, не знает куда деться от стыда.

Между тем настала пора сенокосная. По договоренности с лесником я каждый год беру поляну для костьбы. И в этом году попалась мне богатая травой поляна. Тут уж одному не справиться, организовали воскресник. В такой горячей страде о злополучной выпивке Портвейна мы успели забыть. В лесу я соорудил шалаш, потом почти неделю охраняли с ним скошенную траву. В эти дни Портвейн показал себя настоящим другом. Утром и вечером даю ему большую хозяйственную сумку в зубы и команду: «Домой, Портвейн!

Туда и обратно километров десять-двенадцать. Но для него это пустяки. Не проходит и часа, глядишь, он уже тут как тут с сумкой, полной провизией, весом семь-восемь кило. Косарям и горячие блины только что со сковороды, и холодный айран с погребца. А как стемнеет, глаз не сомкнет. Так и кружится вокруг поляны, сено охраняет.

Как мы вернулись из леса, я его снова на цепь посадил. Но через некоторое время он снова начал выть. Волком воет, просит отпустить, пытается сам вырваться. Ничего не оставалось, кроме как отпустить его на свободу. Его снова около недельки не было дома и снова он вернулся вдребезги пьяным. Это бы еще куда ни шло. Наши знакомые видели его возле пивнушки. Оказывается, у него там целый круг «знакомых». Те дают ему различные команды, а он и ляжет, и встанет, и на животе поползет. Алкаши же ему за это бросают куски сыра, колбасы, пропитанные водкой. Один наш сосед видел, как Портвейн лакал пиво прямо из кружки в кругу этих пьяниц.

Наконец-то все прояснилось. Вот почему так дешево подсунил мне тогда его хозяин. Вот тебе и Портвейн, все три семерочки! Теперь все ясно. Наш Портвейн потенциальный салдымщик, то-есть алкоголик. А как он дошел до такой жизни? Как опустился? Кто в этом виноват? Может быть бывшие его хозяева ради баловства, еще когда Портвейн был маленьким щенком, приучали его к алкогольным напиткам. Видел я такое в некоторых семьях. Хозяева, чтобы развеселить своих гостей подпайвали черных пуделей, маленьких болонок. Особенно любят подшучивать над кошками. Они безумно любят валериановые капли. Стоит им дать этих капель всего шесть-семь раз, потом они уж их где угодно сами найдут. Разобьют пузырек и до потери сознания напьются. Помнится, и мы, еще будучи шаловливыми деревенскими подростками, обмакивали хлебные куски в водке и давали соседским петухам, смеялись, когда они на наших глазах пьянели и начинали шататься. Не думаю, чтобы потом они становились алкоголиками. Ведь петушинья жизнь коротка, они скорее успевают попасть на праздничный стол своих хозяев.

На тяжкие думы наводит меня состояние Портвейна. Если его испортили бывшие хозяева, то они изверги. Где лечить моего четвероногого друга? Как?

А Портвейн так и жил у нас. Хотя куда же ему деться? Не выгонишь же. Недели две-три, не смыкая глаз, он самым бдительным образом охраняет наш двор. В такие дни во всей округе нашей не найти собаки умней и сообразительней его. Бывает очень жизнерадостным. Любит побегать, поиграть. В наш двор не пустит даже чужую курицу. А потом наступает кризис. Тут уж его не удержишь. Если хозяин не отвяжет с цепи — сам уйдет.

Лично я к такому поведению Портвейна теперь смотрю снисходительно. Что же теперь делаешь? Очень плохие люди испортили отличного пса. В нашем небольшом рабочем поселке все на виду. Все знают, что мой пес горькая пьяница. Кого бы я на улице ни встретил, забывают даже поздороваться, а начинают меня про Портвейна расспрашивать. Дескать, почему я с ним вожусь, а не выгоню с треском? Случай с бедным псом им не кажется страшным бедствием, трагедией, а просто смешным анекдотом.

Так бы мы и жили. Но когда он в последний раз загулял, а пацаны начисто разули мой «Урал», а без него я как без рук, тут уж меня окончательно взорвало. Еще бы! Во дворе держу огромного пса, а от мотоцикла, как говорится, рожки да ножки остались. На Портвейна мои последние надежды рухнули. Как бы тяжело ни было, я решил от него отделаться. Тут уж больше ничего не придумаешь, на поруки его никто не возьмет, придется расстрелять. Ба-бах! Из берданки и нет его. Но это придется делать очень скрытно. Потому что ни жена моя, ни дети про Портвейна даже обидного слова не позволяют говорить. Они его крепко полюбить успели. Вы бы видели, как они каждый раз за него горой становились. Это еще что! Как-то меня дома не было. А Портвейн чуть живой лежит от похмелья. В холодильнике оказалась чекушка после гостей. Если бы я сам так мучился, жена мне даже не показала бы ее. А вот ему не пожалела. Вынесла эту чекушку, дала похмелиться.

В тот день я к дому подъехал на крытой машине. Лежащего после очередного запоя Портвейна весом в полцентнера, вдвоем с шофером еле положили в кузов. Разговор тут короткий, тут же поехали в контору благоустройства. Там работал охранником мой давнишний знакомый. Помню, как-то он говорил мне: «Если не бросишь дурить, ты его ко мне приволоки. Пушка двухствольная моя всегда на готовке. Моментиком я его оформлю». Хотя здесь не это существенно и не об этом мой рассказ...

А Портвейн, умная башка, сразу почуял неладное. Как-то неожиданно протрезвел. Глазами уставился на меня, как бы спрашивает, что же ты собираешься со мной делать, хозяин? Но не сопротивляется. Только слезы у него на глазах. Видать, бедный, совсем не рад такой участи. Надоело ему все на свете.

Но, как вы знаете, в жизни ведь не всегда бывает по-твоему. Приезжаем в контору благоустройства, гляжу, мой знакомый охранник сам не в лучшем состоянии. Напился до чертиков и спит в тени от гаражей.

Сейчас трудно передать словами то, что творилось у меня тогда на душе. Переживаниям не было конца. Скверное дело я затеял. Это уж точно. Но и выхода другого нет.

И тут я вспомнил про своего друга-пчеловода. Он живет в соседнем районе. В прошлом году в Казани вместе были на совещании, даже в гостинице в одном номере жили.

— Пасека наша очень далеко от деревни, в глухом лесу, где бы найти мне хорошую сторожевую собаку? — говорил он мне тогда. А может нам сейчас к нему и махнуть. На машине это не так уж далеко. Когда об этом сказал шоферу, он сразу согласился, что тут долго раздумывать, поехали, дескать.

Доехали мы быстро. К нашему счастью Тимерша-ага оказался на пасеке. Поздоровались, он очень обрадовался встрече. Портвейна сняли с машины. За целый день он уж совсем протрезвел. Пес быстро оценил обстановку, сообразил куда попал. Настроение у него сразу поднялось. Ведь здесь уже ему никто винтовкой угрожать не будет. Иди, говорю ему, сядь возле меня, полежи тут на траве. Портвейн все мои команды выполняет с полуслова. А Тимерша-ага от него глаз не может оторвать.

— Проси что хочешь, но пса своего подари мне, — говорит он умоляюще. — Больно уж он мне подходит.

Мы с шофером переглянулись, невольно улыбнулись.

— Ничего мне не надо. Бесплатно отдам, только бери, — говорю. — Потом уж не кайся.

Все остальное рассказал ему без утайки.

— Подумаешь! Нашел чем меня пугать. Пусть себе воет на здоровье! — прервал меня Тимерша-ага. — Когда в лесу собака лает, значит на моей пасеке все спокойно. Пусть себе воет на весь лес.

— Он не только воет. Он и убегает.

— У меня не удерет! — Тимерша-ага из-под навеса вынес новенькую цепь. — Мне ее монтажники подарили, когда к нам на пасеку свет проводили. На такую цепь племенного быка можно посадить, никуда не удерет!

Не знаю как там Портвейн, но я сам бесконечно рад тому, что все так удачно обошлось. Не задерживаясь долго, тронулись в обратный путь. Но, как мне рассказывали потом, Портвейн, разбойник, и там недолго жил. Убежал и с пасеки. Видали его потом и возле сельских магазинов, где обычно пьяницы «на троих сображают», и на перекрестках дорог, валяющегося в пыли и грязи. Услышав об этом, я пробовал его искать, не раз выезжал в те районы, но не нашел. Хотя это уже не так существенно и не об этом мой рассказ...

Напоследок скажу вот что. У меня и сейчас стоит картина перед глазами, когда мы с Портвейном стоим на поляне перед домом пасечника. Пришла минута расставанья. Портвейн демонстративно сел поперек тропинки, высоко вытянул свою острую морду. В его умных глазах и радость от того, что все обошлось без ружья, и грусть от расставанья. Мне самому ужасно неудобно перед ним, хоть тут сквозь землю провались. Я еще раз убедился, что эти четвероногие братья наши все, абсолютно все понимают. А я обещал было ему настоящую дружбу. А что вышло на самом деле? Пасека в дремучем лесу. Собачья каторга, только и всего. Мне ужасно неудобно, я отвожу глаза, смотрю на вершины деревьев, на облака, которые тихо плывут над нами. Портвейн видит, как я мучаюсь, и от этого ему тоже не легче. И тут он сделал такой жест, о котором едва ли мог догадаться даже человек. Передней лапой он взял да шлепнул меня по груди. Да будет тебе расстраиваться хозяин мой, сказал он, видимо, этим жестом. Ведь голова моя пока на плечах. И работенку ты мне подыскал подходящую. И поверь мне, я здесь попробую начать новую жизнь. Попробую жить заново. Взял и шлепнул. И я его снова увидел жизнерадостным, с искорками веселья в глазах.

... Все это так. Но след его шлепка и сейчас не смывает с моего плаща. Оказывается, не по груди, а прямо в сердце мое ударил он меня тогда. Не до конца я был с ним честен. Мог бы спасти и от гибели, но не сделал этого. Тогда я не так понял значение этого шлепка. Хотя, все это не так существенно и мне кажется, что здесь не это главное...

В санатории... для лошадей

Клайпеда — крупный портовый город на берегу Балтийского моря. Недалеко от него есть единственный в нашей стране дом отдыха для лошадей. Когда я узнал об этом, тут же поехал туда посмотреть на это заведение своими глазами. А то ведь «санаторий для лошадей» звучит как-то непривычно. Оказывается, французы тоже очень любят лошадей. Во французской кухне очень ценится и конина. И в течение уже многих лет Франция ежегодно покупает у нас большое количество лошадей. Их из самого Казахстана до самой Клайпеды гонят табуном. Так очень удобно. Животных в пути не нужно кормить, они прекрасно обходятся на подножном корме. Значит, расходов меньше. Поездом возить было бы гораздо сложнее. Понятно, что во время такого длительного перехода многие из них теряют в весе, некоторые даже ослабевают. Но прибывших в Клайпеду лошадей помещают на три-четыре недели в специальный для них санаторий, лечат, откармливают.

Держат их здесь в очень чистых, благоустроенных помещениях. Стены здания изнутри отделаны белым кафелем. Всюду дневной искусственный свет. Тут уж для каждой группы особый режим содержания, утвержденный самим главным ветеринаром санатория. По несколько часов в день прогулки на свежем воздухе. Поэтому все они здесь отлично выглядят. Многие из них двухлетки, трехлетки. Это как раз тот возраст, когда они в теле и силе! Среди них такие жеребцы-красавцы, глаз не оторвешь. Как к старым знакомым подходил я к каждому из них, хлопал по их влажным мордам, угощал сахаром. Проведу по гривам рукой, за рукой тянется каскад электрических зарядов. На мою ласку они отвечали с чувством полного понимания. Эх, братцы! Кто же не любит лошадей, этих очень умных, красивых животных. Я люблю их с особой привязанностью. Люблю острый запах лошадиного пота. Люблю слушать полные жизнеутверждающей силы, радости неподражаемые ржания молодых коней. Сколько в них чистой поэзии, музыки. Люблю слушать стук подкованных копыт по каменной мостовой. С этим связано мое далекое детство, связано много родного и близкого.

Тогда мы жили в небольшом районном центре. Отец служил небольшим начальником, и ему по должности полагалось иметь лошадь. Раз есть лошадь, нужен и конюх. Но зарплата конюха была мизерной, и на эту должность к отцу никто не шел. Да и должность конюха, сами понимаете, ведь не из таких, по которым обычно объявляют конкурс на замещение вакансии. Вот и пришлось мне занять эту штатную единицу у своего же отца. С шестого класса до окончания десятилетки. Легко сказать быть конюхом у своего отца. Папа имел свои капризы. Он не столько заботился о своем внешнем виде, забывал побриться, сменить рубашку, а больше думал об экипировке тарантаса. Когда куда-нибудь выезжал, требовал, чтобы все зеркально блестело: и лошадь, и сбруи. Но ему редко приходилось делать мне замечания. Конюх я был исправный, честный и за экипировкой его экипажа следил как положено. Потом у отца была страсть — иметь самую лучшую лошадь. Во всех отношениях. Он часто менял одну лошадь на другую. Приходилось бдительно следить и за мастью. Летом, скажем, если у тебя блестящий черным лаком новый тарантас, черная сбруя, то очень идет лошадь белой масти. А кошевка наша была голубого цвета, края отделаны черным бараньим мехом. К этому сезону отец доставал хоть из-под земли черного огнедышащего жеребца. На фоне белого снега ох и красиво выделялся его экипаж. В послевоенные годы в селах нашего района лошадей хорошей породы почти не было. Присмотреть какого-нибудь хорошего рысака мы ездили в соседние области, даже к марийцам. Не пропускали ни одного базара. Приходилось иметь дело и с заезжавшими к нам цыганами.

Иногда нам удавалось приобрести довольно породистых коней. Но от нашего чрезмерного внимания и любви они у нас быстро тяжелели. Потому что любили их всей семьей, кормили хорошо, богато, поэтому из хороших рысаков в два-три года они превращались в тяжеловесных ломовых. Хомуты им приходилось самый последний размер заказывать. Потом их у нас охотно брали райхоз, хлебопекарня, сельпо, райпотребсоюз. Тогда грузовых машин было очень мало. Весь необходимый товар возили на ломовых, тяжеловозах.

Мама и бабушка очень любили жеребят. Мама, когда они с отцом выезжали куда-нибудь, хотела, чтобы с хорошо сбруенной кобылой рядом бежал и маленький жеребенок. Красивое создание природы — это жеребенок на тонких, словно выточенных ножках. Посмотришь на

него, душа радуется. Бывали у нас породистые кобылы с жеребьями. Но на них далеко не разбежишься. А об участии в весеннем Сабантуе и думать нечего. А мы этот праздник каждый год встречали с большим нетерпением. Что это за праздник, если ты не участвуешь на скачках? С приходом лета мы с отцом снова едем к марийцам. Там всегда можно выменять кобылу с жеребенком баш на баш на породистую трехлетку. Пожалуйста, и на Сабантуе можно участвовать.

Однажды мы всей семьей ездили к дальним родственникам на праздник Сабантуя в село Большой Битаман. Село это очень большое. И Сабантуй здесь проводят по крупному счету. Борцы приезжают со всей округи. Состоялись и бега, скачки лошадей. Тут на удивление всем среди тридцати участниц второе место заняла неприметная кобылица-двухлетка. Сама булановой масти. Лишь звездочка на лбу белая-белая. Как бы смущаясь пристального человеческого взгляда, стоит она в тени старой березы. Красивая такая. И кличка у нее Матур. Отец тут же захотел ее приобрести. Но председатель колхоза ни в какую.

— Не отдам никому, цены ей нет! — говорит. У нас тогда был четырехлетний отличный вороной жеребец Чингиз. Мы от родственников узнали, что в этом колхозе не все в порядке с ростом поголовья конного двора. На другой день отец поехал в соседний колхоз и нашего Чингиза отдал за четыре головы однолетних жеребят. Хозяин Матура не хочет ее отдать нам и за четыре головы молодых жеребят. В тот год был хороший урожай. Многих передовиков сельского хозяйства и нашего отца наградили ценным подарком — трехствольным ружьем бельгийского образца. Ох, какая это была вещь! Кто только не хотел его у нас купить или на что-либо выменять. Отец ни на какие переговоры не шел. А тут и это ружье не пожалел. Увидев его, и хозяин Матура тут же согласился кобылицу отдать.

А я тут окончил десятилетку. С первой попытки в институт не прошел. Но, имея в кармане аттестат зрелости, работать конюхом, хоть и у своего отца, я категорически отказался. Стыдно перед сверстниками и перед девушками. А папе очень уж не хотелось потерять такого справно-го работника. На меня можно и прикрикнуть, ведь я свой. Но в трудную минуту, раскрыв всю душу, со мной можно посоветоваться. Уж я-то умел хранить секреты. Папа, немного подумав, сказал: «Сынок, отныне я тебя переведу в завхозы». У него такой должности не было. Пришлось придумать. Иначе остался бы без конюха. Я остался тем же конюхом, с теми же обязанностями, с такой же зарплатой. Но я завхоз, уже на много рангов выше, чем конюх. И я остался у него работать еще на один год.

«Матур» очень пришлась к нашему двору. И в последующие годы на скачках она занимала призовые места. Берегли мы ее как могли. Но не уберегли, она полюбила райисполкомовского жеребца Тимура. Родила от него нам прекрасного жеребенка Йолдыз. На скачках больше не участвовала.

В душе являясь материалистом, признавая диалектику вещей, приветствуя прогресс в любом деле, я ужасно не терплю мотороллеров, этих холодных и глупых кусков металла. Лишь только появившись на свет, они одним ударом вытеснили из хозяйственной жизни наших четвероногих друзей, лошадей. Да, мотороллеры удобные, слов нет. Быстроходные, резвее самых резвых рысаков. Для них не нужно косить сено, готовить фураж на зиму. Не нужно содержать конюхов. Их на зиму можно оставлять под открытым небом. Их можно бросать там, где сломаются. Но ведь это груда металла. А жеребца можно погладить, угостить сахаром, разговаривать с ним. Можно обнять за шею.

... Готовые к отправке в далекую Францию, лошади отлично выглядели. Я подходил к каждой из них. Угощал сахаром, хлопал по влажным мордам. На мою ласку они отвечали с полным пониманием. Не знаю почему, грустные мысли одолели тогда мою душу. Ведь через несколько дней их погрузят на пароходы и увезут в далекую Францию. Пусть их там купят самые богатые маркизы и будут выезжать на самые торжественные парады. Пусть их там ожидает райская жизнь. Но все равно, кому легко оставлять родину? Такие же грустные мысли читал я в их умных глазах. Хоть что говорите, родина у всех одна, и покидать ее, мне кажется, никому не легко...

Полет пчелы

П.И.Прокопович

Мы встречаем это утро на лесной поляне, где разместилась нынче колхозная пасека. День обещает быть добрым. Со стороны Бугульмы из-за холма поднимается розовое жаркое солнце. Пасечник — мой старинный приятель Касыйм-ага. Он набирает в чайник родниковую воду, кипятит на обожженном таганке и вскоре заваривает необыкновенно душистый (с примесью лесных трав) терпкий и крепкий чай. Мы пьем его неторопливо, стараясь продлить очарование этого ясного раннего утра. Потом Касыйм-ага также не спеша зажигает дымарь.

Косые лучи, пробив густые кроны деревьев, упали на поляну, на летки повернувшихся к солнцу ульев. И лесное царство, еще несколько минут назад сонное, пробудилось. Все зашестело вокруг, наполнилось радостным гулом, запело. Приветливо загудели пчелы. Они всегда там, где солнце. Недаром еще древние величали их детьми светила.

— С добрым, с добрым утром! — приветствует их Касыйм-ага. И тут же поворачивается ко мне, кивает на улы: — А ведь сна-то у них ни в одном глазу из шести — ни днем, ни ночью. Эти труженицы спят только зимой. Днем они собирают цветочную пыльцу, нектар, ночью — приводят в порядок улей, строят рамы, соты, собранный днем нектар перерабатывают в мед, обогревают молодняк, заботятся о нем, оберегают.

Хозяйство у Касыйма Кашапова большое. Ульев на поляне разместилось не менее полутора сотен. С дымарем в руках он медленно обходит эти миниатюрные голубые замки, бежевые и светло-зеленые дворцы. Где крышу поправит, выровняет, а где откроет пошире леток. Лицо его светится доброй улыбкой старого кудесника.

На пасеке Касыйм-ага сороковой год. Вернулся в конце войны раненый, контуженный в родные края и осел на пасеке. Недавно вышел на пенсию, передав хозяйство старшему сыну Наилу. Но дома усидеть не смог.

— Умелицы, умницы мои, труженицы... — ласково приговаривает старик, бредя между ульев. В словах его неподдельная нежность, тепло.

Пчелы отвечают ему взаимностью. В погожее, теплое лето, когда на лугах много цветов, а по утрам богатая роса, они показывают себя в деле. Только одна пчелиная семья добывает за лето два эмалированных ведра отборного нектара. Бывает и больше. Многое зависит от хозяина. Здесь поистине все взаимно.

А я смотрю на старого Касыйма, слышу его ласковый негромкий разговор с пчелами и хорошо понимаю его.

— Да-а... у нас старая любовь... — вздыхает Касыйм-ага, повернувшись ко мне. — А старая любовь, как известно, не ржавеет. Случается, от избытка чувств и «поцелует» меня какая-нибудь из них в щеку или лоб, — кивает он на пчел, — не без этого. В ноздрю или ухо тоже бывает, здесь побольнее малость, но терпеть можно. Чего не вытерпишь ради большой любви? Но вообще-то им не до этого, они вечные труженицы, заняты своим делом. Красавицы мои, умницы...

Он не спеша обходит с дымарем два порядка ульев и, возвратившись ко мне, продолжает:

— Всякое бывает в нашем деле. Года два назад, помнится, перевозили мы пчелок наших с Наилем в липовую рощу, что между Бугульмой и Старой Письмянкой. А липы там хорошие, даже столетние среди них встречаются, вековые, которые, может быть, помнят и Ярослава Гащека, первого бугульминского коменданта в гражданскую. Н-да... Но прежде чем переехать, мы не раз и не два туда наведывались — приглядывались, примеривались. Липа цвела в то лето дружно, такой аромат стоял вокруг, что в той долине роз. Словом, не обманулись мы тогда в своих надеждах: взятки хорошие получили и пчелосемей у нас прибавилось. Но липа у нас цветет, сам знаешь, недолго — всего десять-двенадцать дней. Потом надо перебираться куда-нибудь, лето-то в самом разгаре, каждый день дорог. Решили переселяться в гречишное поле возле деревни Шугурово, она как раз собиралась только цвести в ту пору. А поле там огромное, около пятисот гектаров, для нас это — настоящий Клондайк. Причем нектар собирать пчелы могут там не только с гречихи, но и с медоносных сорняков. Сурепка, осот, жабрей — поле щедро отдает свои сокровища пчелам. Н-да... — Касыйм-ага поудобнее устраивается на пенек возле меня, достает свою вересковую трубочку и продолжает рассказ:

— Заказали мы тогда машины, ребят-грузчиков в помощь нам прислали. Словом, собрали свои пожитки, погрузились и в путь. И надо же такому случиться — в спешке, наверное, улы неровно поставили на машину, один из них вдруг возьми и свались по дороге, упал да еще перевернулся. А вокруг темнота, мрак, по лесной дороге ехали, время позднее, за полночь уже перевалило. Днем-то, понятно, пчел нельзя трогать, днем они на

работе. Попробуй, побеспокой их — весь рой в поле оставишь. В общем, перевозить их можно только ночью. Н-да... такие дела. Высыпалось тогда на лесную поляну тысяч тридцать пчел, если не больше, семьи у нас были сильные, надежные. А ночью прохладно и трава росная, сырая. Лежат на ней наши пчелки клубком огромным и молчат, будто затаились. Не поймут, видно, поначалу, что с ними приключилось, да и темнота вокруг, не сразу сообразишь, что к чему. Я и сам, признаться, расстерялся не на шутку. Такого со мной еще не бывало. Ни перчаток, ни маски под рукой, как на грех, — днем, видно, еще отправили, на другой машине. А пчелки наши, надо сказать, только на время притихли, пока прохладно и влажно. Стоит лишь ударить прямой наводкой первым лучам солнышка из-за бутульминской горы — зададут они жару всем, никого не пощадят. А рядом где-то, под боком у нас, колхозная отара овец находится на летнем пастбище. Первым делом, конечно, овечки пострадают, на них нападут пчелы, на них сорвут свой гнев. А надо сказать, пчелы их в лучшее-то время не жалуют, но нет-нет да и обидят. Из-за запаха, наверное, от их шубок, овечки ведь в баню не ходят и в речку их калачом не заманишь. Шубейки, правда, у овец достаточно плотные, но есть у них и другие, незащищенные места, уязвимые. Влажные носы их, к примеру. Вот на них пчелы и нацеливаются. Три-четыре пчелы коснулись к носу овечки — и она бездыханна.

Короче говоря, не до шуток мне было. Дело могло обернуться большими неприятностями, даже катастрофой. В колхозной отаре полторы тысячи овец, если не больше. И чтобы расправиться с ними, пчелкам моим достаточно каких-нибудь двадцати минут, для них это дело не хитрое. Как быть тут, что делать? И шофер, как на грех, оказался мне не помощник, а Наиля я вперед себя отправил, готовить место. Как увидел шофер посыпавшихся из улья пчел — поминай как звали. Стреканул в сторону деревни, как заяц. Потом, правда, извинялся. Прости, говорит, Касыйм-ага, пуще смерти их боюсь, от одного укуса теряю сознание, к тому же жениться собрался, свадьба на носу.

В общем, остался я один на поляне. А надо что-то срочно делать, рассвета никак нельзя дожидаться, промедление, говорят, смерти подобно. Снял я тогда пустой улей с машины да и принялся ссыпать пчел в него голыми руками. Беру прямо пригоршнями и перекалдываю с земли в улей, не мудрствуя лукаво. Считанные минуты, можно сказать, опущены, ни охнуть, ни вздохнуть некогда. Охи и стоны — это уже потом, главное, разбойниц этих увезти поскорее от греха подальше. Не скрою, досталось и мне тогда, но особых страданий я не испытывал. Привык, наверное, до сто укусов могу переносить спокойно.

— А если больше?..

— Трудно сказать... — пожимает плечами старый Касыйм. — Потом я их вроде и не чувствую. Наверное, иммунитет выработался.

Такой уж он человек Касыйм-ага. Стоит только заговорить о пчелах, обо всем на свете забывает. О пчелах он говорить любит и знает наверняка о них больше всех в округе, недаром же он сорок лет, больше, чем полжизни, провел на пасеке.

...Да, пчелы заслуживают, чтобы им посвящали жизнь, заслуживают, чтобы их воспевали. В прежние времена в ряде государств был такой порядок, обычай или протокол, если хотите. В спокойное, мирное время глава государства начинал свой день с вызова министра, отвечающего за пчеловодство. Справившись о делах и оказав необходимую помощь, если таковая требовалась, президент или монарх переключался на другие не менее важные заботы. В некоторых странах такие традиции живы до сих пор.

Даже чопорное, строгое государство Ватикан к пчелам относится с трепетным уважением. Государство это карликовое, площадь его — пшик один, намного меньше наших Лужников. И тем не менее Международная федерация пчеловодов «Апимондия» находится на территории Ватикана. Что ж, это Ватикану делает честь.

О пчелах я, как и Касыйм-ага, могу говорить без усталости, много и долго, давно не равнодушен к ним, давно «заболел» пчеловодством и вот уже более десяти лет одержим этим «благороднейшим для мыслящих людей занятием», как сказал когда-то один из первых русских ученых-пчеловодов Петр Иванович Прокопович. Под стать аксакалу Касыйму я имею пасеку, не такую, правда, большую, как у него, и каждое лето кочую по липовым рощицам и перелескам, по гречишным и подсолнечниковым полям. А во время работы разъездным корреспондентом мне довелось побывать на различных пасеках не только родного Татарстана, но и многих других братских республик. Как говорится, было на что посмотреть и что вспомнить.

Мои предки, народы, населяющие земли современного Татарстана, издавна и с большой любовью занимались бортничеством. Дошедшие до нашего времени страницы летописи свидетельствуют, что «живущие на реке Идель булгары с древних времен продавали купцам из восточных стран мед и воск в самых потребных количествах».

Благородный промысел не забыт и сегодня. С гордостью могу сказать, что наша республика — одна из самых «пчеловодных» в Поволжье. В любом хозяйстве есть пасека, а во многих — по две-три и больше. Серьезное подспорье в этом деле и пчеловоды-любители, в их руках десятки тысяч пчелосемей. Нередко наши пчеловоды по результатам своего труда занимают первое место в России. Им — и грамоты, и заслуженные премии. Среди награжденных нередко и мой старый приятель-трудыга Касыйм-ага.

Я никогда не устану повторять, что мед — высококалорийный, необычайно полезный и целебный продукт, который ничем нельзя заменить.

Так выгодно ли пчеловодство чисто экономически?

Однажды я спросил своего друга-аксакала об этом. Касыйм-ага, склонившись над ульем, поднял на меня прозрачные свои, слезящиеся от дыма глаза и покачал головой, не отводя укоризненного взгляда:

— Ай-я-яй, туган, зачем спрашиваешь? Неужели сам не видишь...

Да, вопрос мой звучал, конечно, риторически. Я давно знал, что пчеловоды никогда на жизнь не обижались, жили безбедно, как говорят, под железной крышей да за дубовыми воротами. При этом испокон века не знали никакой хвори, отличались долголетием. И в наши дни они первыми приобретают быстроходные «Жигули» и «Нивы» и, как прежде, не сетуют на здоровье.

Необходимо ли человеку пчеловодство, выгодно ли оно?! На этот вопрос отвечает и «классик» нашего отечественного пчеловодства, основоположник науки о нем П.И.Прокопович. Но сначала немного о нем самом, так сказать, небольшой экскурс в историю.

Петр Иванович Прокопович выходец из обедневших дворян. В 1786 году в одиннадцатилетнем возрасте он был отдан в Киевскую духовную академию. Одаренный, с рождения любознательный юноша смог получить хорошее образование, овладел несколькими иностранными языками. Еще учась в академии, он мечтал продолжить свое образование в Московском университете. Но этому воспротивился отец, мечтавший видеть сына непременно военным. Ему удалось настоять на своем, и Петра едва ли не насильно отправили к брату — гвардейскому капитану, квартировавшему в Малороссии. Пришлось надеть мундир, стать военным. Служил Петр Иванович в армии не только честно, но и с известной долей доблести. В составе Переяславского конноегерского полка ему удалось участвовать в походах Суворова. После штурма Праги в написанном рукою полководца рапорте на имя императрицы о награждении особо отличившихся фамилия подпоручика Прокоповича стоит первой. Не дослужившись до чина поручика, Петр Иванович подает в отставку. Военная служба так и не прельстила его.

Дома его встретили, как и ожидал, более чем холодно. Без родительской поддержки, без средств к существованию двадцатичетырехлетний Прокопович оказался на распутье. Однако молодость, кипучая энергия и природный ум не подвели. Получив в банке небольшой кредит, он решил заняться земледелием. Купил несколько десятин земли и своими руками построил дом и винокурню. Работать, понятно, приходилось от зари до зари, времени на досуг не оставалось.

В первый же год хозяйствования на своем участке Петр Иванович познакомился с пчеловодством и быстро освоился в этом деле, подружился с пчелами.

— У меня не было ни знаний, ни практического опыта, — говорил позднее Прокопович друзьям, — было лишь огромное желание познать дело, стать настоящим пчеловодом, узнать секреты и тайны непростой жизни пчел.

Дело пошло на лад, разрастались пчелиные семьи, увеличивалось количество ульев, начался взятки, пошел медосбор. Однако стихия едва не погубила начатое с успехом дело. В 1801 году во время урожайной страды разразившийся пожар дотла уничтожил небольшое имение Прокоповича. Чудом уцелела лишь пасека — несколько десятков стоявших в стороне от усадьбы ульев.

Пришлось начинать все сначала. Зимовал Прокопович в землянке. Всю зиму со свойственным ему упорством разделявал и долбил липу, чинил ульи и строил новые домики для пчел. Старание, одержимость не подвели его, не пропали даром, сторицей оправдался труд. На вырученные от продажи меда и воска средства он уже через два года смог приобрести прекрасное имение. А количество пчелосемей довел до 580.

«В течение последних двадцати лет я занимался лишь пчеловодством, — вспоминал впоследствии П.И.Прокопович, — имел всего лишь двух помощников, но дело развернул широко. Это дало мне возможность купить отличное имение — с угодьями для пасек, с хорошими возможностями в дальнейшем открыть и содержать школу пчеловодов. Словом, занявшись серьезно пчеловодством, я навсегда позабыл о нужде и бедности».

Прокопович не был крепостником-помещиком. Создав материальную базу для развития любимого дела, он больше стал заботиться не о себе, а о людях. Ратуя за расширение выгод-

ной отрасли сельского хозяйства, он думал о крестьянине. Пропагандируя развитие пчеловодства в России, он указывал крестьянину путь выхода из нищеты, думая одновременно и о благосостоянии государства.

Прокопович оставил нам большое наследство, описав за годы кропотливейшей и напряженной работы, поистине творческой работы, уникальные научные наблюдения и удивительные открытия в сфере пчеловодства. Он пытался на свои средства приобрести типографию и как можно быстрее издать наиболее ценные работы. Он хотел, чтобы его навыки и открытия скорее дошли до крестьян, он мечтал, чтобы жизнь простых людей стала лучше. Но власти препятствовали этому.

По счастливейшей случайности мне удалось раздобыть один из сборников П.И.Прокоповича, теперь это моя настольная книга.

«Если благоприятны условия, да места удачные,— пишет он в своей работе,— пчеловодство дает до ста рублей прихода на рубль расхода». Такое заключение подтверждают его личный опыт, его судьба. И вполне понятно, почему столь важное значение он придавал экономической стороне пчеловодства.

«Прибыль пчеловодство может давать и не в слишком благоприятных условиях,— продолжает Прокопович,— важно умение и старание. Есть и такие, что относятся к делу спустя рукава, не способны терпеливо и грамотно заниматься пчелами. Их ждет банкротство. А вот мой сосед — трудолюбивый и беспокойный человек — получил за сезон десять тысяч чистого дохода. В его хозяйстве около восьмисот ульев. Но он расторопен, энергичен и своих пчел выводил летом вначале на раннюю гречиху, а потом и на позднюю. Случается такое не часто, тем не менее, это я видел своими глазами».

«Пчеловодство — благороднейшее занятие для мыслящих людей...» — любил повторять Прокопович. Трудно с ним не согласиться.

Так выгодно ли пчеловодство экономически? К этому вопросу еще придется вернуться. А пока надо немного отвлечься от меркантильной, хозяйственной стороны дела.

Доказано, что пчелы появились на Земле на сорок-пятьдесят миллионов лет раньше человека. Может быть, поэтому, неутомимые бескорыстные труженицы, они не очень-то позволяют себя оседлать. А ведь человек приручил даже слона, заставляет его выкорчевывать лес, строить дамбы. Чудес хватает. В цирке, например, что слон вытворяет! Стоит на передних ногах, вниз головой — делает стойку. Много еще чего с веками стало подвластно человеку. А вот пчелу он до конца подчинить себе не смог. Лишь одевшись в защитный костюм, в маске, может наблюдать он за жизнью пчел, вмешиваться в ее размеренный ход. А по окончании медосбора, как настоящий грабитель, отбирает у них драгоценный мед. Пчела, как и всякое трудолюбивое самоотверженное существо, знает цену своему заработку и отдает мед с большой неохотой, даже с боем и порою не жалеет жизни, отстаивая свое. Поневоле станешь скрягой, собирая по крупице, по мельчайшей части капли этот нектар. Мед не плещется у наших ног разлитым морем и не сыплется манной небесной сверху...

Известный английский ученый и писатель-фантаст Артур Кларк запланировал было расшифровку языка пчел и дельфинов на семидесятые годы прошлого века. Надо отдать должное Кларку, как и известному русскому писателю и ученому Ивану Антоновичу Ефремову, ему неоднократно удавалось предугадывать большие события в науке и жизни общества. В его знаменитой «Таблице прогнозов» стояла точная дата высадки аэронавтов на Луну еще за двадцать лет до исторического полета. Подтвердились и сроки создания первых космических лабораторий и прогнозы, касающиеся структуры белка, лазера и кибернетических машин-переводчиц. Что же касается расшифровки языка пчел, здесь я позволю себе усомниться. По-видимому, предсказанные писателем сроки ученым придется на некоторое время перенести.

Всякий может спросить: а есть ли вообще у пчел «язык»? Безусловно, есть. Да еще какой мягкий, нежный, певучий. Даже я, человек далеко не музыкальный, без труда улавливаю в их «разговоре» музыку — порою радостную, мажорную, а иногда в ней можно услышать и ноты беспокойства, тревоги. Каждая пчела несет с собой большую информацию о погоде, о цветах, о взятке. Но разве можно без настоящего, выразительного и образного языка поведать друг другу обо всем этом? А как объясняться друг с другом членам многотысячной пчелиной семьи в своем доме, улье? Есть у пчел язык, есть — совершенный, мудрый. Когда рабочая пчела возвращается из полета с нектаром, несущие бдительную службу у входа в леток пчелы-стражи строго спрашивают: — Пароль? — «Медуница!», — отвечают вернувшиеся, с задания

или: — «Кипрей»... И, возможно, такой пароль по указанию главного штаба меняется каждый день. Иначе он может стать известным и для чужих. Если одной из пчел почему-либо доведется заночевать в лугах, провести ночь под лепестком или в траве, бдительные стражи домой ее на следующий день не пустят, поскольку она не знает нового пароля. За ночь успел смениться караул — сменился и пароль. Впрочем, запоздавшую пчелу могут пустить позднее, когда сообщат в Центр и оттуда будет прислана авторитетная комиссия, которая по известным ей лишь признакам обязательно разберется — «свой» на пороге или «чужой».

По прогнозам ученых-кибернетиков, расшифровку языка пчел надо ожидать в самом скором времени. Но мне почему-то совсем не хочется этого. Неужели и этих самоотверженных и благородных тружиг мы станем дрессировать, как слона или медведя! Они уже сейчас работают на нас, отдавая почти все, что имеют. Что же будет потом, когда мы узнаем их язык? Взвалим и на них непосильную ношу? Пчела всегда была другом человека, но никогда — рабом. В древности пчел даже обожествляли за способность дарить людям мед и воск. Все народы Земли испокон веков почитали крылатых тружениц, отдавали им свою любовь, выделяя особое место в фауне планеты. О них слагали сказания и легенды, им посвящали песни и гимны. В Древнем Египте пчелу изображали на обелисках. А царь Минос, объединивший Верхний и Нижний Египет, эмблемой Верхнего оставил цветок лотоса, в Нижнем Египте учредил изображение летящей пчелы. Выражая преклонение и покорность фараону, египтяне рисовали на своих прошениях пчелу — как эмблему преданности. Своими союзниками и помощниками они считали пчел и в борьбе против коварного бога тьмы Аримана. В пчелах египтяне видели образец самоотверженности и бесстрашия, презрения к опасности и смерти; славили они их и как блюстительниц идеальной чистоты и порядка. Изображена пчела и на гробницах первой династии фараонов (3200 — 2780 гг. до н.э.) — вероятно, в расчете на их помощь и в потустороннем мире.

Древние египтяне, впрочем, и сами были трудолюбивыми и искусными людьми, оставившими после себя гигантские пирамиды и многие другие, достойные восхищения памятники. Признаком дальновидности и ума, вероятно, можно считать их умение ладить с пчелами, дружбу и союз с ними. На лодках и пирогах перевозили они пчел из Нижнего в Верхний Египет, где медоносные растения цвели на шесть недель раньше, благодаря этому возвращались потом домой с большим взятком меда. Вот, оказывается, как: даже древние умели взять за лето два урожая. А что же нам мешает? Истинное трудолюбие всегда обернется достатком.

А в Древней Индии пчелы считались священными спутниками богов. Бог Вишну, что олицетворял солнце и давал жизнь вселенной, изображен пчелой, отдыхающей в чаше лотоса.

Более двух тысячелетий назад племена Урарту, предки современных армян, использовали пчел не только для получения меда и воска, но и как союзников в схватке с врагами. Их пчелы-воины беспощадно жалили врагов, в панике бежавших с их территории.

Брал себе в союзники пчел и английский король Ричард I при осаде крепости Акру. Пчелиные рои он держал в больших глиняных горшках-ульях. При помощи катапульты солдаты забрасывали «бомбы» с пчелами к туркам. Выдержать натиск расвирепевших пчел было нельзя, турки спасались бегством.

Известен и такой случай. В средние века на торговое фракийское судно напали пираты. Экипаж галеры был малочисленным и капитан попытался избежать схватки с морскими грабителями, спастись бегством. Но многомачтовый фрегат пиратов оказался быстрее и вскоре настиг фракийцев. Взять на abordаж галеру не удалось — на борту ее находились глиняные бомбы, начиненные воинственными пчелами. В нужный момент по команде капитана они полетели на борт фрегата разбойников. Фракийцы же предусмотрительно надели на лица приготовленные заранее маски. Пощады от пчел пиратам не было, в панике они стали прыгать за борт. Таким образом фракийцы пленили поодиночке несколько сот вооруженных и агрессивных грабителей — весь экипаж фрегата. Подобных случаев, когда в критические моменты на помощь человеку приходили пчелы, можно было бы привести много.

Раскопки археологов, летописи и устные предания рассказывают о том, что и наша Родина во все века, начиная с седой древности, славилась высокоразвитым пчеловодством. Древнегреческий историк Геродот две с половиной тысячи лет назад писал о населяющих нашу страну скифах, которые вели обширную торговлю медом и воском. А в Новгородской летописи от 1016 года изложены законы о бортовом пчеловодстве. За порчу бортовых деревьев, за помехи медосбору взимался большой штраф. В древнем Новгороде мед считался вообще товаром исключительной важности и служил мерой материальных ценностей: его можно было давать в долг за проценты. Медовые кредитные операции назывались тогда «наставом на мед». Во вре-

мя Золотой Орды в списке товаров, шедших по волжскому пути из Булгар в Хорезм, мед занимал одно из первых мест наряду с драгоценностями, кожей и мехами.

Небезынтересно, что в 1523 году посол римлян при Московском дворе Альберт Кампензе в донесении римскому папе Клименту VII «О делах Московии» с завистью сообщал о значительных успехах россиян в сборе меда и воска. Он детально описывал, как российское население «одомашнивает» пчел и, держа «домашних» пчел вблизи своих жилищ, передает их по наследству из рода в род.

Не многие в нашей республике замахиваются на большое количество пчелосемей. Но одного из таких я все-таки знаю. Это старик Семисынов из соседнего Альметьевского района, что умеет держать в своем хозяйстве до семидесяти ульев. Дядя Саша, или Михальч, как его зовут в округе, вот уже много лет кряду получает большие урожаи меда, сдает его государству центнерами — и себе не в убыток и на великую пользу обществу. Не раз я бывал на его пасеках и мед доводилось пробовать с разных урожаев. Отменнейшего, высококачественного продукта. Характерная фамилия не очень соответствует содержанию семьи деда Михальча. Сыновей у него только трое, но они трудолюбивые помощники, верные продолжатели его дела. Ранней весной, едва зацветает верба, распускается ива и краснотал, они выезжают в дальнюю урему. Выезжают во всеоружии — в теплой прицепной будке, где имеется газовая плита, раскладушки, походный холодильник и даже телевизор. Это можно понять, им предстоит долгий и напряженный труд вдали от дома.

Верба, краснотал и плакучая ива — сильные медоносы. Нектар, который они выделяют обильно, дружно, после долгой голодной зимы и авитаминоза приходится пчелам очень кстати. К тому же он очень целебен, богат редкими минеральными солями, помогает ослабевшим пчелам восстанавливать силы, делает их выносливыми и даже продлевает на несколько недель жизнь. В период цветения этих благородных медоносов пчелы успевают сделать запас меда, а для них это крайне важно — впереди «мертвый сезон».

Из уремы Семисыновы перебираются обычно в кленовый бор. И американский, и наш широколиственный клен, как и ива с вербой, надежные медоносы. Большие семьи пчел живут по простым житейским законам: если природа сегодня одарила их взятком, если в улей принесена добыча, то и матка делает свой «засев» уверенно, обильно. А уж если случится, нет взятка, — то и нечего, как говорится, нищету разводить. Государство у пчел всегда должно быть крепким, способным к выживанию. Вот почему Семисыновы в вечной погоне за медоносами. Из кленовой чащи они переезжают к лесозащитным полосам. Там, у границы полей, далеко к коему дотянулся яркий желтый полог, накрывший кусты акации. И это не простой кустарник, не все, к сожалению, знают ему цену. Он, как никто другой, бдительно предохраняет почву от эрозии, к тому же — непревзойденный медонос. Бывают весны, когда он так радуется пчеловодов, что меду качать не перекачать. А ведь впереди еще целое лето!

Остается только пожалеть, что и у нас, и в среднерусской полосе так мало акации. Площади, где растет этот чудный кустарник, ограничены. А между тем это очень тактичная, если можно так сказать, деликатная культура. Акация растет лишь там, где ее посадили, не требуя себе большого пространства и не наступая на соседние участки, как, скажем, малина, вишня или тот же тополь, и это немаловажно. Она неприхотлива, приживается на любой почве, не требует ни особых условий, ни влаги.

До революции управляющими крупных поместий чаще всего служили немцы, многие из которых окончили Берлинский или Мюнхенский университеты. Знаниями и навыками, полученными там, а порой и некоторыми традициями они делились в России. Вокруг помещичьих усадеб, находившихся под их надзором и опекой, всегда густо росла акация. Зеленый забор надежно защищал имения от студеных и знойных ветров и пыли, а зимой хорошо задерживал снег. Акации быстро росли и дарили пчелам прекрасный нектар.

Много воды утекло с тех пор. Но акация дожила до нас, по ее зарослям мы узнаем старые помещичьи усадьбы, имения. Акация к тому же, долгожительница, посадил однажды и пользуйся десятилетиями с благодарностью, добротой. Дело ведь не в усадьбах и имениях, а в самой акации, в ее готовности служить человеку. Как хорошо бы рассадить ее неширокими шеренгами по всем полям, по яровым, по озимым делянкам и клиньям. Вопрос снегозадержания на полях был бы решен без труда и основательно. А пока что приходится наблюдать нам картину неприглядную: едва ли не до крыш заносит зимой оставшиеся на Руси деревеньки, ветер и вьюга перекачивают снег к жилищам, а поля остаются голые. Не хватает лесозащитных полос. Нет, напрасно мы не жалуем акацию. И полям бы она помогла зеленеть, и пчелам было бы раздолье.

Вскоре после акации начинает цвести липа, за нею — гречиха. Для истинного труженика, энтузиаста, медовый сезон может быть долгим. Дальше пойдет подсолнечник — очень выгодная для пчеловодства культура. До центнеров с гектара можно собрать с него меда, было бы только желание и сноровка. А Семисыновы не из ленивых, они вовремя переедут и на подсолнечник. Дочерям Семисынова было бы роздано, образно выражаясь, по серьгам, а сыновья его ездят на собственных «Волгах». У каждого добротный дом-пятистенки — на зависть любому помещику.

Нашлись, однако, у него и завистники. Полетели в различные инстанции анонимки и доносы. Откуда, мол, такие доходы? По средствам ли живут люди? Старику Семисынову ничего не оставалось, как показать комиссии копию Постановления Совнаркома, подписанного Лениным в далеком 1919 году. И посоветовала та комиссия, анонимщикам поменьше вертеться возле винных магазинов да последовать примеру семьи Семисыновых.

На Семисыновых, как говорится, свет клином не сошелся. Я знаю и других, кто держит на своих пасеках до сорока-пятидесяти пчелосемей. Среди них ветеран Великой Отечественной войны Имамутдин-ага Хайрутдинов. Тридцать три года отработал он пчеловодом в своем колхозе «Авангард». На базе скромной когда-то пасеки создал целых четыре, количество пчелосемей довел до тысячи. Энергией его рук, неутомимой души и сердца прославился совхоз, став одним из передовых в республике.

Выйдя на пенсию, Имамутдин-ага перебрался в город, купил себе на окраине Альметьевска крепкий и просторный дом. В отличие от Семисынова, сыновей у него как раз семь, да еще четыре дочери. Дети, само собой, давно переженились, одарили его внуками. А во главе династии по-прежнему стоит Имамутдин-ага, тон задает только он. Но сыновья и невестки, а теперь уже и внуки радостно и охотно принимают опеку, ибо все его начинания благородны. Общими усилиями держат они около пятидесяти пчелосемей. И едва повеет весной, перевозят свое большое хозяйство в Шугуровский лес. В немалом семейном коллективе все равны, всяк хорошо знает и добросовестно, а главное, с любовью выполняет свои обязанности. И все же лицом к лицу с пчелами больше всего приходится быть самому Имамутдинову — и весной, и жарким летом, когда медосбор в самом разгаре. Ведь все его домочадцы служат, работают на производстве. Тем не менее ранним утром, поднимаясь вместе с пчелами, он уже встречает на пороге своей временки кого-нибудь из сыновей или внуков с бидоном свежего, парного молока. А летняя «точка» его, пасека, ни много ни мало, в пятидесяти километрах от дома. Да и вечером, после смены, кто-нибудь из сыновей завернет к нему на подмогу или просто проведать, в выходные же дни, само собой, на пасеке оживление, ни стар, ни мал не умеют сидеть сложа руки — таковы устои семьи Хайрутдиновых. Таков их неформальный семейный подряд, дающий им не только нравственное, но и достаточное материальное удовлетворение. И у каждого из семи сыновей старого Имамутдина стоит в гараже машина, не обижены ни дети, ни внуки. Говорю лишний раз об этом, чтобы еще раз подчеркнуть экономическую выгоду пчеловодства.

Татарский мед действительно обладает замечательным вкусом и ароматом. А о полезных, необходимых человеку веществах, содержащихся в нем, можно говорить много и долго. И все же как выглядит наше пчеловодство в целом? Я хорошо знаю свой Лениногорский район и почти так же соседние — Бугульминский и Альметьевский. В промышленном отношении это высокоразвитые, можно сказать, могучие районы. Здесь центр нефтяной промышленности республики, здесь уникальнейшее Ромашкинское месторождение нефти. Поля и леса наши в густой сети нефтяных скважин, над ними мчатся в разные стороны, уходят за полосу горизонта линии высоковольтных электропередач. Конечно, это не могло не сказаться на пчеловодстве. И все же в хозяйствах не так уж мало пасек. Только в нашем Лениногорском районе — пятьдесят одна. А это значит, что мы имеем три тысячи пчелосемей.

— Касыйм-ага, сколько нынче семей на зиму оставили? — спрашиваю я при встрече у Кашапова.

— Полторы сотни ульев, — отвечает старик и хитровато улыбается. Я догадываюсь, что он не договаривает. Оставили, конечно, больше. Но это на случай гибели, и такое может случиться. Даже истинный пчеловод ни от чего не застрахован, пчел ведь и страховать-то нельзя, вот такой расклад получается. Поэтому и запасаются люди в расчете на стихию. Альметьевцы оставили на зиму три тысячи шестьсот семей и бугульминцы около четырех тысяч. Да у пчеловодов-любителей по три примерно тысячи пчелосемей в каждом районе. Стало быть, на весь наш регион (три района) приходится не менее двадцати тысяч семей. А земли у нас поболее трехсот тысяч гектаров. Много это или мало в расчете на два десятка тысяч пчелосемей? Судите сами. Из-

за недостатка крылатых друзей, вечных тружениц пчел, не опыляются десятки тысяч гектаров всевозможных культур. А это значит, беднее урожаи. На многие тысячи центнеров меньше мы собираем продукции со своих полей, чем могли бы. Опыление посевов у нас в Поволжье давно уже стало проблемой. Гибнут и разрушаются в лесах гнезда ос и шмелей, пчелиных сестер и братьев, таких же верных наших помощников. Свои гнезда они любят вить на лесных опушках и на лугах, под камнями, под дерном на пашне. Но там их давят гусеницами тракторов или губят «любопытные» дети. К тому же наши естественные луга и пастбища из года в год сокращаются, тают, как шагреновая кожа. Я уже не говорю, что горе-агрономы, борясь с сельскохозяйственными вредителями, бездумно уничтожают одним ударом шмелей и ос, шершней и диких пчел. Все меньше и меньше остается в природе, а мы все пилим и пилим сук, на котором сидим. И наивно удивляемся, что у нас все меньше и меньше клевера и люцерны, донника и эспарцета. Они особенно нуждаются в опылении и, чтобы привлечь к себе пчел и шмелей, в пору цветения выделяют обильный нектар. Без этого они не смогут продолжить род.

Полезных насекомых у нас становится все меньше и меньше. Когда положение стало едва ли не катастрофическим, Воронежская научная станция закупила около пятидесяти тысяч особей шмелей в Канаде. Вот как мы стали жить! Благодаря этой коммерческой операции положение на полях, хоть и медленно, начало исправляться. Но надо принять все меры к сохранению того, что имеем, а теперь и приобретаем. И я не устану взывать к агрономам, механизаторам, заодно и к «любопытным» мальчишкам: пожалуйста, не убивайте пчел и шмелей, не разоряйте их гнезда! Помните, это наши верные союзники, они помогают нам кормиться.

Хотим мы этого или не хотим, но опыляют наши сады, огороды и луга, апельсины, бахчи и виноградники в основном пчелы. Увы, «поголовье» их не растет, а снижается. Основных причин я коснусь чуть позднее. А пока хочу рассказать один поучительный случай. Жили в начале века в одном из американских штатов два брата фермера по фамилии Этгер. Один из них увлекался пчеловодством, второй выращивал в своем саду прекрасные фрукты. До поры до времени братья жили дружно и ульи с пчелами, естественно, стояли в благоухающем саду. Но однажды они поссорились и никто не смог помирить их, ни родственники, ни друзья. Твои пчелы мешают мне, упрекал старшего младший, они портят мои фрукты, яблоки и груши стали иметь нетоварный вид. Дело дошло до суда и на судебном заседании выступал, пытаясь помирить братьев, известный пчеловод Америки Френк Бантон. Но и это ни к чему не привело, старшему брату пришлось покупать земельный участок с садом в другом штате, перевозить туда пчел. Прошел год, другой и однажды младший брат явился к старшему со слезами на глазах, пал перед ним на колени, умоляя вновь перевезти пчел в его красивый и благоухающий пустоцветом сад. Ни яблок, ни груш, ни слив, ни вишен второй сезон не рождали его деревья. Потому что их некому было опылять.

Не может плодоносить без опыления ни малина с крыжовником, ни смородина, ни клубника, ни цитрусовые. И наш северный рис, гречиха не дадут урожая, если на ней не поработают хоботком пчелы. Таков закон природы и жизни. «Тоненькая, с вершок, зеленая трава, но от этой травинки в полной зависимости человек...» — писал когда-то Глеб Успенский. И дело обстоит именно так, поскольку растения — основные поставщики наших продуктов питания. Это они обеспечивают условия существования человека и животных.

Перекрестное опыление растений интересовало человека с глубокой древности. В наше время найден памятник древней Ассирии, изображающий крылатого бога опыления и урожая. Бог этот держит в левой руке корзину с цветочной пылью соцветия финиковой пальмы. Найдены были и письменные подтверждения того, что еще три тысячи лет назад человек задумывался о перекрестном опылении финиковой пальмы — основного «хлеба» Востока.

Чарльз Дарвин доказал, что опыление, осуществляемое пчелами, исключительно благоприятно влияет и на биологические свойства растений, благодаря ему они дают наиболее крепкое, надежное потомство. Ну, а пчелы в свою очередь собирают прекрасный дар природы — нектар, мед.

Всякий из нас наблюдал, как в погожий день пчелы кружатся над цветами, перелетая с одного на другой в поисках нектара. Если бы вы знали, какой это изнурительный труд! Чтобы собрать один килограмм меда, пчела должна опуститься примерно на десять миллионов медоносных цветков. Собрав микроскопическим хоботком нектар, она наполняет им медовый желудочек и возвращается назад, к своему улью. Пролетает пчела в час не менее шестидесяти пяти километров, по скорости полета может соревноваться с курьерским поездом. Даже с ношей, равной трем четвертям своего собственного веса, она продолжает полет со скоростью тридцать километров в час. 120–150 тысяч порций нектара приносит пчела в улей, чтобы собрать килограмм меда. Если цветы, с которых пчела-труженица берет взятки, находятся в полутора километрах от улья, то ради каждой порции нектара она делает три километра и пролетает таким образом от 360 до 450 тысяч километров. Такое

расстояние во много раз превосходит окружность земного шара по экватору. И поэтому прежде чем отведасть меду, я всякий раз поневоле задумываюсь, сколько труда, сколько усердия и сил в него вложено. Даже и не знаю, что у нас на Земле добывается такими многотрудными усилиями.

Глядя на старого Касыйма, и я стал обращаться к своим пчелам нежно и ласково. Признаюсь, мне даже нравится порой разговаривать с ними. Да они и сами, как мне кажется, охотно поддерживают разговор со мной. Нередко я навещаю их в обеденный перерыв по пути домой из редакции. Когда стоит погожий день, пчелы с раннего утра в полете, трудятся, вокруг ульев — оживление, приглушенный гул. Остановившись в сторонке, я наблюдаю за кипящей жизнью своих подопечных, за этой страдой, и душа моя радуется. На запыстье руки опустилась пчела, проползла немного и остановилась, замерла, легонько пошевеливая лапками и, как видно, не собираясь причинять мне боли. Я стоял неподвижно, стараясь не мешать усердной работе ее сестер. «Ах, как я устала, если бы ты знал, хозяин, — показалось мне, негромко прожужжала пчела, невольно щекоча мне руку. — В поисках нектара пришлось летать к Карабашским лугам, знаешь сам, как они далеко от дома». «Посиди, посиди немного, отдохни», — говорю ей ласково, наблюдая, как она ползет уже по указательному пальцу. «И рада бы, да никак невозможно, — отвечает пчела, — погляди, какой день погожий, нельзя терять ни минуты, ведь такой день год кормит». И расправив прозрачные крылья, она вспорхнула, сделав полукруг надо мной, взяла курс в сторону Карабашских лугов. Я проводил убывающую точку глазами, мгновенно — и она скрылась в воздухе. Тем временем другая пчела села на край моей соломенной шляпы. «Отдыхаешь, хозяин?» — спросила она тихо, переползая шершавое широкое поле шляпы. «Да вот решил перекусить и по пути заглянул к вам». «Нам бы твои заботы...» — вздохнула пчела и отправилась вслед за первой — к горизонту...

— С кем это ты все разговариваешь? — спрашивает меня дочка, присев с книгой в тени старой яблони.

— С пчелами, — отвечаю я. Она недоуменно пожимает плечами, продолжает читать и невдомек ей, как и многим другим, что у пчел тоже есть язык, да еще такой певучий, что они охотно идут на контакт, на общение. Только вот понимать их мы пока не научились. Но разве они виноваты в этом...

Я уже начал было разговор, что пчел у нас пока маловато. К сожалению, это так. Президент «Апимондии» Профессор В. Харнаж, выступая в Москве на XXIII Международном конгрессе пчеловодов, подчеркнул, что из-за недостатка пчел нектар собирается лишь с десяти процентов цветущих растений Земного шара. Только с десяти! Куда же девается остальное? Да попросту пропадает, некому собирать. Испаряются миллионы и миллионы тонн нектара. А на земле живут миллионы людей, многие из которых не знают даже вкуса меда.

Волей-неволей возникает вопрос: коль скоро пчеловодство так выгодно и нектара в природе хватает, почему же мы разводим так мало пчел? Почему не увеличиваем количество семей повсеместно, что нам мешает?

Нелегко и непросто труд пчеловода. Живописная поляна в лесу, свежий воздух и пение птиц — это всего лишь фон, на котором приходится ему работать. Пытаясь сохранить верность благородному дедовскому промыслу, я, как уже говорил, держу семь ульев. Не стану описывать, сколько уносит сил мое небольшое хозяйство, но иногда к концу дня мне просто трудно разогнуть спину. А ведь на хорошей пасеке может стоять и сто пятьдесят, и двести ульев. И пчеловод, согнувшись, на протяжении многих часов меняет рамы, делает подкормку или приводит в порядок гнезда. Наслаждаться пением птиц и дышать озоном ему некогда, больше того, работая с дымарем, поневоле приходится целый день вдыхать дым и угар-газ. К тому же летом на лесной поляне нередко такая жара, что деться некуда, термометр показывает около сорока градусов, ни ветерка, ни шелеста листьев... А в лесную чащу углубляться недосуг. И пчелам трудно выдержать такую температуру. В знойный день они обычно облепят улей снаружи и висят у летка огромными шапками. В жару пчелы работать не могут. А пчеловод вынужден рядом с ними весь день находиться в маске: в такие минуты они особенно злы и безжалостны.

Да, пасека — это не курорт. В тени не посидишь, работы здесь предостаточно.

Однажды я заглянул на пасеку старого Касыйма во время качки меда.

— Сладок ли мед нынче, Касыйм-ага?

— Не так сладок, как солон... — отвечал аксакал со вздохом.

Прав старик, здесь, как говорится, ни убавить ни прибавить. Для тех, кто сладкий мед добывает, поневоле становится он соленым, поскольку семь потов прольешь, прежде чем получишь десяток-другой килограммов янтарного душистого продукта. Правда, в годы медовые, в

сезон удач трудности и неурядицы забываются. Велико удовлетворение непростым трудом: рабочая гордость, любовь к нелегкой профессии и преданность ей — тоже большие стимулы. Поэтому память старается охватить только прекрасное.

Ах, если бы от меня зависело, эту отрасль сельского хозяйства я бы доверил самым крепким и надежным джигитам. Здесь нужны и сила, и сноровка, и крепкий дух. Без них не обойтись в большом деле.

Что греха таить, во многом мы и сами оплошали, ошалели даже на последних этапах нашей действительности, как мне кажется. «Трус не играет в хоккей!» — распеваем мы на все лады и учим повторять за собой детей. Мы призываем их как можно больше гонять шайбу и мяч, с пеленок заставляем заниматься фигурным катанием или музыкой даже при отсутствии голоса и слуха и почти никогда уже — общественно полезным трудом. Мы хотим делать из наших детей космонавтов, или, на худой конец, дипломатов (так рвемся в английские школы!), как будто на нашей земле нет других забот. Не-ет, будь я поэтом, и непременно бы написал песню на тему «Трус не любит и боится пчел». Или что-то в этом роде.

Времена меняются и вместе с ними меняемся мы. Обычным для нас становится не только зубной протез, но и новое сердце, легкое, глаз или почка. Необозримо далекое расстояние отделяет нас от наших пращуров с каменными топорами и копьями. Но Земля-кормилица у нас та же самая, одна. Относиться к ней мы должны с прежним, древним уважением. Без нее пока что нас никто не кормит и не поит.

Не стану повторять, что мед прекрасный дар природы и о нем можно писать бесконечно. Но ведь он разный. Мы имеем столько его разновидностей, что просто не счесть. Один из наиболее распространенных в наших краях — липовый. Думаю, он не нуждается в рекламе. В нашей округе липовые рощи занимают около одиннадцати тысяч гектаров. А это хороший массив, не перестает глаз радоваться, и душа тоже. Большая часть из того, что имеем — взрослые, зрелые липы, во время цветения обильно выделяющие нектар. Как и все, наверное, пчеловоды, я люблю это красивое мягкое дерево с нежной листвой, с тонким ароматом. Во время деловых поездок глаз поневоле отыскивает за окном вагона липовые рощи, сколки на окраинах полей... Всего одна взрослая липа выделяет в урожайный год нектара больше, чем целый гектар гречихи. А какой воздух в округе во время цветения!

Запомнилось мне и прошлогоднее лето. С самого начала оно обещало быть благоприятным, теплым, и мы по обыкновению вывезли своих пчел в Шугуровский лес — на липу. В ту пору пчелам было где пожить и до ее цветения. Лесные поляны утопали в цветах, в разнотравье. Чаще всего, я заметил, пчелы садились на шалфей, ярко разросшийся на опушках и полянах, благодаря чему они казались накрытыми фиолетовым гобеленом. А мы с нетерпением ждем цветения липы, бутоны ее вот-вот уже должны распусться.

В один из вечеров со мной остался дежурить местный аксакал Махмуд-ага Исрафилов, член нашей стихийной, или неформальной, как теперь говорят, артели. Его десяток ульев соседствовал с моим. Ранним утром, едва рассвело, разбудил нас с дедом неожиданный, необычный шум. Выбрались мы в тревоге из палатки, не случилось ли чего за ночь, думаем и по сторонам озираемся. Нет, все как будто в порядке, ничего не изменилось вокруг. Рождается погожее безветренное утро, из-за Шугуровской горы вот-вот должно выкатиться солнце. И все же какой-то непривычный гул будоражит слух, будто огромный, ведерный самовар гудит, закипать собирается. Подошли мы поближе к ульям и все поняли. Зацвела липа, дала первый нектар. Лес это от работы пчел, от их гомона шумит и гудит.

Трудно передать красоту зрелища, это надо увидеть своими глазами. Пчелы прямо-таки бросились в атаку за взятком. Никого и ничего не видят, не слышат. Все внимание только липе. В это время можешь возле них в купальном костюме бродить, можешь даже в улей заглянуть без дымяря и маски. Им сейчас не до тебя. Поистине страда наступила. Не раз и не два мне доводилось наблюдать их в таком самозабвении. Вот и сейчас мы глаз не можем отвести от них со старым Махмудом. С высоких лип они не слетают, а прямо-таки падают к ульям. И в леток не спешат как обычно, а еле-еле ползут «на четвереньках», потому как переполнены нектаром, можно сказать, по маковку. Да, небывалое выделение нектара шло в то утро, истинное, а не «липовое», если позволить каламбур, хотя и одаривали им пчел добрые, щедрые липы. Пчелы же проявляли жадность, собирали нектар с азартом, с самоотверженным вдохновением. Жадность, я думаю, эта простительна, даже похвальна. Как рачительные хозяева старались пчелы, чтобы не пропал нектар, чтобы шел он на пользу Жизни. Нам бы поучиться у них, нам бы следовать их примеру. Таких неутомимых тружениц, как пчелы, в природе не так уж и много.

А мы стоим и стоим с дедом зачарованные. Вот уж и солнце взошло, пастух, заиграв в рожок, прогнал через поляну стадо. А «самовар» так и кипит, гудит, бушует...

— Если так пойдет дело, сынок, — улыбается, покачивая головой, Махмуд-ага, — теми кадушками, что мы припасли, не обойтись. За тарой, однако, дело не станет Дай, Аллах, дай, Аллах...

Но, как говорится, хорошего понемногу. Солнечная, погода не продержалась и двух дней. Следующий едва перевалив за половину, начал вдруг меркнуть, поблек, подул прохладный северный ветер и по небу поплыли низкие темные тучи. О взятке уже нечего было и думать. Пошел дождь.

Не подведи нас погода, мы бы тогда купались в меду. Говорю об этом уверенно, потому что постоянно наблюдаю, слежу за условиями медосбора, веду дневники. Ненастье продержалось тогда целых тринадцать дней. За это время липы, конечно, отцвели. И все же уезжали мы тогда с пасеки довольные. Сильные семьи и за полтора дня успели наполнить ульи ароматным липовым медом. О богатой лесной поляне, об энергичном июньском утре мы до сих пор не можем забыть.

Думаю, понятно теперь, почему ратую я за липы, почему не могу не заступиться за лесных красавиц. А они, увы, нуждаются в наши дни в защите и охране. Правда, есть важное постановление в их защиту, запрещающее вырубать липы вокруг пасек в радиусе трех километров. Но не многие, к сожалению, считают с этим постановлением. Ведь в лесхозы регулярно спускается план заготовки лыка и мочалки. И заготовщики вонзают, как бритвы, острые топоры в старые добрые липы — с них ведь больше соберешь лыка. Так вот и сдирается нещадно и варварски кожа с живого благородного дерева.

Помнится, тем же летом после памятного липового взятка вышли мы со стариком Кашаповым к лесозаготовителям на просеку в самый разгар их работы.

— Зачем же валите такие добрые деревья? — сокрушенно спросили мы, окинув взглядом их работу. — Время лаптей как будто прошло.

— Прошло, — согласились они с усмешкой. — Зато время мешков и кулей из рогожи не проходит пока.

Бесхозийственное, я бы даже сказал, жестокое отношение к лесу не ограничивается истреблением липы. Может быть, потому, что у нас не слишком долгое, не такое, как на юге, лето, чаще оно бывает приветливым, солнечным и погожим. И как раз в середине красного лета начинается в наших краях кампания по заготовке веточного корма. И здесь спускаются планы сверху.

Страшные наступают дни для леса, черные, будто стихийное бедствие, будто содом и гоморра приходят на нашу землю. Количество загубленного леса не регистрируется и не учитывается, предприятия и хозяйства лес рубят произвольно и беспорядочно. Сердце кровью обливается, когда видишь такую картину. И невозможно ничего сделать, несмотря на нашу великую перестройку, сколько ни стучи, не достучаться ни в какие двери. После ударных проходов лесорубов леса и рощи сплошь да рядом напоминают общипанную к обеду курицу. Но дело, разумеется, не в том, кого может напоминать после насилия и надругательства лес. Деревья, лишенные молодых веток, юных побегов, до поздней кии не могут прийти в себя, залечить раны, встречают зиму, не восстановив силы, больные и ослабевшие. А суровая зима завершает неправый суд над ними.

Лес тает на наших глазах, земля оголяется. Там, где еще несколько лет назад шумел зеленый бор, теперь торчат пни. Если же лесозаготовки не будут упорядочены или прекращены вовсе, через десять лет моя республика будет напоминать пустыню, советую мне верить. Не верите, приезжайте — убедитесь.

Начинал я свое повествование за здоровье и не хотелось бы кончать за упокой. Вернемся к меду и к добычкам его, медовым старателям пчелам. О том, как сложна и многотрудна их жизнь, уже сказано. За один вылет, если он был к тому же удачным, пчела приносит в улей всего лишь 30 — 35 миллиграммов нектара. Это примерно сотая часть капли. Но даже такую крупницу пчела добывает если триста раз опустится на цветок гречихи или около девятисот раз сядет на цветущую ветку яблони. Чтобы собрать килограмм меда, пчела вынуждена посетить миллионы цветов. Пчеловоды нередко народ прижимистый, как говорится, себе на уме. И их можно понять. Когда своими глазами видишь, чего стоит добыть килограмм меда, станешь поневоле прижимистым. Уважать, ценить нелегкий труд других — можно считать такую черту предосудительной. А у пчеловодов обостренно развита эта черта. Они все видят своими глазами.

Думаю, излишне многим знать, как сложен по своему составу мед. Столь высококалорийный продукт почти ни с чем не сравнить в нашей жизни. Один его килограмм содержит до трех с половиной тысяч калорий. В состав меда входят алюминий, барий, бериллий, ванадий, висмут, галлий, германий, железо, золото, калий, кальций, кобальт, кремний, литий, магний, марганец, молибден, натрий, никель, радий, олово, серебро, стронций, титан, фосфор, хром, цинк, цирконий и много еще чего, едва ли не вся таблица Менделеева заключена в обычном, казалось бы, доступном для всех продукте. Вот что значит ложка меда! Наш организм постоянно нуждается в любом из перечисленных элементов. Мед — их естественная кладовая.

Трудно переоценить его роль. Много можно говорить об этом, много приводить подтверждений и примеров. Припомнился мне небезынтересный эпизод из не очень далекой истории. Во время первой мировой войны немецкая подводная лодка потопила неподалеку от берегов Ирландии английский пассажирский пароход «Лузитания». Вместе с судном было потоплено большое количество золота, перевозимого слитками в пароходных сейфах. Не один десяток лет различные акционерные компании пытались поднять затонувшее судно. Но все попытки кончались неудачами. Водолазы, облаченные в легкие скафандры, могли вести работу на глубине не более ста метров. В жестком же, в тяжелом снаряжении они могли лишь наблюдать за погребенным судном. Но при чем здесь мед? — может спросить каждый. И все же долго пришлось бы еще лежать «Лузитании» на морском дне, если бы не пчелиный мед. Издавна заметили люди, что, употребляя мед, человек становится выносливее и сильнее. Это благо природы было использовано и при подъеме судна. Команде специально отобранных, прошедших длительную тренировку водолазов установили специальный режим питания. В течение шести месяцев их кормили медом, ежедневно увеличивая дозу. Таким образом, каждый из водолазов съел за полгода едва ли не целую бочку меда. После такой «медовой» зарядки они могли работать даже в облегченных, мягких скафандрах и успешно справились со своей задачей.

Великие ученые разных стран, писатели, мыслители во все века воздавали должное пчелам. «Жизнь пчел похожа на волшебный колодец, — писал знаменитый немецкий ученый Карл Фриш. — Чем больше черпаешь из него, тем обильнее он наполняется». «С древних времен эти маленькие загадочные существа по своим сложным законам возбуждают у нас разумный интерес...» — говорил бельгиец Метерлинк, полюбившийся нам за «Синюю птицу».

Необязательно далеко и ходить — великий Толстой был прекрасным пчеловодом.

— Что-то не пишется мне нынче, Соня, — случалось, говорил он, отстранившись от стола. — Принеси-ка голубушка, чистое полотенце, да зажги дымарь. Пойдем с тобой, пчел проведем.

Не раз возвращается к образу пчелы Лев Николаевич и в своих произведениях. «Пчела, сидевшая на цветке, ужалила ребенка. И ребенок боится пчел и говорит, что цель пчелы состоит в том, чтобы жалить людей. Поэт любит пчелой, впивающейся в чашечку цветка, и говорит, цель пчелы состоит во вливании в себя аромата цветов. Пчеловод, замечая, что пчела собирает цветочную пыльцу и приносит ее в улей, говорит, что цель пчелы состоит в сбирании меда. Другой пчеловод, ближе изучив жизнь роя, говорит, что пчела собирает пыль для выкармливания молодых пчел и выведения матки, что цель ее состоит в продолжении рода. Ботаник замечает, что, перелетая с пылью двудомного цветка на пестик, пчела оплодотворяет его, и ботаник в этом видит цель пчелы. Другой, наблюдая переселение растений, видит, что пчела содействует этому переселению, и этот новый наблюдатель может сказать, что в этом состоит цель пчелы. Но конечная цель пчелы не исчерпывается ни тою, ни другою, ни третьей целью, которые в состоянии открыть ум человеческий». («Война и мир», т. IV, эпилог.)

Пчелы обладают какой-то притягательной силой, и человек, близко познакомившийся с ними, не перестает дружить всю жизнь. С уверенностью могу сказать, что ежедневное общение с пчелами — огромное удовольствие. «Благовидность существования пчел, — писал Петр Иванович Прокопович, — любопытнейшие в них явления, отличная изящность их произведений меда и воска, легкое и приятное малоделие при их содержании и управлении и значительный доход, или доставляемый без отягощения других, — все сие должно привлекать каждого хозяина к пчеловодству и возбуждению желания завести пчел».

Длительное общение с пчелами дарит нам ценные наблюдения. Будь только внимателен, и они тебе о многом расскажут и подскажут немало. Опытному пчеловоду достаточно бросить взгляд на улей, чтобы узнать, каков будет день, какая нас ждет погода. Если пчелы с утра неохотно покидают улей, тревожно жужжат, жди к обеду дождя. Но когда и в дождь они продолжают трудиться, скоро он перестанет, погода прояснится, будет ведро. Все это мне приходилось наблюдать самому. Иной раз небо затягивает черными тучами и гром гремит, и молнии грозно перечеркивают небо, а пчелы летят и летят, как ни в чем не бывало. Значит, ливень пройдет стороной. Случается, летний дождь нагрянет внезапно, и опомниться не успеешь, а рабочие пчелы — в полете. Хочешь не хочешь, приходится лететь домой. В улей одновременно возвращается несколько тысяч пчел. А леток маленький, на такое количество, понятно, не рассчитан и возле него поневоле образуется настоящая пробка — целая шапка, большой клубок из пчел. Даже слышно порой, как они торопят друг друга: «Быстрее, быстрее, иначе — намокнем!» Но паники нет, даже в такой ситуации они соблюдают порядок. Строгие блюстители

его неукоснительно следят, чтобы не было давки, чтобы никто не пострадал, смотришь, в считанные минуты клубок растворился, все пчелы в доме. Людям бы научиться у них!

При желании можно предсказать погоду по поведению пчел даже за 15 — 20 дней. Мне это неоднократно удавалось, когда вел наблюдения за маткой. Как известно, пчелы по своей натуре настоящие чистюли. И матка делает «засев» только на чистых, янтарного цвета рамках. Такими рамками я и стараюсь всегда их обеспечить. Но иногда, глядишь, матка пренебрегла чистыми рамками и «засев» сделала на старых, потемневших. Значит, жди, через несколько дней погода непременно изменится к худшему, похолодает. В чем же, спрашивается, дело? Старые рамки не так чисты и свежи, но они темнее новых и больше поглощают тепла, стало быть, личинкам, детям будет в них надежнее и теплее. А какой будет весна — теплой, солнечной или с мокрым снегом, холодными ветрами? И это предугадать нам поможет пчелиная матка. Снова стоит осторожно открыть улей и понаблюдать за ней. Если она стремительно движется по свежим рамкам, интенсивно «сеет», не за горами ясная, ветреная погода, теплая весна. И, глядя на матку, смело можешь заняться своим огородом, приусадебным участком, землей. Без опаски можно сажать в грунт ранние овощи. Если же матка облюбовала старые рамки и не торопится, повремени и ты, будешь прав.

По поведению пчелы, по ее полету мы бы, наверное, могли узнать многое. Любопытные прогнозы, неожиданные открытия — все в наших руках, в наших возможностях. Но мы, как сказано, ленивы и не любопытны.

Однажды в разгар уборки картофеля резко ухудшилась погода. Главный агроном нашего сельхозуправления ходил мрачный, неприкаянный. Еще бы, основная часть урожая осталась в поле и может замерзнуть, пропасть. Все теперь зависит, как говорится, от небесной канцелярии. Беспокойство агронома передалось мне, и я решил посоветоваться со своими пчелами. Заглянул в один улей, в другой. Матки, как ни в чем не бывало, трудились, «сеяли», рабочие пчелы очищали, готовили для них новые рамки. Я поспешил в правление успокоить людей. Поначалу и агроном, да и многие другие отнеслись к моим прогнозам скептически. Но ведь это были не мои предсказания, надо было верить мудрости пчел, их древнему опыту. Через два дня от ненастья и следа не осталось, на безоблачном голубом небе засияло тихое и теплое солнце бабьего лета. Главный агроном по пути на поля заглянул ко мне на пасеку. Выйдя из машины, он подошел к ульям, окинул их взглядом и снял шляпу.

Припоминаю я и другой случай. Пчелы с первых же дней осени приступили к утеплению своих жилищ, замазывая прополисом все зазоры и щели. Я понял, что зима предстоит не из теплых. Правда, какая бы ни была зима, независимо от этого я перевожу своих пчел после первого снега в теплый омшаник. Но ведь им трудно рассчитывать на это и они строят свои прогнозы обобщенно, по сложным, им лишь доступным приметам и признакам.

Есть и у меня свои приметы. Я решил их в тот раз сверить с пчелиными. Направился в сад, обошел все свои яблони и сразу же заметил, что отростки на их ветках в этом году гораздо короче, чем в прошлом, чем в другие годы. Надо ли объяснять, что длинные отростки всегда слабее, не приспособлены к крепким морозам, трудно уберечь их яблоне. Короткие же толще, крепче физически и мороз переносят легче. Так, не сговариваясь, яблони и пчелы сообщили мне об одном и том же. Ну а зима в том, 1979 году была на редкость суровой не только в наших краях, но и по всей России. Об этом многие помнят.

Немало любопытного можно наблюдать в природе, получая при этом ценную информацию. Тогда же, в канун грозной зимы, я наблюдал, как мимо нас катили с Урала на юг по большаку «Татры» и «МАЗы». Кабины и кузова этих машин были просто-таки облеплены мошкаркой, мелкими жучками и долгоносиками. Шофера удивлялись, но ничего объяснить не могли. Но я знал, что таким образом насекомые мигрируют в теплые края. Они боялись погибнуть, погубить свой род и даже вид, они думали о потомстве и не хотели выпасть из звена опоясывающей природу цепочки.

Наблюдая за подобными явлениями, поневоле задумаешься о многом. Не секрет, что наше благополучие, благосостояние страны во многом зависят и от климата, от переменчивых погодных условий. Если зима сурова, с перегрузкой будут работать котельные, теплотрассы и электростанции, станут перегруженными железные дороги. Значит, к такой зиме надо готовиться заранее и готовиться основательно, по-государственному. Поэтому мы не вправе сбрасывать со счетов и прогнозы наших верных помощниц — пчел. Они мудрее человека и поучиться у них не унижительно и не стыдно, только на пользу делу.

Много еще у пчел секретов от нас, многого мы не знаем об их жизни в силу своей нерасторопности, инертности. Мало любить пчел, мало заботиться о них, чтобы медом собрать с них щедрый оброк. Надо знать

их нрав и характер, среду обитания и саму жизнь. Многие ли знают, к примеру, что глаза их в сто пятьдесят раз зорче наших? С расстояния метра они отчетливо видят крохотные, всего лишь в восемь микрон, предметы. А цвет для них, как и для водителей, наиболее предпочтителен желтый. При одинаковых условиях пчелы, ульи которых окрашены в желтый цвет или бежевый, меда собирают заметно больше.

...Снова одна из пчел сидит у меня на руке. Чувствую, как она легонько, едва заметно щечет мою ладонь, но веса ее совсем не ощущаю. Вес равен всего лишь одной десятой грамма. На голове у пчелы две миниатюрные, пожалуй, даже микроскопические антенны. Часто мы считаем самих себя совершенством. Правы ли мы? Может быть, и нам бы не помешало иметь две крохотные антенны. Они так малы, в десятки раз меньше, чем игольное ушко, но информации в них накоплено побольше, чем во всей инженерно-диспетчерской службе международного аэропорта Шереметьево. О метеорологической службе этих органов уже сказано. Неоценимы и их навигационные возможности. Я говорил, что пчелы азартные, до самозабвения увлекающиеся работницы. В поисках нектара, увлекшись, они удаляются на десять-двенадцать километров. Увы, полет их проходит не по прямой — зигзагами, пируэтами, спиральями исчерчен их курс. Пчела ведь делает тысячи посадок во время полета — с цветка на цветок — в поисках нектара, неоднократно меняя при этом направление. И две мини-антенны на ее голове берут на себя обязанности штурманской группы. Перелетая с цветка на цветок, пчела наполнила наконец свой «контейнер» нектаром, пора ложиться на обратный курс — домой. Но где он, дом, на юге или на западе? В каком направлении лететь, как найти дорогу домой? И хватит ли «горючего» на обратный путь? Вот эти вопросы и решают «навигационные антенны» на челе крыла-труженицы. В одно мгновение прокладывается точный маршрут до дома с учетом каждого метра, если не сантиметра полета. А иначе нельзя — действительно может не хватить «горючего», энергии до улья. Пчела не должна работать на износ, в ее организме все рассчитано, как рассчитан и ее недолгий век. Как все это происходит — уму непостижимо. Был случай, я разделил однажды пчелиную семью пополам. Одну часть вместе с маткой оставил дома, в улье, другую — увез на лесную поляну, на расстоянии шести-семи километров. Прежде чем выпустить этих рабочих пчел, я покрасил их спинки в заметный желтый цвет. Пока мы с дочкой возвращались на машине по проселочной дороге домой, мои меченые пчелы, опередив нас, вернулись в улей. Как они сориентировались и как нашли дорогу, объяснить не просто. Маленькая голова у пчелы, да, видно, удаленная.

Посредине деревни, в цветущем саду или густом лесу — всюду отыщет пчела свой дом. На какие вехи, на какие маяки она ориентируется? Нет, не обойтись здесь без ЭВМ, без невидимого человеческому глазу компьютера. Много еще чего приходится рассчитывать пчеле кроме направления. Ведь она летит и против сильного ветра, и в сухую жаркую погоду, и когда воздух насыщен влагой, случается, в дождь. Во всех случаях происходит незамедлительная коррекция, соответственно меняется угол полета, упреждение, скорость и многое другое. Часть пути, предположим, она летит вдоль леса, затем, изменив направление, выходит к защищенному от ветров глубокому оврагу, потом по открытой местности, над полем, где и совпадает азимут с направлением к дому. Много раз приходилось мне наблюдать как, прилетая за взятком и возвращаясь назад, выбирали пчелы «тихие коридоры», чтобы избежать встречные ветры.

А как они расчетливы, экономны во всем! Даже на расстояние метра не полетит ни одна пчела без определенной цели, без дела. Ведь ее жизнь так коротка — всего три месяца — поэтому она знает цену каждому дню, каждому часу и даже минуте.

Пчела очень совершенное произведение природы, многие могли бы ей позавидовать. У нее не только отважное, но и очень сильное сердце. Прекрасное зрение и замечательное обаяние, надежный пищеварительный тракт. Подводят только крылья. Здесь природа допустила досадный изъян. Крылья пчелы изнашиваются, выходят из строя быстрее, чем хотелось бы. А бескрылая пчела — что самолет с отвалившейся плоскостью, что птица с надломленным крылом. Часто приходилось встречать пчел, которые ползут по земле, не в силах больше подняться в воздух. Авария застала их в пути. Отказали износившиеся крылья и пчела утратила летные качества. До слез жалко бывает такую пчелу. Она собрала нектар, под мышками у нее много пыльцы, и продолжает ползти, теперь уже черепашьям шагом, в сторону дома — к своему улью. Доползет ли?.. Так и хочется посадить ее на ладонь и сказать: я перенесу тебя на руках, покажи только, где твой дом. А она, бедная, все еще пытается подняться, взлететь над землей... Ах, если бы от меня зависело! Я бы спроектировал пчеле крепкие, надежные крылья и

это продлило бы ей жизнь. А она бы в благодарность одарила людей миллионами тонн душистого и целебного меда.

Сам по себе мед, этот уникальный продукт природы, требует, конечно, отдельного разговора. В изобилии и разнообразии его можно увидеть только на рынке. Куда бы ни забрасывала меня судьба — по редакционным делам или на отдых, — я никогда не миную ни городской, ни сельский рынок. Говорят, рыбак рыбака видит издалека, пчеловод пчеловода — тоже. Всегда приятно поговорить о взятке, о видах на урожай. Но всегда поневоле разговор сводится к свойствам, качеству местного меда. Я глубоко убежден, что меда низкого качества, то есть плохого, просто не существует. Никто не спорит, он разный — по составу, по вкусовым оттенкам, даже по цвету. Но ведь нет в природе знаковых цветов, растений, деревьев. Часто наблюдаю, как суетливые и придирчивые хозяйки выбирают на базаре мед. Прогуливаясь между торговых рядов, то к одному пчеловоду направятся, то перейдут к другому. Мед пробуют и на язык, и на химический карандаш, и растирают на ладони. Один мед им кажется очень сладким, другой горьковатым, третий — слишком пряным. Они не ошибаются, так и должно быть. Мед на разных прилавках отличается один от другого по цвету, по вкусу и по аромату. Это зависит от многих факторов. Однако плохого меда нет, такой мед пчелы не собирают — он им не нужен. Что же касается оттенков, полутонов, характерных нюансов, они всегда свойственны меду, это очень естественно.

О меде, собранном с акации, уже говорилось. Этот прекрасный мед в жидком состоянии почти прозрачен, а после кристаллизации становится белым, как снег. В нашем городке, к счастью, много акации. В некоторые годы акация выделяет так много нектара, что кусты ее гудом гудят, кишат пчелами в горящих желтым огнем ветках. Если бы от меня зависело! Я бы сажал и сажал акацию — белую и желтую — как она прекрасна и необходима. Зацветает акация рано, спеша на выручку пчелам, ведь до других цветов еще далеко.

Доброй славой в народе пользуется и гречишный мед. Я тоже к нему не равнодушен. Мне кажется, он приносит запахи детства: теплого молока, вынутого из печи свежего домашнего хлеба. Гречишный мед темнее, имеет желтоватый оттенок и садится не быстро, чаще всего на протяжении всей зимы становится похожим на тягучую жидкую кашу. Мед этот очень вкусен, обладая целебными свойствами, он помогает людям, страдающим малокровием. Гречиха — одна из наиболее медоносных культур, не бывает года, чтобы она не выделяла нектар, «простоя» у нее не случается. Будь моя воля, я не пожалел бы для этой культуры самые лучшие участки в яровом клине. И сеял бы ее расчетливо, в два-три приема, с интервалами в две недели. Ни засуха, ни другие капризы природы ей не страшны. Мы бы могли получать тоннами и мед, и гречишу — если бы хотели.

Ранняя весна — непростое время для пчеловодов. Ульи из омшаника уже выставлены, но цветов еще нет. Кроме акации, на выручку пчелам приходит в это время ива. В наших краях ива растет вдоль речек, в урехах, возле оврагов и болот. Рядом с ней — краснотал, ветла и верба, зацветающие следом, вдогонку друг за другом с интервалами в несколько дней. Целый месяц пчелы могут «пасть» на таких кустарниках и приносить в ульи отличный нектар. Мед в это время бывает необычный, с тонким и нежным вкусом.

Несколько лет назад я вывез ранней весной своих пчел в пойму речки у села Нижний Коран. А десятого мая, на праздник, контрольные весы уже показывали дневной взятки семь-восемь килограммов. В хорошие теплые весны с тальника и ивы мед можно возить едва ли не возами. А ведь впереди еще целое лето...

Мед ранней весной — большое подспорье самим пчелам. Их семьи после долгой зимовки слабеют. Пчелы в это время в основном заняты выращиванием новой, молодой смены. Но они успевают в это время не только заполнить медом несколько рамок хозяину, запасают корм и для себя. Молодняк, выращенный на этом, богатом витаминами меде, вырастает выносливым и крепким, не подвергается пчелиным болезням.

Остается еще и еще раз пожалеть, что хиреют и исчезают на глазах эти благодатные места — поймы речек, озера и болотца. И мелиорация губит их, и наше равнодушие, попустительство. Нам поистине «нечего ждать милостей от природы» после того, что мы делаем с нею.

О липовом меде тоже шла речь. Он не нуждается в рекламе. Поставишь банку этого меда в холодильник, и он быстро, в два-три дня, сядет. У нас в Татарии иногда пропускают такой осевший мед через мясорубку вместе со сливочным маслом — получается бальзам, который ставят на стол перед дорогими гостями.

Липы, к счастью, в наших краях тоже хватает. И с каждого гектара ее при желании можно собрать гигантское количество меда. Липа знает себе цену и довольно капризна. Нектар она

выделяет не каждый год. Но не надо забывать, что она еще и источник чистого воздуха, нежного и тонкого аромата, краса наших лесов и парков. Где растет липа, там всегда есть влага. Когда ее становится меньше, липовые рощи неведомыми нам пока способами привлекают в свой район дождевые тучи. В липовом лесу всегда чистый и свежий воздух, нет ни грязи, ни пыли. В липовом лесу, в липовых аллеях садов и парков очень легко дышится и это понятно — там всегда повышенное содержание кислорода и озона, как и среди хвойных деревьев. Если мы увеличим посадки лип, поневоле создадим благодатные зоны для людей страдающих, страдающих аллергией, астмой и одышкой. Впрочем, благо было бы для всех, ведь воздух, что мы вдыхаем, год от года не становится чище.

Иногда пчелы работают даже в ненастье, да так трудятся, что залюбуешься поневоле. На дворе моросит дождь и ты готов уже спрятаться под навес или раскрыть зонт. А на пасеке, как ни в чем не бывало, страдная пора. Смотришь, пчелы возвращаются отяжелевшие. Прежде чем зайти в леток, опускаются на специально прилаженную к улью доску, отдыхают. Но они не летят сегодня ни в мокрую липовую рощу, ни к поникшей от влаги гречихе. Откуда же тогда взяток? Подойдите к малиннику и вы увидите, как гудит он, какой звон стоит вокруг, так и хочется сказать, малиновый. Пчелы густо облепили кусты. Они собирают малиновый мед. «Если бы вы знали, какое это чудо! Нежнейший аромат, тонкий вкус, а о целебной пользе этого меда можно писать целые трактаты. Садится и твердеет он очень быстро. Поэтому лучше его по возможности выкачать отдельно или, в крайнем случае, вырезать вместе с сотами. Меду такому поистине нет цены. Это лучшее средство от простуды, от ревматизма и болезней горла, активно помогающее деятельности сердца, желудка и печени. Все витамины и ферменты, заключенные в самой малине, переходят в мед. Малина, к большому удовлетворению пчеловодов, занимает в наших краях немалые массивы и цветет довольно долго. Пчелы же, словно заботясь о человеке, выбирают именно ее, забывая на время о других цветах. Сами соцветия малины, прикрытые листьями, обращены как бы вниз, к земле. Поэтому и нектар с них можно брать даже во время дождя, который не в силах смыть его с цветов и не может быть пчеле помехой.

В моем небольшом саду несколько сортов малины. Когда моросит дождь, я набрасываю плащ-палатку и прохожу вдоль шеренги мокрых, нахохлившихся, как птицы, кустов. Пчелам не до меня. Облюбовав куст, они долго сидят на нем, усердно вбирая в себя нектар. Перелетать с куста на куст, от цветка к цветку нет необходимости. Нектара больше чем достаточно. Всего лишь на одной ветке трудолюбивая пчела может собирать его до самых сумерек.

Как же мне хочется порой сказать деревенским мужичкам, проводящих досуг свой возле сельмагов: сколько земли за вашими домами пустует. Не ленитесь, посадите там малину. Она неприхотлива, уже на следующий год вы можете собирать ее ведрами. Пусть вам помогут дети, пусть они растут трудолюбивыми, прививайте им любовь к земле. Возделанный вашими руками малинник принесет радость вашему дому и даст раздолье пчелам, нашим верным друзьям, спасителям от многих недугов.

Иногда пчел можно увидеть даже на стеблях лука. Может быть, они, как и мы, любят острое? Сидят на луковом оперении они, как правило, долго, усердно перебирая лапками цветочную пыльцу. Понятно, что это неспроста. Скорее всего, проводят какую-нибудь лечебную процедуру.

Лука в моем саду немного, две скромные грядки. Но и на них сплошь да рядом приходится наблюдать своих или соседских пчел. Меда, само собой, с двух грядок не соберешь, мало пространство, но большие массивы, луковые плантации могут служить отличной медоносной базой. Многие хозяйства в нашем районе в последние годы стали специализироваться на выращивании лука. Люди поняли, что это доходное дело. Выиграло от этого и пчеловодство. На луковых полях «пасутся» пчелы с пасек этих же хозяйств, не в обиде и пчеловоды-любители, хватает места и для их подопечных.

Луковый мед специфичен, обычно он густого желтого цвета, быстро садится. При выкачивании его можно ощутить слегка горьковатый луковый дух, который, впрочем, быстро исчезает. Целебные свойства его обусловлены наличием витаминов и фитонцидов, содержащихся в зеленом и репчатом луке.

Грешно было бы не упомянуть и о меде, получаемом с белого клевера, отличающемся нежным аппетитным цветом какао на молоке. Мне кажется, достаточно съесть ложку этого меду, тут же вспомнишь запахи детства, лужайку, где пас корову, и эту неприметную неказистую с

виду траву. А между тем это настоящая палочка-выручалочка для пчел и пчеловодов. Клевер выручает и при любой погоде и в непредвиденных обстоятельствах. К сожалению, пчеловодство в первую очередь зависит от того, каким сложится сезон. А тут, по-видимому, больше чем где-нибудь «раз на раз не приходится». Слишком много условностей и сюрпризов.

Одно лето мне запомнилось особенно. Все как будто бы начиналось неплохо. Хороший взяток пообещала липа. Вовремя зазеленела, цвела энергично, даже бурно. Но по какой-то непостижимой причине ни одна пчела на нее не садилась. Остались мы без липового меда. А пчеловоды, надо сказать, по своей натуре оптимисты, надежду не теряют до последнего. Сезон липы прошел впустую, хотя мы и вывозили на нее лучшие наши, самые крепкие семьи. Время еще есть, успокаивали мы друг друга, упущенное наверстаем на гречихе. Вот-вот она зацветет и покажет себя.

Но верно, получается, говорят: беда не ходит в одиночку. Не повезло нам в то лето с гречихой. Вначале тоже все шло хорошо. Прошли обильные дожди, и установилась теплая погода. Неподалеку от гречихи, в березовом перелеске, мы разбили походный лагерь, расставили ульи. И откуда ни возьмись вдруг подул холодный северный ветер. Ртутный столбик термометра стал опускаться ниже, особенно ночью. Это во время цветения гречихи! Гречиха сникла и запаха от нее никакого, хотя и белеет по-прежнему чистой скатертью. Нектара, естественно, нет. Товарищи мои по несчастью ходят понурые, озабоченные. И их нетрудно понять, лето уже, можно сказать, на исходе. Но, как говорят, где каша не пропадала. Есть и другая пословица: у хорошего пчеловода нет плохого года. Последняя надежда на гречиху исчезла после обрушившейся на нашу округу страшной грозы с градом, ураганным ветром и буреломом. Что говорить о гречихе, если срывало крыши с домов и с корнем выворачивало молодые деревья. Не пощадил ураган и пасеку, сорвал палатки, перевернул и разбросал по поляне часть ульев. Что называется, не солоно хлебавши стали мы собираться домой. И вдруг смотрим, пчелы-то наши работают, несут, несут свою дань в улей. Опять закипели, загудели наши ульи, повеселевшие пчелы трудятся азартно, старательно. Приоткрыл я крышку и глазам своим не верю. Идет свежий взяток, полным ходом строятся соты. А когда нет ежедневного взятка, пчел ни за какие коврижки не заставишь строить новые соты. Они свое дело знают туго, как говорят в народе. И все-таки с чего же они теперь берут взяток, откуда приносят нектар? Озадаченные, решили мы еще раз обследовать наши окрестности. Сели в машину, проехали по просекам, по полевым и проселочным дорогам. В нескольких километрах от пасеки наткнулись на большой заболоченный луг. Чуть поодаль от него, у подножия холма, в изобилии били родники. Пахоть здесь невозможно, трактора вязнут в заболоченной почве. Нередко можно увидеть здесь колхозное стадо. У края этого луга мы и вышли из машины. Ни проехать дальше, ни ступить было нельзя — увязнешь. И тут взору нашему предстала картина удивительная, радующая глаз. В невысокой, по щиколотку, траве кишмя кишели пчелы. Вот откуда они приносили нектар — с густого белого клевера, ковром раскинувшего свои шикны. Вот как получилось, несмотря на приближились, мы неслись без меда домой, но все же хороший взяток.

Собранный с белого клевера мед ценен и тем, что он лучше другого пригоден для зимнего запаса самих пчел. Он долго не кристаллизуется, сохраняется почти первозданным на протяжении всей зимы, напоминая густую вязкую сметану. Пчелы любят приберегать его себе на черный день, с ним они прекрасно зимуют. А посему, думаю, и к клеверу нам надо относиться щадяще, беречь его, не топтать зря, не мять самосвалами и гусеницами мощных тракторов. Пусть он растет, пусть ему вольготно живется на лугах и лужайках, возле наших домов, в скверах, садах и парках. В вечерние часы он особенно сильно пахнет приятным ароматом и запах этот мы еще долго помним длинной и суровой зимой.

Интересно, что мед, собранный пчелами ранним утром, разительно отличается от полуденного или вечернего. По утрам выделяют нектар лютики, медуница, анютины глазки, кашка, многие другие нежные цветы. И нектар их жидкий, как бы облегченный, мягкий, без старого запаха. Около полудня наступает черед не боящихся жары сурепки, осота, козлятника и цикория. Мед, собранный с них, получается густым, довольно быстро твердеет и кристаллизуется. Еще и еще раз хочу повторить, что от этого он не становится хуже. Внешний вид или облик меда зависит от цветов, от которых он собран, от входящих в него компонентов. Вот почему на одном прилавке базара мед красноватый, на другом белый, как снег, а на третьем с чайным или кофейным оттенком. У одного пчеловода жидкий, как кисель или кашка, у другого

твердый, хоть режь ножом. Мед из кипрея, кориандра, люцерны и эспарцета несколько специфичен, отличается от прочего и у непосвященного человека может вызвать подозрения. Не спешите подозревать людей, занимающихся благородным и непростым трудом. Как правило, они не только трудолюбивы, но и высоконравственны, это обусловлено и общением с природой и с самими пчелами, благороднейшими из существ. Если у человека поднимется рука добавить в корыстных целях ложку-другую дегтя в бочку меда, как он потом, какими глазами будет смотреть на своих пчел, как принимать будет святую и самоотверженную дань от них?

Не должно быть предосудительным и то, что пчеловод иногда угостит своих пчел сахаром. Это ведь бывает в исключительных случаях, в трудную пору, в бескормицу, когда в природе нет никакого взятка. В наших краях часто весна холодная и безвзяточный период длится временами до полутора месяцев. Что же тогда делать? Ведь в пчелиной жизни законы строгие. Если нет ежедневного приноса взятка, матка перестает «сеять». А ведь она должна откладывать две, а в лучших случаях и три тысячи яиц ежедневно. Для этого нужны условия. Если матка перестает «сеять», значит, семья не будет развиваться и к главному взятку придет ослабленной. Крайне необходимо поддержать ее вовремя, для этого и нужен сахарный сироп. Ничто другое, к сожалению, не годится. Мне могут возразить, что в прежние времена так не делали. Старики, мол, такого не помнят. Да, действительно, прежде так не делали. Но до этого ли было прежде, когда крестьянин не мог справиться себе обувь и ходил в лаптях, не мог запастись дровами на зиму? Да и сахару в прежние времена производили мало. Его не то чтобы пчелам, людям не хватало. Сахар считался прежде лакомством едва ли не барским. Теперь время иное. И не резон нам жалеть эти немногие, считанные, можно сказать, килограммы сахара для выручки или даже для спасения пчел. На преступное самогоноварение уходят многие тонны сахара, а мы не всегда бьем тревогу.

В любые времена пчелы пользовались всеобщей любовью. Их почитали фараоны и рабы, феодалы и крестьяне. Дающий благо мед, как и хлеб, мог уравнивать всех. Казалось бы, земля испокон века должна быть покрыта густой сетью пасек, миллионами ульев, как поля и нивы золотыми колосьями. Но это не так. Нередко пчел губит голод, бескормица, капризы природы и стихийные бедствия. Поэтому пчелам просто необходима порой искусственная подкормка, что бы там ни говорили.

Что касается меня, изредка, в трудное время я делаю для своих пчел сироп, который стараюсь обогатить минеральными солями и витаминами. Воду использую только родниковую, хлорированная вода из водопровода пагубно влияет на пчел. В литре кипяченой родниковой воды я развожу килограмм сахара, добавляю немного лимонной кислоты, ложку морковного сока и несколько граммов поваренной соли. Кроме того, я растворяю в сиропе небольшую дозу антибиотиков. И пчелы, увы, то же простужаются, кашляют и температурят. Не знаю, как у других, а мои пчелы любят еще и уксус, по-видимому, и он помогает их жизнедеятельности. Поставишь иногда вечером на дно улья чайное блюдце с трехпроцентным раствором и его вмиг облепят пчелы. Долго, с наслаждением пьют, смакуют, переговариваясь, как видно, друг с другом, отдыхают.

Одной средней семье я выделяю с вечера два литра сиропа, от которого к утру ничего не остается. Можно подумать, будто они из голодной губернии, — набросились и все проглотили разом. Это не совсем так. Если поделить сироп на тридцать пять тысяч пчел в улье, то каждой достанется лишь по крохотной капле. Зато в улье радостное оживление. Молодые пчелы дружно тянут новую рамку, а матка «сеет» и «сеет», не зная устали. Пожалуй, на следующий вечер надо приготовить еще одну порцию сиропа. Не поленишься, несколько дней покормишь пчел, поддержишь их в трудный час и к основному взятку будешь иметь могучие семьи, которые отблагодарят тебя сторицей.

В наши дни пчеловодство, как никогда, нуждается во всенародной опеке. Растут города, на месте прекрасных пастбищ, где было раздолье для пчел, появляются промышленные предприятия, многоэтажные дома, стадионы и аэродромы. Среда обитания пчел становится более чем скромной, кормиться им с каждым годом все труднее.

Посевные земли сейчас в руках у грамотных, до зубов вооруженных наукой агрономов. Понятно, что они всеми силами повышают урожай, совершенствуют селекцию, улучшают сорта культур и ведут непримиримую, не на жизнь, а на смерть, борьбу с сорняками. Благодаря массивному удару гербицидов удалось подчистую вывести с наших полей сорные тра-

вы. Пчелы и пчеловоды приняли этот удар на себя. Уничтожены прекрасные щедрые медоносы.

Мне думается, в таких делах, как и во всем, необходимо чувство меры. К природе надо относиться с осторожностью, с чувством великого такта. Так называемые сорняки пользы приносят больше, чем вреда. С другой стороны, от гербицидов, от чрезмерной химии на полях значительно больше вреда, чем пользы. И расплачивается за все человек — болезнями пищеварительных органов и другими недугами. А вкус, запах! Мы еще можем помнить вкус картошки, которую ели наши родители и деды, мы ее успели попробовать в детстве, а наши дети и внуки не узнают вкуса продуктов прошлого. Все вытравлено нитратами, которые наряду с удобрениями почв используются (вдумайтесь только!) для протравы при крашении и для производства взрывчатых веществ.

Еще несколько слов о сорняках. Когда цветет сурепка, все поле покрывается желтым ковром и над огромными просторами стоит пряный нежный запах. В тихие теплые вечера он доходит до деревни, плывет над сельскими улицами. А медонос сурепка уникальный, выделяет нектар даже в самое жаркое время, когда бездействуют другие цветы. Это не может не сказываться на меде, он получается густой, а через некоторое время даже твердый.

А сколько пользы может принести ненавистный нам осот. Многие, наверное, отдергивали в детстве пальцы от этой вездесущей колючки. Всюду, где только можно, мы пытаемся ее уничтожить, убираем из своих садов, палисадников и огородов, вырываем с корнем. А он цепляется корнями там, где почти невозможно вцепиться, и продолжает расти. Осот — очень целебная трава. Его нежно-голубые и мягкие, точно бархат, цветы с успехом можно употреблять в пищу так же, как салат. Не стану уверять, что такой салат придется по вкусу любому гурману, но у него есть неоспоримые достоинства, целебная сила его приближается к действию настоев женьшеня и пантокринина. Как медонос осот равен сурепке.

Чем больше познаешь окружающий мир, глубже изучаешь его, тем сильнее поражаешься разумности и целесообразности всего, чем одарила нас природа. Нам остается только пользоваться ее благами, пользоваться в свою очередь разумно, не утрачивая чувства меры. Не бороться с природой, а помогать ей или, по крайней мере, жить с ней в ладу и мире.

Я уважаю агротехнику, агрономов и их многотрудную службу и вступаю в спор с ними обычно осторожно и деликатно. Но сплошь да рядом есть вещи, явления, с которыми и они не могут не согласиться. На ржаных и пшеничных полях во все времена росла сорная трава козлятник. В детстве мы срывали эту траву и ели, как черемшу или щавель. Кто знает, может быть, поэтому мы меньше болели, чем сегодняшние дети, не знали ни диатеза, ни аллергии. Козлятник — тоже надежный медонос, цветущий на редкость долго, на протяжении всего лета. Под тяжестью густо облепивших цветы пчел он клонится низко к земле. Сегодня на полях козлятника почти нет, выведен как сорная трава. Иногда его можно еще встретить возле буераков и балок, вдоль пыльных шоссейных дорог.

Такое же будущее ожидает вскоре и жабрей — опять другим концом палки мы ударим по пчеловодству. Жабрей — невзрачная трава, ее не всякий и знает. Растет же она всюду, где упадут ее неприхотливые семена. Так же, как и козлятник, жабрей очень долго цветет, до поздней осени, продолжает выделять нектар и тогда, когда убрана гречиха, скошены рожь и пшеница. Особенно любит селиться он возле них. Старики помнят еще, что последнюю качку меда делали прежде не в августе, как теперь, а поздней осенью. И это был жабрейный мед.

Сейчас жабрею не дают ни расти, ни цвести. После страды по ржаным и пшеничным полям уже на второй день идут тракторы, пахут зябь. Так что жабрейного меда ни нам, ни пчелам не перепадает. Деды наши жабрейный мед старались оставить на зимовку пчелам. Он жидок, не спешит садиться, и пчелам потреблять его в зимних условиях очень удобно. Он меньше содержит минеральных солей, значит, зимой пчел меньше будет мучить жажда. Самой природой этот мед предназначен для зимовки пчел, а мы нещадно уничтожаем жабрей, лишая ульи самого необходимого. И в этом случае, хочешь не хочешь, приходится обращаться к помощи сахарного сиропа. По своей питательности сиропу, конечно, далеко до меда, но в нем нет острых минеральных солей и он освободит пчел от зимней жажды, сохранит их. Надо помнить, однако, что сироп не должен превышать трети запаса меда, оставленного пчелам на зиму.

Немало кривотолков витает порой вокруг пчеловодов. Мне бы хотелось защитить их по возможности от напраслины. Иногда у пчеловода, продающего мед, можно увидеть во фляге

жидкий слой, который не соединяется с осевшим густым медом. Не каждый пчеловод может объяснить, в чем тут дело, а у покупателей это непременно вызывает подозрение. Между тем все очень просто. Поверх меда выделилась фруктоза и глюкоза, пчелы их натаскали в улей только вчера, может быть, всего несколько часов назад. Случается это не часто и по независящим от пчеловода причинам.

Представьте себе такую картину. Пчелы заготовили липовый мед. Липа отцвела, взяток с нее кончился, и мед созрел, самая пора его выкачивать. Но обстоятельства сложились так, что пришлось для поездки на пасеку дожидаться субботнего или воскресного дня. И приезжает пчеловод туда в самый разгар пчелиной работы. Накануне прошел теплый дождь и погода установилась ясная. В такой день не только медоносы, но и, кажется, все живое начинает выделять нектар. Пчелы после двух-трехдневного перерыва бросились за взятком, как одержимые. Тут бы как раз их и не тревожить, пусть на радость поработают. А надо сказать, каждое вмешательство в жизнь улья обходится пчелиной семье потерей шестисот граммов меда. В руках пчеловода начинает куриться дымарь, и у них сразу падает работоспособность. Едва почувствовав дым, они тут же забивают свой зобик медом — на случай аварийной обстановки, если придется покинуть улей, искать новое прибежище. А у пчеловода безвыходное положение, ему обязательно надо качать мед, освобождать в рамках место. И когда он берет рамку в руки, свежий нектар начинает стекать на дно улья. Это и есть последний взяток, сладкий сок, влага, насыщенная фруктозой и глюкозой. Чтобы стать настоящим медом, созреть, ей необходимо еще три-четыре дня. Но качка уже пошла, ничего не поделаешь. Поэтому верхний слой, этот нектар, и предстанет таким перед взглядом недоумевающего покупателя.

Этот богатый эликсир я бы предложил бегуну и лыжнику перед длинной дистанцией, альпинисту и тяжелоатлету, людям трудных рабочих профессий, переносящим большие физические нагрузки. Ценность этого нектара в том, что очень он прост по составу. Нашему организму не надо переваривать его по многу часов, как, например, мясо или рыбу. Попадая в желудок, он разлагается в считанные минуты, и наша кровь обогащается питательными веществами, усталость снимается, как рукой, человек становится сильным.

Людей, которые добавляют сахарный песок в готовый мед, я никогда не встречал. Такое мне представляется чудовищным и кощунством. Да в этом просто нет необходимости. Не ленись, удели побольше внимания своим пчелам, и они одарят тебя таким количеством меда, что едва успеешь управиться. Нет, мне трудно представить, чтобы у кого-нибудь поднялась рука на такое. Как такой человек вернется к своим пчелам, как посмотрит на них? Разве можно предать тех, кто помог построить тебе добротный дом, приобрести машину, избавил от многих недугов?

Не только медом одаривают человека пчелы. Никак нельзя обойти вниманием и другие продукты пчеловодства. Маточное молочко. О нем можно говорить и писать бесконечно. Едва ли найдется в природе белок, который сможет конкурировать с ним по своей питательности и целебной силе. Положишь иногда, находясь на пасеке, комочек его под язык и почувствуешь себя так, будто десяток-другой прожитых лет сбросил, будто юность к тебе вернулась. Верьте-не верьте, но недаром же все пчеловоды долгожители. Мне приходилось читать, что на всемирной выставке в Монреале килограмм маточного молочка оценивался в тридцать тысяч долларов. Думаю, комментарии излишни. Ни золото, ни алмазы не имеют такой стоимости.

Но как обстоит дело с производством этого ценного лекарства? О многих килограммах, понятно, речь вести не приходится. Цена за килограмм на ярмарке была определена, надо полагать, чисто символически, условно. В больших количествах это лекарственное средство не могут и пчелы производить. Тем не менее у нас на Кавказе, в Средней Азии и на Украине появились специальные пасеки, рассчитанные на производство маточного молочка. В аптеках теперь можно встретить лекарства, в состав которых входит этот ценнейший продукт жизнедеятельности пчел. Широко используется он в парфюмерии.

Таинственной и необычной силы белок этот пчелы вырабатывают для кормления и выращивания матки. Пчеловод всегда может добыть маточное молочко из собственных ульев. Собирают его обычно по крупицам и каплям пипеткой и сразу же консервируют.

В некоторых странах, в частности в США, Англии, Франции, Италии, маточное молочко многозначительно именуют «королевским желе». Это непревзойденный природный биопрепарат, в котором содержатся все известные аминокислоты, большой набор витаминов, гормональные и многие иные вещества. На 19-м Международном конгрессе по пчеловодству, состоявшемся в 1965 году в Праге, было сделано немало сообщений о многих полезных человеку свойствах маточного молочка, как средства профилактического, так и лечебного характера. С того времени и стали создаваться в нашей стране и за рубежом специальные пасеки.

Клинические опыты показали, что маточное молочко, или «Апилак», как теперь его называют, можно применять при лечении семидесяти болезней. Установлено, что апилак снимает усталость, восстанавливает функции желез внутренней секреции, успешно лечит диабет, оказывает благотворное влияние на деятельность надпочечников и коры головного мозга. Крупные ученые мира, медики расценивают его применение не только как способ восстановления здоровья, но и как фактор продления жизни.

Бывая в Москве, я непременно загляну в уютный зал магазина «Пчеловодство». Там всегда многолюдно. Задержавшись у витрин, рекламных вывесок, я нередко вступаю в разговоры — ведь сюда приезжают пчеловоды-любители со всей страны и им всегда есть чем поделиться друг с другом. Замечаю, что многие покупатели приобретают цветочную пыльцу, или пергу, как ее называют профессионалы. Здесь она продается свободно. Вместе с нектаром пчелы собирают в свои корзиночки и эту пыльцу. Опытный пчеловод по цвету пыльцы может определить, где побывала пчела — в малиннике или на кустах акации, в зарослях орешника или на лужайке с ковром одуванчиков.

Пыльца — еще один источник белкового корма — содержит богатый набор элементов, необходимых для жизнедеятельности растительных и животных организмов. Большинство растений обильно выделяет пыльцу. Один лишь цветок яблони содержит около 100 тысяч пыльцевых зерен, сережка орешника — 4 миллиона, березы — 6 миллионов, а султан кукурузы — целых 50 миллионов тех же пыльцевых зерен. В сосновом лесу даже воздух насыщен пыльцой, поэтому он так и целебен.

Хоть плачь, но на наших лугах и полях, в садах и лесах пропадают тысячи тонн этого ценнейшего продукта. Собрать его некому, у нас не хватает пчел. В народной медицине перга известна как средство со множеством лечебных достоинств. Она благотворно влияет на деятельность кишечника, понижает кровяное давление, увеличивает содержание гемоглобина и эритроцитов в крови, улучшает аппетит и работоспособность. Кроме того, цветочная пыльца может предохранять от кровоизлияния в мозг и в сетчатку глаза, а содержащийся в ней аневрин оберегает нашу нервную систему.

Пчелы — старожилы Земли, и жизненного опыта им не занимать. Во всяком случае, они знают, чем кормить детей и свою родительницу-матку.

О свойствах прополиса, о его целебной силе в народе ходят легенды. По образованию я не медик, не биолог, не химик и не берусь квалифицированно толковать его лечебные свойства. Но некоторыми наблюдениями хотелось бы поделиться.

Случается, в улей к зимовавшим в омшанике пчелам заберется мышь. И ей, оказывается, не чуждо полакомиться медом. Но, проникая в улей, она не знает, что подписывает себе смертный приговор. Пчелы тут же убивают ее. А убрать ее после расправы из улья уже не могут — не хватает сил. И оставить нельзя — она сразу начнет разлагаться. Как же быть? Пчелы и здесь находят выход из положения. Труп мышки они покрывают плотной прополисной пленкой, под которой она лежит, не подвергаясь распаду, полгода, то есть до наступления лета. Впрочем, благодаря прополису она может сохраняться годами. По-видимому, он обладает мощным бактерицидным, антисептическим свойством. Об этом было известно еще древним индусам, быт которых не был оснащен холодильниками. Во время длительных походов, предпринимаемых полководцами и жрецами, необходимо было свежее мясо. Целые туши говядины покрывались перед дорогой прополисом и на протяжении долгих месяцев они могли сохраняться в первозданном виде — даже в условиях страшной азиатской жары.

Пчелы используют прополис для замазывания щелей в улье, сращивания отверстий летка, для полирования ячеек или придания им прочности. Свежий прополис мягок, ароматен и клеек, горек на вкус. Ученые установили, что это сложное органическое соединение, содержащее белок, бальзамы и различные смолы, ряд жизненно важных микроэлементов, эфирные масла. Механизм действия его компонентов сходен с эффектом сильнейших фитонцидов.

Действие прополиса мне неоднократно приходилось испытывать на себе. Если заболят внезапно зубы или заноят, закровоточат десны, достаточно пожевать небольшой кусочек прополиса и эффект не замедлит сказаться. Под его влиянием быстро затягиваются порезы и раны. Дома ли, на пасеке — прополис всегда под рукой. Соскоблишь со стенки улья немного и приложишь на пораненное место — на следующий день и не вспоминаешь о травме.

Мне приходилось несколько раз встречаться с вице-президентом «Апимондии», профессором Олегом Григорьевичем Биляшом. Основная его резиденция под Рязанью, в полутора километрах от родины Сергея Есенина, рядом с Константиновом, где расположен единственный

в нашей стране Институт пчеловодства. В стенах его работают врачи, химики, биологи, ветеринары, агрономы и зоотехники — люди ученые, кандидаты и доктора наук. Институту этому более полувека. Он располагает хорошими лабораториями, имеет две большие пасеки. А своим музеем институт может гордиться по праву. Таких экспонатов не встретишь нигде. Среди них — даже ульи-колоды, принадлежащие царю Алексею Федоровичу и его свите. Сделаны эти ульи искусно, с причудливой фантазией и выдумкой. Богато представлен здесь инвентарь пчеловодов Америки, Франции, Мексики, других стран. Чего стоит спецодежда для пчеловодов! А медогонки, рамки, сами ульи — глаз не оторвать! Насмотришься на эти прекрасные добротные вещи и стыдно становится за нашу, «лучшую в мире» промышленность. Да и не только за нее. Мало любим, мало ценим мы пчел, обворовываем сами себя...

Сотрудники института ведут работу по выведению новых пород пчел, изучают кормовую базу для них, занимаются вопросами внедрения продуктов пчеловодства в медицину, ведут поиски эффективных методов борьбы с болезнями пчел. Болезней у пчел немного, но одна из них едва ли не роковая — это варроатоз, названная по имени открывшего ее ученого Варроа. Весь мир борется с этой болезнью, но пока безуспешно. Появилась эта болезнь и у нас, опустошительным смерчем prošлась по пасекам. Проявляется варроатоз просто и страшно: крохотный, однако видимый даже невооруженным глазом клещ впивается шестью присосками в тело маленькой пчелы и сосет ее кровь. Действовать на теле пчелы могут одновременно два или несколько паразитов, и сбросить их у нее нет никакой возможности, настолько крепко они впиваются в плоть. Долго пчеле, понятно, не выдержать.

Растерялся и лучший пчеловод нашей округи Касыйм-ага.

— Что подумают о нас люди, если погибнет пасека... — тяжело вздыхает он каждый раз при встрече. — Им ведь нет дела до клеща, который разбойничает в улье, они будут думать, что мы бездельничали на пасеке, довели ее до гибели.

В руках у него свежий номер журнала «Пчеловодство». Глядит он на меня исподлобья выжидающе, с надеждой. Что я могу ему ответить, как утешить? Лишний раз заметить риторически, что у человека хватает и своих проблем, что он и со своими-то болезнями справиться не может...

— Нет, ты скажи, ответь мне, ученый человек, — настаивает он. — Что будем делать с этим воровом, с клещом Варроа? Ах, если бы его можно было выкурить из улья!..

Не только нас с ним волнуют эти вопросы. Все пчеловоды Земли думают об этом. Недаром шведская Академия наук обратилась ко всем ученым мира и учредила сразу две Нобелевские премии за решение одной проблемы. Ученые откликнулись на призыв. Работают, ищут и идут по двум направлениям. Поэтому и премии две. Одни ученые стремятся найти эффективное химическое или медикаментозное средство, убивающее клеща, не причиняя вреда пчелам. Вторые идут «биологическим» путем, стремясь отыскать в природе или вывести самостоятельно «хищника», способного уничтожить заклятого врага пчел. По сообщениям печати, поиски ведутся самые смелые и география их необозрима. Вносят лепту и сами пчеловоды, люди одержимые, страстные. Активно выступая на страницах журнала «Пчеловодство», они делятся опытом, предлагают все новые и новые методы борьбы с варроатозом. Медленно, с трудом, но пчелиный недуг отступает. Довольно успешно применяется сейчас индийское средство «Фольбекс» помогает гнать клеща из улья и муравьиная кислота. Потери на пасеках, безусловно, есть, пока что нам некуда от этого деться. Но оптимисты-пчеловоды не унывают и худобно, но каждый год ухитряются брать свое.

Ах, если бы от меня зависело... Я бы детям в школах стал бы прививать навыки пчеловодства. Каких только школ у нас нет! И со спортивным уклоном, и математические, и с усиленной программой иностранных языков. Но ни в одной из школ не учат детей пчеловодству, даже факультативно не рассказывают о нем. Конечно, заниматься музыкой престижней и фигурным катанием — тоже. А если бы с азами наук наши юные граждане постигали азы пчеловодства, я верю, верю, что нашлись бы «мыслящие» мальчишки и девчонки, и если хотя бы каждый сотый из них увлекся этим «благородным занятием» — каким благом обернулось бы это для нашей Родины. А дел для будущих пчеловодов — непочатый край. Сколько открытий их ждет впереди, находок. О поединке с варроатозом уже говорилось. Много и других, непростых и в то же время любопытных, заманчивых проблем. Вот, к примеру, одна из них. Каждый, видимо, наблюдал, как зазимовавшая между рамами муха, едва только станет теплее, просыпается от зимней спячки. Но стоит опять снизиться температуре воздуха, как она снова переходит в состояние анабиоза. Таким образом она спокойно, бесхлопотно прово-

дит зиму, не боясь холода, сырости или бескормицы. Догадываетесь, какая это заманчивая идея — в состояние анабиоза ввести пчелу! Эту идею около ста лет назад высказал известный ученый П.И.Бахметьев, физик, биолог, экспериментатор. Ему даже удалось ввести в состояние анабиоза, а затем и вывести из него летучую мышь. Позднее он разработал термоэлектрический термометр для измерения температуры насекомых. На пчел, как видно, не хватило жизни, умер он сравнительно молодым. Трудно даже представить, как важно было бы продолжить работу Бахметьева в применении к пчеловодству. Миллионы пчелиных семей, находясь в состоянии зимней спячки, могли бы до весны обходиться без ухода и корма. Развернуть такой поиск — разве это не романтика для будущих пчеловодов.

Мы живем в эпоху компьютеров и лазера, космических полетов и искусственного сердца — и отдаляемся от природы, от ее великой мудрости, от ее животворящей силы. Если бы я только мог, то постарался сделать так, чтобы шахтер и хирург, кибернетик и астронавт, дипломат и политик — люди всех профессий — стали бы хоть немного пчеловодами. Если бы я только мог...

Любимое дитя природы

У меня беда. На этот раз мне достался щенок... На вид очень симпатичный, ласковый, лопоухий песик с небесно-голубыми глазами. Только очень уж стеснительный. Вместо того, чтобы громким лаем встретить любого чужого человека, он его просто побаивается. Увидев чужого во дворе, тут же бежит в свою конуру, забивается в угол, даже свои небесно-голубые глаза закрывает лапами. У меня самый крайний дом на улице, большой сад, хозяйство. Народ-то теперь, особенно мальчишки, сами знаете. А мы целый день на работе. Настоящего охранника, неподкупного волкодава надо было нам в дом. Но что теперь делать с этим олухом? Впрочем, назвали мы его Дурткюзом. Очень поэтичное имя. Так окрестили его мальчишки, которые его-то мне и подсунули. Раз уж такой уродился, не выгонишь же. Нет, не хочу кривить душой, было у меня такое желание — пытался его прогнать. Опускал на все четыре стороны. Куда там, за калитку даже шагу не сделал. Бегал по саду, носился по двору и как ни в чем не бывало снова возвращался в свою конуру. Вот так и живет он у меня. Ни на кого не лает, ни с кем не конфликтует. Сладко спит, с аппетитом ест. Плохо ли?!

Но и я привык, вернее, махнул рукой. «Пусть живет, авось и образумится, чем шайтан не шутит», — думал я. Да и натура наша человеческая так устроена, и это, по-моему, замечательно, в будущее мы всегда смотрим с надеждой. А как же иначе-то?!

Так и живет у меня Дурткюз на полном довольствии и в свое удовольствие. Горя не знает. Причем, губа у него не дура. Со страшной силой любит блины со сметаной. А такие блины его хозяину лишь по воскресеньям и по большим праздникам полагаются. Да, такие вот дела.

На дворе уже вторая половина зимы. Мой Дурткюз при самых загадочных обстоятельствах ежедневно начал куда-то исчезать вместе с ошейником и цепью, поздно вечером возвращаться без ошейника и цепи. Каждое утро, вернее, вечером я его вновь сажаю на цепь. Прихожу с работы, его снова нет. Так продолжалось дня четыре. Сегодня — суббота, я дома. Ночью выпал обильный снег. Я во дворе снег убираю. Дурткюз сидит на крыше конуры и с удовольствием греет свою глупую морду на февральском солнце. Тут кто-то кинул в меня ком снега. Что это, или мне только показалось? Смотрю по сторонам — вроде никого нет. У самых ног вновь упал ком снега. И тут из-за сарая встает юнец лет пятнадцати-шестнадцати. В таких случаях обычно говорят: вся биография его на лице написана — глухой, немой и... Таких мы с одного взгляда признаем, на таких всегда с сожалением смотрим, по отношению к ним стараемся быть милосерднее. Кажется, не раз я видел его в городе. Наш паренек. Он улыбается мне по-дружески, ждет, что скажу, как приму.

— Ах, это ты, разбойник, со мной так шутишь, — и погрозил ему пальцем. — Проходи, давай, проходи.

Я сразу догадался, в чем тут дело. Приход его был связан с бестолковым Дурткюзом. Ведь рыбак рыбака завсегда видит издали. И Дурткюзу не узнать. Увидев этого паренька, он прямо заплясал от радости. А этот таинственный юноша, увидев доброжелательность с моей стороны, смело подошел к Дурткюзу и обнял его. В этот момент на моих глазах произошла встре-

ча. В этом злом, хитром и расчетливом мире встретились два обиженных умом существа. Взаимную их тягу друг к другу скрыть было невозможно. Я не стал им мешать. Лишь спросил:

— Как тебя, малец, зовут? Кто ты? Иван, Джон, Чарли, Ахмед?

В ответ он только головой мотает.

— Тогда как же? Тогда — Муму ты! Вот кто ты, хотя нет! Муму это у Тургенева. Давай тебя назовем Муму-хан. Так даже солиднее будет. Пойдет?

Юноша кивнул головой, дав свое согласие. Отныне для меня он стал Муму-ханом.

— Ты совсем не разговариваешь, Муму-хан? — спрашиваю его.

Мотает головой. Значит, нет.

— Что, не умеешь говорить?

— Не умею, — кивает.

— Плохо. Очень плохо! — говорю. — Но ты понимаешь, что я тебе говорю?

— Да, понимаю, — утвердительно кивает в ответ.

— И это ладно, — делаю для себя заключение, — Ты есть хочешь? — спросил его. Он лишь плечами пожал, мол, если дадите что-нибудь пожевать, не откажусь. Где уж там отказаться. В этом возрасте все подростки о еде только и думают. В любое время суток.

Вынес ему добрый кусок бутерброда с колбасой и сыром. Теперь-то я окончательно понял, кто уводил Дурткюза. Сейчас же я Муму-хана предупредил, что поиграть с Дурткюзом можно. Это я позволяю.

— Но больше не развязывай и не уводи.

Он кивнул, что все понял. Закончив свои дела во дворе, я вошел в дом. Но через некоторое время смотрю, Дурткюза моего снова нет на месте. И вернулся он вновь поздно и снова без ошейника. Я уже понял, что Муму-хан завтра обязательно придет. Куда же ему деваться? В моем глупом Дурткюзе, видать, нашел себе верного друга. Дурткюз не лает, не кусает, а кривляться, паясничать — ему только позволь. Вот и привязался этот одинокий парнишка к нему.

А Дурткюза я снова посадил на цепь, прикрепил к цепи замок с довольно сложным устройством. На другое утро Муму-хан опять пришел. Дурткюз встретил его радостным лаем и бешеной пляской на крыше своей конуры. Муму-хан, воровато оглядываясь по сторонам, почти на цыпочках подошел к конуре.

Убедившись, что дома никого нет, он тут же взялся за замок. Я за всем этим наблюдаю из окна. Абитуриенты при вступительных экзаменах, думаю, меньше тратят энергии, чем этот несчастный подросток, ломая голову над раскрытием секрета моего замка. Так и эдак крутил он его. Прозрачные сопли ровной струей потекли из его курносого носа. В эти минуты мозг его работал с полной нагрузкой. Но, вижу, ни за что ему не открыть замок. Не разгадать ему секрета. У меня, у глупого, даже на душе радостно стало.

— Шиш ты его раскусишь, уважаемый Муму-хан! Знай, это наших рук работа!

Отошел от окна, занялся делом. А через некоторое время смотрю — ни Дурткюза, ни Муму-хана. Однако интересно, куда же он уводит моего Дурткюза? Если хочет взять его к себе домой, почему не возьмет, не оставит у себя? Дурткюз каждый вечер возвращается вновь.

А дело дошло до того, что я вошел в азарт. Каждый день, придя с работы домой и видя сорванную цепь, я с новой яростью начинал клепать самые замысловатые по сложности замки. Можно, конечно, поставить такой замок, что сам шайтан не откроет. Мне же хотелось поставить именно такой, чтобы Муму-хан до седьмого пота в мозгах мучился, но непременно бы смог его открыть. Если пойти по пути злого умысла, трудно ли поставить в тупик совершенно неразвитый, отсталый мозг бедного юноши. Нет, такой цели я себе не ставил. Словом, пока наши отношения развивались по восходящей линии, два обиженных Аллахом существа любили друг друга — ну и пусть. Кому от этого плохо? Но в конце концов были израсходованы все мои поясные ремни. Ошейников-то я сколько уже переделал?..

Скоро мне такая игра поднадоела. На мой вопрос: «Где старый ошейник, где цепь?» Муму-хан лишь молчал. Видимо, он их выкидывает. Не стукнешь же его за это по и без того пустой голове.

* * *

На дворе весна в разгаре. Начался отлов бродячих собак. В каталажку может загреметь и наш Дурткюз. Ему никак нельзя без ошейника. Еще со студенческих лет, как память о незабываемых восхождениях на горные кручи Кавказа, я хранил свой альпеншток, страховочный реп-шнур и схватывающее намертво кольцо-карабин к нему. Это была очень дорогая реликвия для меня. Но ничего другого не осталось, как посадить на время Дурткюза на реп-шнур с кольцом-карабином. Я крепко предупредил Муму-хана. Перед носом пальцем помахал и кулак дал понюхать.

— Хорошо, хорошо,— кивал он мне головой, обещал Дурткюза не уводить. Лишь два дня он держал слово. А на третий день прихожу с работы, Дурткюза опять нет.

Через сутки Муму-хана — обманщика и предателя — я встретил в очень возбужденном состоянии. «Пошутили и хватит. С треском выгону со двора, чтобы духу его здесь больше не было», — подумал про себя. В это утро он недолго заставил себя ждать. Нахально улыбаясь, как ни в чем не бывало прошел мимо меня, подошел к Дурткюзу. А наш олух-то как рад. Как полковой барабанщик обеими лапами барабанит по крыше конуры. Пошел какой-то совершенно мне непонятный бессловесный диалог между ними. Муму-хан мягко и тихонько гладит Дурткюза по голове, а тот уже тянется к нему с поцелуями. Соскучились, поди, за ночь. А мне наплевать на все это: что я — президент общества милосердия или защиты животных? Нет вот теперь ни реп-шнура, ни кольца-карабина. А как я ими дорожил. С ними связано у меня столько приятных воспоминаний!

Взял я прутик, подвернувшийся под руку, и стал гнать со двора этого нахального типа. Нет, не уходит. Закатил свои карие глаза. Думал, что испугается. Куда там? Сидит на пенечке возле конуры, хоть бы что. Не боится меня нисколько. Пришлось раза три полоснуть по спине прутиком. За это я тоже дорого не возьму. Когда надо, характер у меня бывает тверже камня! Правда, на нем ватная фуфайка, мои удары для него — укусы комара. Но совесть или чувство оскорбленной гордости в нем все-таки есть. В глазах этого молчуна появились две крупные слезы. Они, как ртутные шарики, вначале упали на рукав его телогрейки, а оттуда прыгнули на снег.

А я доволен. Очень хорошо! Пусть поплачет. Пусть даже рыдает, обманщик. Прогнал я его со двора, кулак даже показал: чтоб твоего духа здесь больше не было. Петушился я тогда вволю. Хотя знал, что он опять придет. Видел, как далеко зашла их дружба с моим псом: теперь они просто жить не могут друг без друга. У них любовь взаимная! И я уже отошел. Черт с ними, с этим реп-шнуром да кольцом-карабином. Цари империи, свою государственность теряли, жили же!

Но прошло больше недели, а Муму-хана все нет. Неужели так сильно обиделся? Или случилось что? Я ведь такой: сегодня горячку порю, на выстрел не подходи, а на другой день каюсь, на колени встаю, места себе не нахожу. И тут я начал себя прорабатывать. Зачем ты его прогнал? Что тебе, жалко было твоего глупого пса-дармоеда? Спроси себя, на кого ты поднял руку. На того, кто богом обижен, кто не может защитить себя, не может дать тебе достойный отпор?

— Нет, старик, очень дурно ты поступил! — повторял я себе неоднократно.

Ничего другого не осталось. Пошел в город искать Муму-хана. Хорошо еще, если найду.

Не сразу нашел его дом. К сожалению, таких юношей в городе нашем, оказывается, немало. Не результат ли это нашей бездумной, безбожной, аморальной жизни. В природе так: за все приходится ответ держать. Долго я ходил по закоулкам города, пока мне не показали на пятиэтажный кирпичный дом, крайний подъезд, второй этаж с балконом. Далек он от меня живет, почти в противоположном конце города. Поднялся на второй этаж, с волнением нажал на звонок. Дверь мне открыла очень милая пожилая женщина в теплом байковом халате. Растерялась, увидев в дверях представительного мужчину в шляпе и с дипломатом в руках. Когда надо играть в солидность, это я делать тоже умею. Но сейчас даже самому стало неудобно. Спросил, здесь ли живет такой-то джигит.

— Да, да. Здесь он живет. А что он натворил?

— Ничего такого он не натворил, на этот счет не беспокойтесь. Он дружит с моей собакой...

— Да, Рево наш очень любит собак. С детства. В прошлом году одна собака его сильно укусила. Потом мы его месяц на уколы водили от бешенства.

— А вы кто ему будете? Мать?

— Нет, нет. Я им совершенно чужой человек. Рево и его мать в спальне. Уже спать легли. Если надо, я их сейчас подниму.

— Может, не надо? Я лишь хотел было узнать, не принес ли он домой капроновый шнур с железным кольцом?

— Я не видела. Он домой ничего не приносит. Он часто приводит домой голубоглазую собаку рыжей масти. Мне кажется, этот песик тоже, как и наш Рево, тихонький, молчаливый. Не лает, не кусается. Посидят они в коридоре в обнимку часика два, потом выгоняем. Оставить собаку в доме ни в коем случае не разрешаем. Нам одного Рево достаточно...

Тут, услышав наш разговор, из другой комнаты вышла средних лет женщина. За ней в майке и трусах появился и Муму-хан. Увидел меня, во взгляде ни обиды, ни злобы. Лишь улыбнулся по-королевски, высокомерно. Этой своей улыбкой он меня чуть с ног не свалил. Мне было страшно стыдно. Вот и говори после этого, что он debil, что он «отсталый» в своем умственном развитии.

— В чем дело?! Что наш Рево натворил? — спросила эта женщина, видимо, мать Муму-хана. Она сильно картавила, говорила с каким-то непонятным акцентом.

— Не беспокойтесь, он ничего не натворил. Он дружит с моей собакой. А вот последние десять дней я его что-то не вижу. Не приходит. Зашел к вам узнать, не случилось ли что?

— У него зуб болел. К врачу его водила, — ответила она.

— Да вы не стойте в дверях, проходите, — пригласила меня открывшая дверь женщина. Я прошел в зал, где мне предложили место на диване.

— Рево у меня молодец, — продолжала мать. — Он чужую соломинку домой не принесет. Нам чужого не надо. Мы так его учим.

— Да, хороший он парень, — добавил я. — Иногда я вижу, дразнят его мальчишки, а он в ответ их пальцем не трогает.

— Дразнят, очень сильно дразнят, — продолжила мать. — Мне предлагают отправить его в дом инвалидов и сирот. Но пока я сама жива, его никому не отдам. Квартира у меня хорошая, пенсию получаю, да еще в подъезде убираю. На Рево нам дают сорок рублей. Все у нас есть... Чего еще надо? Живем мы хорошо и о лучшем не мечтаем.

— Что делать, раз уж так получилось, — тяжело вздохнув, добавила мать. — Видите, сама я какая кикимора. Один глаз у меня стеклянный и другой тоже лишь чуть-чуть видит. В детстве оспу с осложнениями перенесла, скажите, кто на такой инвалидке женится? На улице красавиц полно. А ведь каждому свою семью создать хочется. А могла ли я об этом мечтать? Как утешение и радость на старости лет захотела ребенка занять. Угловым жильцом пустила Гришку-пьяницу. Может, и помните, на колхозном рынке сапожником сидел, хромой черт! Без роду, без семьи. — Там и каблуки подбивал, там и спал. Вот от этого пьянчуги и родила я Рево...

Женщина вдруг вскочила. Подошла к образу Пресвятой Троицы в углу зала, опустилась на колени.

— Прости, Господи, меня грешную. Что я говорю-то? Гришка мне ведь родной муж. Забыла, что грешно говорить плохо о покойниках. Господи, дай ему царства небесного...

— И сигарет ему, «Примы», вдоволь! — добавила другая женщина в плотном халате. — Ох, и курил же он, Гришка-то наш. Четыре пачки в день едва хватало.

— Вот и тетя Нюра у нас есть. Мы без нее как дети в темном лесу, — указала мать Рево на женщину, которая мне открыла дверь.

— А вы кто им будете? — спросил я ее.

— Почти никто, — ответила она. — Моя судьба — это самый толстый роман в литературе. Только его писать некому. Я — бывшая учительница. Сорок с лишним лет в младших классах проработала. Сейчас вот на пенсии, двенадцать лет уже. Муж мой погиб на фронте. Я с тремя детьми осталась. Старший умер. Дочь и сына вырастила. Дочь давно замужем, сын женат. У дочери муж пьет, у сына жена больна. Не хочу расстраивать их жизнь. Лишь бы сами счастливо жили. А я живу здесь.

— А самой вам разве квартиру не дали? Вы же трижды заслужили? — спросил я.

— Знаете, дело не в этом. Мне квартиру хоть сегодня дадут. Муж мой был офицером, погиб при выполнении ответственного задания командования. За него мне квартиру военкомат дает. Дважды вызывали. Но я отказывалась. Зачем она мне? Одной мне жить нет желания.

Часто болею. Дорого не возьмут, из-за квартиры зайдут и убьют. А тут мы втроем, квартира у нас большая, две комнаты. Вера наша, мать Рево, женщина, очень любящая чистоту. Ни над, ни под шкафом у нее соринки не найдешь. И Рево наш всегда чисто и опрятно одет. Живем мы хорошо и мирно.

Тетя Нюра кивком головы показала на Рево. Он тут же, рядом со мной на диване. Жует пряник, несмотря на то, что щека его распухла до невероятных размеров.

— Три дня бедный мучился, ничего не ел,— сказала мать, потрепывая его по голове.

— Удалили ему зуб-то? — спросил я.

— Удалили, удалили,— ответила мать.

— Кричал?

— Нет, не кричал. Только стонал. А ведь до пяти лет он у нас разговаривал,— продолжала мать.— Гришка, разрази его гром, виноват. Они с отцом на балконе сидели. Гришка вдрызг пьяный. Еще денег на поллитра требовал.

— Убью всех, зарежу, дай денег! — грозился. Совсем распахивался. А тут еще Рево плачет. Гришка поднял его и говорит: «Если только пикнешь, сброшу с балкона».

— Вот и замолк ребенок.— Со страху он дар речи потерял,— пояснила тетя Нюра.— Вот с того дня он хоть бы словечко произнес. На все случаи жизни или утвердительно кивает, или отрицательно головой мотает.

А Рево слушает да ест. Уже никак шестой пряник исчез во рту.

— Рево, ты можешь хоть слово сказать? — спрашиваю его. Он отрицательно машет головой.

Вот какая тут трагедия. Со стороны посмотришь — все хорошо. Перешагнешь порог — в каждом доме горе, в каждой квартире несчастье. А в душе я еще сильнее начал ругать себя. На кого ты поднял руку, кого ты обидел? Похлопал Рево по плечу, обнял. И здесь я почувствовал, как ему хочется мужской ласки, любви. Он ее так давно не видел. Он как-то очень уж доверчиво положил голову на мою грудь, прижался как-то нежно, доверяясь. Кажется, он меня простил. Был доволен, что я его нашел, пришел к ним. Все было в этом жесте. Вот и говори после этого, что он ничего не понимает.

Вылечив свой больной зуб, Рево вновь начал ко мне приходить. Ничего он у меня не трогал, хотя и мастерская моя и сарай были открыты. Кроме нашего глупого Дурткюза его ничто в мире не интересовало. А что бы снова не произошло конфликта из-за ошейников и цепей, я просто-напросто развязывал и отпускал Дурткюза. Они вдвоем убежали в парк, за моим домом. Потом я терял их из виду. Лишь поздно вечером усталый, но радостно-возбужденный Дурткюз возвращался с прогулки. Он подбегал ко мне и довольно бесцеремонно целовал мою руку. Это в знак благодарности за то, что я его отпускал на прогулку с другом.

— Уйди от меня, предатель четвероногий,— ругал я его.— Чего не терплю, так это подхалимаж. Сердце твое принадлежит Муму-хану. Я тебя кормлю, пою, а любишь ты его. Ну и шайтан с тобой, люби. Только не подхалимничай!

После этих слов Дурткюз, понимая свою вину, понуро опустив голову, шел к своей конуре и безучастно позволял сажать себя на цепь.

Муму-хан физически хорошо развит, сильный парень: в отца пошел. Гришка, царство ему небесное, здоровый был мужик. Я поставил себе задачу — сколько-нибудь да приучить его к физическому труду. Но он ничего не хотел делать. Даже презирал труд. И понятно. С малых лет его ни к чему не приучили. А мать только жалела его, кормила любовью, но в ответ ничего не требовала. Однажды я ему дал денег, попросил сбежать в магазин за хлебом. Отказался, не пошел. Не любит он трудиться. Я в саду рублю старую смородину. Муму-хан сидит недалеко от меня и безучастно наблюдает за моей работой. Перед этим только я угостил его добрым куском хлеба с маслом и медом. Время от времени он с удовольствием срыгивает. Подзываю его к себе, даю топор: держи! Руби, как я! Он машет головой, отказывается. Руби, раз сказал. Показываю, как надо рубить. Берет топор, начинает рубить. Получается. Он радостно хохочет. Я хлопаю его по спине.

— Молодец, Рево! Из тебя выйдет толк! — говорю и вижу, ему нравится, когда хвалят. Еще бы! Кто не любит, когда его хвалят. Это любит не только Муму-хан...

В другой раз дал ему молоток, показал, как нужно забивать гвозди. Вначале тоже, как упрямый бычок, категорически отказывался, фыркал, головой мотал, плевался. Рево, ты посмотри на себя, какой ты большой и сильный,— хлопаю его по спине. Ты же у нас парень что надо. Кто знает, как сложится твоя судьба в дальнейшем.

Не знаю, насколько были понятны ему мои мысли. Но я старался изо всех своих сил. Дикого медведя за три месяца можно научить ходить по канату. А это же человек! Пусть даже с неразвитыми умственными способностями. Даю ему молоток, показываю, как надо забивать. Забью сам гвоздь, а потом в восторг играю. Это он видит и понимает. Потом молоток сую ему в руки. У него тоже получается. Ни разу по пальцам себе не стукнул. Забьет гвоздь и хохочет. Потом он вошел в такой азарт, что весь стол в саду забил гвоздями. Тут уж я сам виноват. Оставил перед ним целое капроновое ведро с гвоздями. Вот он и старался. Стол он мне испортил основательно, но сам я рад до ушей: педагогика.

Я все пытаюсь его разговорить. Ведь до пяти лет он разговаривал. Пока мать его и тетя Нюра живы, ему никакие заморозки не страшны. Он живет как у Христа за пазухой, на всем готовом и без всяких забот. Но ведь никто не вечен. Случись с ними что, Муму-хана отправят в дом инвалидов и сирот. Каково ему будет там, среди таких же несчастных? Где тут ключ к его душе? Ведь дело здесь лишь в психологическом барьере. Сильно напугали паренька, и он замолк навсегда. Любыми путями пытаюсь его разговорить, но бесполезно. У меня опускаются руки. Ни звука не произносит. Однажды его курносый нос укусила пчела. Тут бы разреветься на всю округу. Он ни звука.

— Что, у тебя даже нет нервов? Даже боль не ощущаешь? — говорю ему. Бестолковый Дурткюз, не в меру проявляя свою любовь к Муму-хану, царапнул его в бровь. А когти-то у него, что лезвие ножа. Пошла кровь. Пришлось позвать на помощь соседку-медсестру. Рану промыли марганцовкой, две скобки поставили. Он опять ни звука.

Но я тоже человек с характером, даже настырный. Пристал к нему в буквальном смысле.

— Скажи «Мама!», Дурткюзу с цепочкой дам тебе прогулять, — требую... — Не скажешь, не дам.

Машет головой. Не может, значит.

— Тогда скажи «Ма!»

Опять головой машет. Не верю я тебе, Муму-хан. Обманщик ты. Ты же вот таким еще маленьким разговаривал. А теперь посмотри, какой ты добрый и славный парень. Джигит настоящий. Посмотри, как люди между собой разговаривают, очень легко общаются и как им хорошо. А ты вот молчишь, как этот пень или как этот камень. Если не скажешь «Ма!», я тебе Дурткюзу прогулять не дам. Скажешь — пожалуйста.

Молчит Рево. Глухая стена.

— Хорошо, Рево. Завтра скажешь. Скажешь?

Он машет головой, обещает.

На другой день я начал любовую атаку. Что ты мне вчера обещал, Рево, помнишь? Так вот, разговор с тобой короток, скажи «Ма!» и бери поводок. Нет — и поводка нет. И Дурткюз просит его об этом. Гав, гав! Ну, скажи, скажи, гавкает. Пляшет, юлой крутится, на прогулку просится.

— Мэ-мэ! — произнес он с трудом, но, видать, очень не по душе ему это усилие над собой. Опустил голову, косится на меня не в добром выражении лица. Но это победа, куй железо, пока горячо! Я дальше наступаю.

— Это что за мэ-мэ? Ты что, корова или коза? Они только мэкают. Скажи мне красиво и отчетливо «Ма-ма!» — требую.

Машет головой, не может. Даже глаза зажмурил. Губы сомкнул, рот свой закрыл надолго.

— Не можешь, так не можешь. Остановимся пока на достигнутом. Но ты, Муму-хан, молодец! — хлопаю его по плечу, показываю, что я им доволен. После двенадцатилетнего молчания он первый раз в жизни произнес слово «Мэ-мэ». Это уже неплохо. Этот день должен стать переломным. Должен Рево разговориться.

— Но ты все понимаешь, Муму-хан, что я тебе говорю? — спрашиваю его еще раз.

— Понимаю, — кивает головой.

— И хорошо слышишь?

— Слышу, — кивает.

Тогда в чем же дело? Разговорись! Давай сыграем с тобой в шашки. Нет. Лучше в карты. Научу тебя в картишки играть. Оставлю тебя пару раз в дураках. Щелбанов насажу в твой узкий лоб, тогда ты, небось, заговоришь. Не хочет. Головой мотает. Но как его заставить разговориться? Какими путями и способами дальше на него воздействовать? Может, какому-нибудь известному врачу его показать? Или просто, клин клином вышибают, напугать его сильно еще раз? А как это сделать? Кто знает, чего он боится?

Вопросы, вопросы... Как много я их себе задавал. И тут еще у меня такая неудача. В обычную лотерею выиграл «Запорожец». Этих хлопот только мне и не хватало. Вначале даже не поверил. Поехал в сберкассу, все верно. Выписали чек, поехал на базу. С соседом Азаматом пригнали его во двор. Однако вначале у меня было желание отдать этот «Запорожец» кому-нибудь. А так, смотрю, очень симпатичная, аккуратная машина. И цвет приятный. По паспорту цвет пятисотый какой-то, по нашему — светло-голубой. В общем, хорошая машина.

— И бензина совсем мало ест, на сто кэмэ полведра, — с хвалой отозвался Азамат. Тут уж как не вспомнить почтенного Остапа Ибрагимовича Бендера. «Машина — это не роскошь, а способ передвижения», — любил он повторять. Если на сто кэмэ ест всего лишь полведра бензина, почему не оставить ее у себя? Но теперь ей надо построить дом, то есть гараж. Держать автомобиль под открытым небом просто жестоко и неуважительно. Хотел было в кооператив строителей обратиться.

— Что, у вас деньги лишние есть? — категорически возразила подружка жены Джамиля. Ей моя жена никогда не возражает. Ей вообще никто не возражает. Знают, чем это может кончиться. — Если у вас лишние деньги, лучше отдайте их мне. Я найду им достойное применение. Никаких кооперативов! Гараж построим общими усилиями и не хуже кооперативов. Совместная работа на благо одного из членов нашего содружества еще сильнее свяжет, сблизит нас, укрепит дружбу.

Джамиля-ханум обладает силой магического воздействия на окружающих, ей трудно возразить. С ней обычно только соглашаются. И вот в одно солнечное воскресенье все наши семейные друзья собрались на субботник по кладке гаража. Конечно, не без небольшой доли кофты. Если я выучусь на шофера и буду водить этого красавца, то всех их должен буду возить в лес на всякие пикники и шашлыки. Кабала не простая, но я дал согласие. Видно еще будет...

Джаудат Булатович, зовет жену ее просто Аджикой. Если учесть, что аджика очень острая кавказская приправа, то он наверняка знает, за какие достоинства величает свою жену именно так.

Но сама Джамиля-Анджела-Аджика-ханум даже этим поэтическим и нежным сочетанием слов не совсем довольна.

— Я не Аджика, я магма! — бьет она себя в грудь. — Я — раскаленная магма кратера вулкана Этна в семь тысяч градусов по Цельсию. Горе тому, кто с этим не хочет считаться!

Пришли бездетные Бикбаевы: Расуль и Кадрия-ханум. Оба геологи. Это очень солидные и сказочно богатые люди. Три поездки по три года каждая в страны Востока, конечно, кое-что значат: у них и машина иностранной марки, единственная в нашем городе. А Кадрия-ханум все еще под впечатлением этих поездок. Она при разговоре каждое свое предложение начинает со слов: «У нас в Багдаде...» или «У нас в Кабуле...», «У нас в Лондоне сейчас это не так модно».

Говорят, богатство, независимое положение в обществе — портят людей. Портят они, наверное, духовных уродов, но не настоящих интеллигентов. Бикбаевы еще пятнадцать лет назад были нашими близкими семейными друзьями. С годами мы начали дружить еще сильнее. Тяга к близкой дружбе с их стороны проявляется особенно активно...

...Тут же под ногами с утра крутится и Рево — Муму-хан. Но где же ему еще быть, если не здесь? У него на лице саркастически-ироническая улыбка. Я уже говорил, трудиться и работать он не любит. Обычно он к нам приходил в новенькой форме лесника-егеря, в форменной фуражке с кокардой. Видимо, какой-то родственник-лесник снабдил его такой одеждой. А сегодня пришел в форме афганца-десантника. Видимо, подарок соседа. На голове у него лихо сидит синяя беретка. Впрочем, она ему очень идет. Под кителем виднеется тельник в полоску. На ногах сапоги с короткими голенищами. А на груди даже значок парашютиста. Наш Муму-хан сегодня настоящий десантник. Ходит тут, красуется. Но помочь в кладке кирпича не хочет. Хоть бы один кирпич подал. Когда его просят, лишь ухмыляется. Руки в брюки, грудь нараспашку. Личиком бог не обидел, красивый парень. Только вот работать не хочет. Это ему не по нутру.

Тут же под ногами бегают и мешают нам пятилетний сын Джаудата и Джамили Курбановых крепыш Арслан. Вероятно, умственное развитие Муму-хана на уровне пятилетнего Арслана. Кто знает? Он на своем игрушечном самосвале то кирпич папе подвезет, то песок для раствора.

Рево с Арсланом быстро нашли общий язык и начали играть вдвоем. Вскоре на этом игрушечном самосвале и Муму-хан подвез один кирпич. Но вторая рука его все еще в кармане брюк. А на лице ирония...

* * *

После полуторачасовой добросовестной работы мы сели за первый легкий завтрак. Под черемухой, растущей тут же рядом, постелили брезентовый тент, клеенку. Вафиря-туташ достала свой фирменный пирог. Бикбаевы принесли вкусное домашнее вино. В таком артельном застолье оно было тоже кстати.

Рево тут как тут. Выбрав себе более удобное место, он опустился на колени — порубать он всегда готов. Рядом с Вафирей вон какой статный сидит. Еще глазами стреляет, умрешь. Парень же! Росту в нем не меньше метр семьдесят. Китель на нем пятьдесят второго размера, сапоги — сорок первого.

— Ну, ты, маркиз Юноша-дэ-Биль,— обратилась к нему Джамиля-Анджела-Адджика-Магма-ханум,— «а ля Вак-Бялишь с изюмом энд урюком» будешь есть?

Рево утвердительно закивал головой. Чтобы его правильно поняли, пальцем показал на пирог. Тут он старается.

— Юноша-дэ-Биль, ты сказала? — переспросил свою жену Джаудат Курбанов.— Ты, Адджика, подумай хоть раз в жизни, что ты говоришь? Разве можно так унижать человека?

— Я этого охломона, бездельника, дармоеда, грызуна и вредителя сельхозпродуктов назвала маркизом! И это некоторым показалось оскорблением? — шлепнула по бокам Джамиля-ханум.— Вот уж не думала, что его обижу. Назовите меня хоть раз маркизой Анджелой, на всех профсоюзных собраниях за вас заступаться буду. Никому в обиду не дам.

С Джамилей бесполезно вступать в дебаты. Она рождена для них. Это ее хобби. Она любого посадит в лужу.

— Маркиз Юноша-дэ-Биль, дать вам бялиша? — вполне серьезно обратилась к нему и Вафиря-туташ. Муму-хан радостно кивнул головой.

— Ты все слышишь, все понимаешь, друг, маркиз Юноша-дэ-Биль. Почему же ты не разговариваешь? — спросила она его. Но молчит Муму-хан.

— Ничего! Вот увидите, он у меня обязательно заговорит! — Анджела-ханум ткнула сверлящим пальцем в грудь Рево. Рево съежился, а потом захохотал.— Ах ты, маркизенок, еще и щекотки боишься! Тогда я пощечу твои нервы, будь готов! Караул заставлю кричать.

— Ты это можешь. Ты холодный камень заставишь заговорить,— сказал как бы между прочим Джаудат.

— Если это комплимент, в свой адрес принимаю охотно,— ответила тут же Джамиля.

— Конечно, комплимент! — поддержали мы ее мужа.

— А вот у нас в Багдаде...— включилась в разговор Кадрия-ханум, — был один геофизик-молчун. Бывало, за день ни одного слова не вымолвит.

— Ты про Костю Савельева говоришь? — спросил жену Бикбаев.— Но, заметьте, достаточно ему было принять сто граммов шнапса или бренди, потом его громкоговорителем не перебьешь.

— Вот как раз об этом я и хотела сказать,— добавила Кадрия.

— А может, и нашему Маркизу Юноше-дэ-Биллю влить в рот стакан нашего доброго вина? — обратился к Бикбаеву Азамат.— Вреда, наверное, не будет?

— Тяпнешь с нами маленько? — спросил он Муму-хана вполне серьезно.

Рево отрицательно мотнул головой.

— Я предлагаю силком влить ему в рот эту жидкость,— сказал после некоторого раздумья Джаудат Курбанов.— Надо же снять с него этот чертов страх. Ему же на пользу. Каково на этот счет мнение ученых?

Этот вопрос он адресовал Расулу Бикбаеву. Он кандидат геологических наук, вот-вот защитит докторскую.

— В таких случаях наука идет на определенный риск,— сказал будущий доктор.— Когда нет других вариантов...

— Это уже насилие над личностью! Оно запрещается рядом международных конвенций и договорами. Ни в коем случае нельзя этого делать! — предупредила всезнающая Джамия-ханум. Джаудат Курбанов развел руками — пусть тогда ходит молчуном.

* * *

После легкого завтрака работа вновь закипела. Молодец Азамат. Мастерок в его руке играет, как волшебная палочка. Он и кирпичи успеваешь класть и нас подгоняет. Тут у нас никто без дела не стоит.

Постоянные подшучивания над «Маркизом», шлепки по плечу и по мягкому месту, чтобы под ногами не мешал, кажется, заделали за живое Муму-хана. Вдруг он подошел к «тачке», взял лопату и начал грузить в нее песок. Мы глазам своим не поверили, получается это у него неплохо. Нагрузил полную тачку, поправил съехавшую на бок беретку, подтянул армейские брюки, плюнул на ладони. Взялся за ручку и приподнял тачку. Она оказалась перегруженной, Рево не рассчитал, потерял равновесие и чуть не перевернул ее.

— Уйди, дармоед несчастный, грызун бесхвостый. Не можешь, а еще за тачку берешься! — с такими словами оттолкнула его Джамия. — Тебе вон с моим Арсланом только лишь тягаться. Переросток недоношенный, тьфу!

Ох, и заделали, видно, Муму-хана эти слова Джамии. Дебил не дебил, а ведь в его груди бьется здоровое человеческое сердце. Сердце джигита. Муму-хан тоже довольно бесцеремонно оттолкнул Анджелу и вновь взялся за ручки тачки.

— Я са-ам! Я са-ам! — с хрипом выдавил он из себя.

— Я са-ам, я са-ам! — передразнила его Джамия-ханум. — Куда тебе, доходяге, дармоеду бестолковому!

— А туда же, куда и тебе! — и очень неумело, раскачиваясь из стороны в сторону, повез тачку на пяточок, где мы месим раствор. При этом он с юношеским азартом добавил:

— Уйди с дороги, задавлю!

Мы только потом пришли в себя. Наш маркиз Юноша-дэ-Биль после двенадцатилетнего молчания, наконец, заговорил. Вначале мы сами чуть дар речи не потеряли, челюсти, конечно, отвисли. Анджела успела всем сделать жест, что ничего особенного не произошло. Она умная женщина, решила тут же усилить дозу психологического воздействия.

— Ай да молодец наш Рево! Смотрите, сколько он песка привез! — воскликнула она. — А ты можешь еще столько же привезти?

— Могу! — с гордостью ответил Муму-хан. Расул Бикбаев еще с самого начала субботника взял в руки тяжелую кувалду и разбивал на куски неудобные для кладки камни. С полуулыбкой на лице Рево уже давно следил за его работой. Может, грубостью и тяжестью эта работа вызывала у него интерес.

— Муму-хан у нас очень сильный парень. Он тоже хочет разбивать камни. Ты дашь ему кувалду? — спросил я Расула.

— А сможешь ли ты такие камни разбивать? — спросил он в свою очередь Муму-хана. Мы знали, что тут делать, действовали синхронно. Раз он заговорил, нельзя ему давать снова замкнуться. Тут на него посыпались похвалы и комплименты, от которых не только Муму-хан, даже академик потерял бы голову.

— Могу я их разбивать!!! — ответил Рево.

Ничего тяжелее металлической ложки раньше он не держал в своих руках. Сегодня он делает попытку заново возродиться. Это надо понять. Тем не менее, ясно представляя, понимая смысл поставленных перед ним задач, он один за другим начал разбивать крупные камни. Правда, очень неумело...

Вскоре парню стало жарко. Он снял китель, остался в одной тельняшке. Стала лишней и беретка. Снял и ее. Приятно было нам смотреть на него, с мужичьим азартом разбивающего камни, на его красивое, хорошо сложенное тело. А вскоре он и песню запел:

— Врагу не сдастся наш гордый «Варяг», пощады никто не желает...

Все это, казалось, было из области фантастики. Мы слушали его и не верили своим ушам. Ах, Муму-хан, ах, Муму-хан! И память у тебя, оказывается, отличная. Недалеко от их дома ст-

роители заложили какой-то объект. Заложили фундамент, возвели первый этаж, а потом строительство почему-то законсервировали. И вот этот объект, никем не охраняемый, стал отличным полигоном для мальчишеских игр. Однажды, проходя мимо этого долгостроя, я увидел, как мальчишки играли в войну. Им было не больше десяти-двенадцати. Это они пели эту песню. Среди них тогда я заметил и Муму-хана. Он был выше их всех на три-четыре головы. Но в строю обороняющихся мальчишек стоял замыкающим.

Вот эту песню он повторил и сейчас. Только очень жаль, что теперь для него уже многое упущено, безвозвратно потеряно. Если бы его вовремя показали хорошему врачу, он давно бы начал говорить. Если бы в свое время его отдали в спецшколу, кто знает, может, научился бы корзиночки плести или даже, как отец, каблуки подбивать. Свой кусок хлеба имел бы на черный день. А так, кто он?

* * *

Потерявшему достойного партнера по игре Арслану стало скучно.

— Юноша-дэ-Биль, Юноша-дэ-Биль, сейчас я спрячусь. Ты будешь меня искать? — начал он приставать к Муму-хану.

— Буду, буду. Иди прячься, — отвечал Муму-хан между делом. И потом они долго играли с Арсланом. Сходили за водой к родничку. Поскольку Муму-хан был в три-четыре раза выше ростом, Арслан считал его умнее себя. Задавал ему замысловатые вопросы. Маркиз Юноша-дэ-Биль, конечно, не находил на них ответов и усиленно тер свой лоб, грыз ногти...

Этот рассказ можно было бы продолжить дальше. Но для читателя самое приятное то, что наш герой — маркиз Юноша-дэ-Биль заговорил. Какое это теперь для него счастье! Волею своей несчастной судьбы куда бы только он теперь ни попал, сможет попросить глоток воды, кусок хлеба, снять угол для ночлега и спросить направление движения домой. Этому нам с вами не понять: какой это бесценный дар — дар речи!

Словом, так: маркизу Юноше-дэ-Биль отдал я своего бестолкового Дурткюза. Все равно от него пользы нет. Лаять на чужих он так и не научился. Знает на свете одного только Муму-хана. Нет его — начинает выть, горькими слезами плакать. Отдал я его насовсем. Под балконом их квартиры соорудили мальчишки конуру, благо рядом идет строительство. Ребята оттуда притащили досок. И всем двором соорудили не конуру, а настоящий сарай. Дурткюз теперь там живет.

Но жизнь наша, к великому сожалению, состоит из самых непредвиденных катаклизмов. И с Муму-ханом снова случилась беда. Но свой рассказ я хочу закончить на оптимистической ноте. Иначе его не стоило и писать. Я часто вижу, как мимо моего двора проносятся два счастливых существа: это Рево и мой бывший бестолковый Дурткюз. И часто я слышу:

— Привет, старик! Не тужи!

— Привет, привет, маркиз Юноша-дэ-Биль, — отвечаю им. Сердце мое наполняется радостью и дай бог вам счастья и радостных дней и впредь, — говорю им вслед. Говорю от всего сердца...

Постскрипtum. ЧЕЛОВЕК ЗЕМЛИ связался со злом, дьяволом и сатаной. Трудно сказать, кто его сбил с пути, кто оставил его без веры. Вина его не в том, что он не ходит в Храм Божий, а в том, что он стал антихристом в душе. Дьявол и сатана хотят утопить его в грязном море соблазнов.

В знойной и безводной пустыне Жизни мы потеряли ориентиры. В погоне за соблазнами плутаем по тропе спасительного оазиса. Он оказался на краю пропасти. Вот о чем я хотел рассказать в междустрочном тексте своей повести. Вот о чем хотел предупредить. Иначе какой же смысл мне длинные зимние вечера коротать за столом до первых петухов... Вот такие раздумья, от которых становится не по себе, иногда даже жутко, заставили меня сесть за эту вещь.

Быть может, очень ускоренное урбанистическое развитие общества, изобилие всего необходимого, легкая доступность того, чего хочется, и бесчеловечные лозунги такого характера,

как «Мы не можем ждать милостей от Природы, взять их — наша задача!» — сделали нас бездушными, безжалостными и кровожадными вампирами. Человек забыл, что он дитя Матушки-Природы. Причем, любимое дитя. Как добрая Мать она дала нам всего в достатке. А поэтому «взять» — это заведомо обречь всех нас на самограбеж. Грабеж родной Матери. Дальше некуда! Если уж отношения человеческого общества построены на таком принципе, то же самое происходит в каждом отдельном доме, в каждой отдельной семье. А каждая отдельная семья составляет основу целого общества. Человек сегодня на краю пропасти. Мне кажется, спасти его сможет лишь безлимитное обеспечение всех нас милосердием, добротой и любовью к ближнему.

Вот тебе и глупые!

Середина июля, душный день. Время ближе к полудню. На лугу возле извилистой, особенно полноводной в этот дождливый год реки Ик, пасется достаточно многочисленное стадо коров. Красивая, с черно-белыми, словно у сороки, пятнами телка, видимо, устав от окруживших ее назойливых оводов, решила искупаться. Ее попытка неторопливо войти в воду не удалась — берег реки в этом месте оказался довольно крутым, и телка бухнулась в воду. Оказалось, что она умеет плавать. Тут же вынырнула вверх, поплыла. Только вот растерялась, бедняжка. Попыталась выйти на берег. Но река в этом месте очень глубокая, да и течение сильное. Увы, не удастся выйти, берег крут. Течение же все сильнее крутит-вертит. А телка всеми силами пытается попасть на берег.

— Караул! Ой-ой, тону ведь! Спасите! — чувство опасности, страха в глазах. Тщетные ее усилия заметили коровы постарше, которые паслись на лугу. Вот тебе на, тут же бросили это дело и собрались на берегу. Протянули бы руки, попавшей в тяжелую ситуацию телке, вытянули бы, да вот рук нет. Но все же смогли успокоить ее какими-то знаками и кивками.— «Ну-ка, возьми себя в руки! Не мучайся зря, не торопись, ведь в этом месте ты все равно не сможешь выйти на берег. Видишь, какой он крутой. Не теряйся, плыви чуть дальше. Там берег более пологий»,— видимо, было сказано ими. Коровы стоят, склонив голову, как бы выражая сочувствие. Вот такой умный совет на своем языке дали они товарке, попавшей в беду. Я с удивлением наблюдаю за этой картиной.

Наша телочка, послушав совета старших, смело поплыла дальше. Доплыла до мелководья, встала на дно, и, шумно разрезая воду, вышла на берег. Издавала радостное мычание. Тот же час к ней подошли несколько телок. Видно, поздравили с удачным спасением. Во всяком случае, окружив ее со всех сторон, прочитали ей соответствующее наставление. Наверное, посоветовали впредь осторожнее входить в любую воду.

Обычно мы считаем коров равнодушными, беспечными и даже глупыми существами. Вот тебе на, глупые! Вон как помогают друг другу, попавшим в беду. Все вместе, бросив свои дела. Как же тут не удивиться!

Что клюют перепелы?

Возвращаемся из Казани в Альметьевск. Продолжаем ловить удачу за хвост. Решая одни проблемы за другими, припозднились. Водитель Володя Исаев включил фары своей «быстроногой» «Волги» сразу же, как проехали Сорочьи Горы. При подъеме на возвышенность и спуске нам встречаются рассыпанные группами стаи птиц. Мы решили, что это голуби, но ошиблись. Оказалось — перепела, представители вида тетеревиных. Охотники достаточно много истребляют их во время сезона.

Все же в наших лесах и лугах этих живых украшений родной природы пока много. Особенно интересно наблюдать за ними во время уборки урожая. В этот период они бывают очень упитанными, с трудом передвигая задние ноги, они переходят на опустевшую часть по-

ля, оставляя за собой еще необранную комбайном пшеницу. Если не заметить их вовремя, птица, запутавшись в стерне, может попасть в барабан. Поэтому комбайнер не торопится. Останавливает агрегат, ждет, пока перепела не перейдут на другую сторону. Как же не ждать? Не станет же он давить их, торопясь за рекордными показателями в уборке хлеба.

Возвратимся опять к тому случаю. Вроде бы и не то время, когда возят хлеб на элеватор. А может, на асфальт рассыпано зерно или горох, да нет же, откуда? Все же, интересно, что они клюют? Несколько раз останавливали машину и подходили поближе. Ружья у нас в руках нет, да и порохом не пахнет, поэтому птицы особо не пугаются. Заняты своим делом. Оказывается, клюют-то они мелкие камешки с асфальта. А секрет вот в чем. В это зимнее время им приходится питаться лишь не распустившимися, обледенелыми почками вербы-осины да ели-сосны. Если бы, как в былые времена на каждом углу стояли немолотые снопы, копны и стога, было бы немного легче. Только вот нет их сейчас. Видимо, без помощи вот таких мелких камешков, желудок птиц не может переварить твердые почки. И такие необходимые камешки можно найти лишь на асфальте. Ведь все кругом покрыто снежным покровом.

Есть свой секрет и в том, что птицы приходят сюда лишь когда стемнеет. Ведь в это время и охотники не ходят, и борзые собаки валяются дома. Несмотря на то, что малы эти птицы — думать могут! Тетерева, куропатки, вальдшнепы, перепела — все они входят в класс домашних птиц. Среди перепелок есть и перепела. Они исполняют чисто мужскую обязанность — стоят на страже, глядят по сторонам. Тут же сообщают, издают предупреждающий писк, если возникает какая-нибудь опасность.

Мы вновь остановились и, подойдя довольно близко, стали наблюдать за ними.

В этот период зимы, бедняжки, были очень голодны. Что же мы можем сделать, чтобы хоть как-то помочь им? В машине у нас была буханка хлеба на случай остановки в дороге или ночевки. Вот его и крошили. Птицы очень довольны. Соревнуясь друг с другом, торопливо клюют крошки хлеба, благодарят нас.

Раз уж заговорил об этом, добавлю-ка еще и остальное. В начале девяностых в Татарстане было пять-шесть тысяч голов оленей. Кабанов — около 1,59 тысячи. Их очень много в Черемшанском районе. Вечером, перед закатом солнца, лесные поляны наполняются их хрюканьем. Шерсть у них как у зебры — полосатая. Очень красивые. Обычно ходят стадами. Не дай Бог попасться на глаза самцу или еще хуже — не дразни или не порань его! Уничтожит тут же.

Косуль у нас насчитывают около 1,93 тысяч. Их часто встречаются в лесах под Азнакаевом. В вечернее время они даже выходят на обочину и любят понаблюдать за движением снующих туда-сюда машин. Сами очень красивые.

Русаков в Татарстане — около 21 тысячи. Белого зайца больше — 30 тысяч. В наше время у кого только нет огнестрельного оружия. Как только не уничтожают этих самых косых, а они, знай себе, размножаются.

В наших лесах живут около тысячи белок. Очень быстро приручаются они людьми. Во время сенокоса и в шалаш заявляются, и на стол забираются. Не стесняются и своровать хлебшек из сумки, висящей на дереве.

Всего лишь около шестисот бобров есть у нас в республике. Ведь для них нужны лесные ручьи с чистой водой и речки. Где найдешь их в индустриально развитом Татарстане? Если только в реках среди густых лесов, граничащих с Марий Эл и Удмуртией.

Волков около 100 — 120 голов.

Лис больше трех с половиной тысяч. Часто, когда я возвращаюсь с поездок по району, они часто пересекают дорогу. То ли идут куда, то ли возвращаются. Глаза светятся, как фары машин. На лице ухмылка, шельма.

Рыси около 120 голов. Их также много в Черемшанских лесах. Выдры очень мало. Потому что для их размножения нет чистых источников и глухих лесов. Ведь они любят именно это!

Куницы около двух тысяч, а вот норка превышает три тысячи. Среди них много беженцев из клеток звероводческих совхозов, то есть прошедших курс «цивилизации». Им не нужна огромная дыра для побега. Да и адаптируются они к такой жизни очень быстро.

Хорьки и норки обычно обустраиваются ближе к птицефабрикам, которые есть в каждом районе республики. Там уж они никогда не останутся голодными. Если же появится желание обзавестись семьей и детьми, вокруг достаточно брошенных амбаров-складов, да и ящиков-бочек полно на каждом шагу.

А вот медведей почти нет. Иногда они приходят к нам из марийских лесов, появляются в лесах Раифы и Ислетар. Но, видимо, не находят у нас ничего утешительного, поэтому тем же летом уходят обратно.

Вот такие дела, друзья! С одной стороны, в нашей республике, полной химии, автогигантов, где на каждом шагу нефтяные скважины, асфальтовые дороги и нефтегазопроводные трассы, мир птиц и диких животных еще достаточно богат. Потому-то и надо беречь то, что есть! Про это я уже писал много. Если мы останемся одни на земном шаре, то сойдем с ума от одиночества. Увидев перепелов у дороги, торопливо клюющих камешки, я вновь подумал об этом.

Не рой другому яму...

На толстой ветке старой анисовки висит сделанная мной (куда я вложил, сколько мог, душевного тепла) кормушка. Окружив ее со всех сторон, радуясь восходящему из-за горы солнцу, по-своему озорничая и щебеча, клюют корм воробьи, синицы, снегيري. При этом как бы разговаривают. Мол, гляди-ка, как бежит время, действительно, с космической скоростью. Не так уж и много остается до долгожданной ласковой весны. И пока, братцы, нет повода для беспокойства. Будет день, будет и пища. Вот, пожалуйста, убедитесь сами, клюем золотое пшено. Спасибо хозяину, не перестает кормить нас в тяжелое зимнее время. Короче говоря, на жизнь пока грех жаловаться. Надо быть довольными и продолжать жить. Вот, наверное, об этом и говорили птички.

Да, это, действительно, так. Если в это трудное зимнее время не протянешь руку помощи, плохи дела у птичек. Чем же им питаться? Бабочек нет, черви, гусеницы, насекомые — под снегом.

В прошлом году зима в наших краях была на редкость суровая. На улице то и дело попадались замерзшие воробьи и синицы. Только вот причиной их смерти стал не мороз, а голод. Если бы они были сытые! Тогда им не страшны морозы даже в 50–60 градусов. Потому что их шубки очень теплые. Надо лишь подкармливать их в это время.

Около наших домашних построек, на крыше сарая, на карнизе бани, в щелях гаража живут около ста пятидесяти разных птиц. Это уж наши, свои воробьи. Живут у нас, растягивают птенцов. Узнают нас, приветствуют, даже корм клюют с ладони. Короче говоря, наши птицы. И где только они не гнездятся! Одна семейка очень умного воробья свила гнездо в железной трубе с толщиной опоры для ворот. Эта труба выполняет обязанности столба для забора позади бани. Ее высота приблизительно полтора метра. Когда появляются птенцы, труба аж гудит. Соседские коты возятся вокруг нее, как будто их магнитом притягивает. Но гнездо-то находится очень глубоко. Не то что коты, а даже мальчишки не могут достать до нее рукой. Воробьи пулей вылетают из трубы и возвращаются, будоража котов, дремлющих на заборе. Птицы живут себе припеваючи, пять-шесть раз в год радуя потомством. Как же им пришла в голову такая светлая мысль — загнестись в трубе?!

Вот и сегодня на старую яблоню слетелись все соседские воробьи и синицы, с удовольствием клюют пшено. Гвалт, щебет — чудо, одним словом. И, надо же, в это время, откуда ни возьмись, появился ястреб — кровожадный разбойник. Птицы тут же разлетелись кто куда, хоть бы одна осталась.

Ястреб, словно заглушивший мотор самолет, не размахивая крыльями, покружил над двором и сел на рябину возле забора. Вернее, спрятался, притаился. Мне известны повадки этой птицы. Только ему и надо поручать кражу утят и цыплят. А пока их нет. Но душа-то просит вкусенького мяса. Он сегодня явно прилетел с намерением схватить упитанного воробья или глупую разиню синицу. Только вот не знаю, получится ли это у него? Не похожи на глупых наши дворовые птицы. И все же я решил понаблюдать за этим представлением до конца.

Видимо, птицы решили, что разбойник полетел своей дорогой.

Вновь облепили кормушку. Выражая радость щебетанием, продолжая хвалить пшено.

В это время ястреб, наблюдавший из-за густых ветвей рябины, видимо, решил: «Надо рискнуть! Час пробил!» И бросился на птиц, словно стрела. Но, оказывается, и те не промах. Видно, за свою жизнь и не такое видели. У них, видимо, есть стражи, которые стоят на посту, пока другие питаются. Вот они-то и сообщили об опасности. Птицы в один миг разлетелись в разные стороны.

А у ястреба глаза застелила кровавая пелена. Бешеная скорость... Смогут ли сильные крылья спасти его от верной гибели? Ой ли... Одно из двух: или превратится в лепешку, ударившись о кормушку, или как снаряд упадет в глубокий снег. Не выживет в любом случае. И все же, с большим трудом ястреб попытался изменить направление движения. С этой скоростью налетел на яблоню. С треском поломались сухие ветви. Бедняжка, очевидно, сильно повредил крылья. Еле удержался на одной из веток. И тут же шлепнулся на снег. Лежит, не двигается.

Думаю, постой-ка, подойду, погляжу, может жив. Может, и помощь моя нужна. Но за этим представлением, кроме меня, оказывается, наблюдали и другие хищные глаза. Пока я натягивал валенки, к лежащему на снегу ястребу подбежал соседский кот по прозвищу «Наполеон». Честно говоря, он и сам не из сердобольных душ. Давно пользуется дурной славой вора соседских цыплят. Прямо из-под моего носа схватил ястреба и пулей выбежал в дровяник соседей. Оттуда его и трактором не вытащишь. Когда сворует цыпленка или утенка тоже туда тащит, шельма.

— Эх ты, глупый шайтан! — ругаю ястреба. Хотя ты и сам разбойник, все же жаль тебя. Не успел ведь дойти первым. Может, как-то помог бы, крылья подправил. Истина такая есть: «Не рой другому яму, сам в нее попадешь». Вот тебе подтверждение этой истины. Прилетел за воробьем, а сам попал в когти кота...

А птицы, словно ничего и не произошло, вновь тучей облепили кормушку. Радуюсь восходящему солнцу, озорничая друг с другом, щебеча вновь принялись клевать корм.

Щедрый Ежик

Сказка

На красивой солнечной полянке, у основания засохшего после удара молнии дерева, жила-была большая семья Ежика. Так уж бывает в многодетных семьях, родители не могут унять всех и уследить за всеми. Поэтому то один шалит, то другой озорничает. В таких семьях и прутьев-то не хватит, чтобы пошлепать шалунов. Но все же эта семья живет очень дружно. Старый Ежик каждый день встает рано утром и уходит на базар за яблоками. Потому что его дети яблоки любят намного больше, чем конфеты, шоколад и даже сникерс. Лишь глаза открывают после сна, тут же начинают просить у папы яблоки. Что же остается делать отцу, как не пойти на базар?!

Вот и сейчас Ежик идет домой с базара, шагает по большой дороге. На голове шляпа, в руке посох из орехового дерева, на спине — котомка, полная яблок. На поясице — ремень, на ногах кирзовые сапоги. Шляпа дырявая, сапоги тоже просят каши. Так уж всегда бывает в многодетной семье, откуда же денег взять, чтобы на все хватило?

Идет неторопливо, покуривая трубку, постукивая посохом «тук-тук», «тук-тук». Дядя Ежик купил на базаре яблоки для своих детей, оставшихся на лесной полянке. Настроение у него отличное. Несмотря на то, что прошагал довольно-таки большое расстояние, он нисколько не устал.

В это самое время, прыгая с дерева на дерево, с куста на куст, на встречу ему вышла длиннохвостая, с блестящими бегающими глазками Белка. Красивая, в сверкающем меху.

— Дядечка, Ёжик, ты ли это? Откуда возвращаешься? — спросила она.

— С базара.

— С база-а-ра? — переспросила своим тоненьким голосочком Белка.— А зачем ты туда ходил?

— За яблоками. Мои очень любят яблоки.

— Ого-го! Кто же не любит яблоки? И я их люблю. Только вот боюсь ходить на базар. Вдруг поймают мальчишки или еще хуже — закидают камнями... Дядечка Ёжик, дай мне, пожалуйста, хотя бы одно яблочко. Я ведь мастерица собирать орехи. Когда они поспеют, я наберу тебе полную шляпу.

— Ну, ты скажешь, деточка Белочка! Тоже мне, нашла богатство — яблоки! На, хоть пять яблочек бери. Выбирай, что тебе по душе, — с такими словами Дядя Ёжик развязал мешок и поставил его перед Белкой.

— До чего же ты щедрый, Дядечка Ёжик! Наверняка, самый щедрый во всем лесу. Большое тебе спасибо! — сказав это, Белка выбрала из мешка одно яблоко и, похваливая его, исчезла, прыгая с куста на дерево, с дерева на куст. Остались лишь покачивающиеся ветви.

Лишь несколько шагов успел сделать Дядя Ёжик, как перед ним возник заяц. Трусишка стоит и смотрит по сторонам, лишь уши трясутся. Как же не будешь смотреть, а вдруг появятся злые собаки?

— Ой! Кто это? Ты ли, Дяденька Ёжик? Откуда возвращаешься? — спросил Заяц. А сам то и дело смотрит по сторонам.

— С базара, — ответил Ёжик.

— С база-а-ра? — переспросил Заяц, удивленно.

— А что купил?

— Яблоки. Вот они, в мешке, на моей спине.

— Ябло-о-ки! Ай, как я их люблю. Не дадите ли мне попробовать хотя бы одно?

— Как же не дать! Тоже мне, нашел богатство — яблоко! Выбери самое вкусное, что тебе по душе. — Ёжик развязал мешок перед Зайцем.

— До чего красивые вот эти! А эти, наверное, медовые, наливные, — с такими словами Заяц выбрал два яблока. — Какой Вы щедрый, Дяденька Ёжик, во всем лесу не сыщешь такого другого, — поблагодарил Заяц и пошел своей дорогой.

А Ёжик, покуривая, продолжал шагать к лесу, где на солнечной поляне его ждали дети.

В это время из-за высокой, выросшей почти до неба ржи, подозрительно посматривая по сторонам, помахивая длинным хвостом, появилась Хитрая Лиса.

— Ого! Я и не узнаю, кажись, это ровесник мой Ёжик? Сколько лет живем в одном лесу, а увидеться времени все не хватает. Ведь каждый живет своими хлопотами... Откуда возвращаешься, Ёжик? Может быть ты ходил в гости, и тебя угощали вкусной курятиной? А?

— Как бы не так! — сказал Ёжик. — С базара возвращаюсь. Туда ходил. За яблоками. Мои очень их любят.

— Яблоки, наверное, только глупые не любят, — облизнулась Лиса. — Их и я люблю. Особенно сорт «Антоновка». На базар и я бы пошла, да боюсь. Говорят, что сейчас вокруг базара бродят много злых собак, борзых. Если я пойду туда, попадусь к ним на глаза, ведь будут приставать, дергать меня за хвост. Только вот и яблочко скушать очень уж хочется. Даже за одно яблочко, которое ты мне дашь, я буду очень благодарна. Сам знаешь, одно «спасибо» выручает из тысячи бед. А нас, жителей леса, эта самая беда подстерегает на каждом шагу.

— Да, так-то оно, так, — согласился Ёжик. Да и ты, тоже мне, нашла богатство — яблоко! Выбирай, какие нравятся, — и открыл мешок перед Лисой. Только вот что ни говори, несмотря на свой ум и хитрость, Лиса по-прежнему остается ненасытной душой.

— Это — мне, это — старшей дочери, а вот это — младшему сыночку, — с такими словами Лиса набрала полную охапку яблок. Не побеспокоилась даже, мол, останется ли тебе самому, дружок Ёжик. Помахивая хвостом, ушла своей дорогой.

А Ёжик продолжает шагать, держа в руках уже полегчавшую котомку. Вон и до лесной поляны остается не так уж далеко. Там ждут его детки. В это время, откуда ни возьмись, навстречу попался Серый Волк. С потертой шерстью и высунутым длинным языком.

— О-о-о! Кого я вижу! Колючий, да не ты ли это? — проговорил хриплым голосом Волк, протирая воспаленные глаза и отмахиваясь от мух.

— Кто же? Я! — ответил, покашливая Ёжик.

— Откуда путь держишь? Куда идешь? — спросил Волк, приседая на обочину дороги.

— Да с базара.

— С база-а-ра! Продал что или купил?

— Да вот, ходил за яблоками.

— За яблоками!?! — переспросил Волк. — Есть же счастливики на этом свете. Те, кто с удовольствием может хрумкать яблоки. Не дашь ли и мне, хотя бы одно? С тех пор, как по телевизору начали показывать мультфильм «Ну, погоди!», все считают меня глупым и бестолковым. Как увидят, начинают тыкать пальцем и хохочут, держась за живот. Из-за этого я чувствую себя униженным, мне стыдно показываться всем на глаза. Как же я пойду на базар?

Ёжик постукал погасшей трубкой о подметку сапога.

— Ох уж, браток Волк! Тоже мне, нашел богатство — яблоки! Выбирай, что по душе, бери сколько хочешь, — и развязал мешок перед Серым Волком. Там уж и яблок-то осталось всего ничего.

— Вот эти особенно крупные, красные, круглые, — приговаривая, выбирал Волк и набрал полную охапку яблок. — Колючий друг, ты — самая щедрая душа, — пошел и похвалить не забыл.

На той самой тропинке, которая поворачивает к поляне, Ёжик встретил Господина Мишу Косолапого. Медведь лижет стопу задней ноги. На пеньке разложил разные лекарства, йод, марлевые пакеты.

— Дружок Косолапый, что же с тобой случилось? — на этот раз обратился сам Ёжик.

— Охо-хо, друг Ёжик, не спрашивай, очень плохи мои дела, жалуйся-не жалуйся, — простонал Медведь.

Ёжик все же переспросил:

— Скажи, что произошло? Чем я могу тебе помочь?

— Да все одно, ненасытность моя чуть не погубила меня, — махнул рукой Косолапый. — Ты же сам знаешь, на той стороне леса есть большая пасека. Вот туда я и ходил. Хотел полакомиться медом. Ох уж, и охоч я до медку, нетерпеливый; ну никакой силы воли нет. Очень удачно перепрыгнул через высокий забор. Открыл крышку одного из ульев. А там — как будто только меня и ждали! Черной тучей вылетели пчелы и как начали меня кусать! Убегая от них, наступил на осколок стекла. Поранил стопу. Вот и сижу сейчас, лечу ногу. Боюсь, вдруг попадет мусоринка на рану и повредит ее еще больше. Языком почищу, намажу йодом да и завяжу покрепче. Только вот не знаю, заживет ли? Что же я буду делать, если останусь хромым? И так уж косолапым называют. Хотел обратиться к доктору Айболиту, да он, отказывается, ушел в отпуск. Лазарет его закрыт, на двери — большой замок.

— Да не горюй ты, заживет, обязательно заживет, — приободрил его Ёжик. Открыл мешок. Там оставалось всего два яблока. Дядя Ёжик протянул их Косолапому.

— Вот, поешь-ка эти яблоки. Тут же станет легче.

— До чего же ты щедрая душа, сосед Ёжик. Ничего не жалеешь, не прячешь от своих друзей-знакомых, — улыбнулся Косолапый. И начал пробовать яблоки. — Какие же вкусные яблоки ты мне дал. Наливные, медовые! Съем их — тут же нога моя заживет.

А мешок у Ёжика теперь совсем пустой. Что же он скажет своим деткам, чем их угостит? Видимо, скажет, мол, завтра принесу.

В то время, когда Дядя Ёжик, помахивая пустым мешком, вышел на полянку, где его ожидали дети, перед ним возник Волшебник. На нем — белоснежный халат, подпоясанный красным кушаком, на голове — шапка из меха выдры, на ногах — вышитые ичиги. И не шагает — как будто парит над землей. Сам таинственный, и выражение лица таинственное. Такие уж они — волшебники. В правой руке у него — волшебная палочка.

— Колючий, откуда возвращаешься такой уставший? — обратился он первым к Ёжику.

— Да вот, на базар ходил, — ответил Ёжик, помахивая пустым мешком. — За яблоками.

— Мешок-то пустой, кажись? Не нашел, что-ли, яблок-то?

— Найти-то нашел...

— Знаю, знаю. Я все видел, — прервал его Волшебник. — Щедрость твоя льется через край. Надо было хотя бы по одному яблоку оставить каждому из твоих детей. Все же, мы, волшебники, всегда готовы помочь щедрым. Ты, наверное, и не знаешь, каким волшебством и силой мы обладаем?

— Чутьочку слышал, конечно, — шмыгнул носом Ёжик. — Но все же как бы ты ни старался войти в мое положение, не сможешь в сию минуту наполнить мой мешок яблоками.

— Зачем же мешок наполнять? — сказал Волшебник. Улыбнулся и прищурился хитро. Взмахнул налево и направо волшебной палочкой, проговорил слова, обладающие таинственной силой: «Табиня, шабиня, пусть растет здесь яблоня! Пусть яблок будет много и много наливного!» — после этих слов на глазах у Ёжика посредине поляны выросла большая яблоня. На ее ветвях было очень много яблок. Яблоки крупные, наливные.

— Не верю глазам своим,— удивился Ёжик.— А можно собрать с этого дерева хоть немного яблок?

— А зачем собирать-то? Норка-то твоя, где ты живешь с детьми, с семьей — в двух шагах. Пусть дети твои придут сюда и сами соберут яблоки, которые им нравятся. Эта яблоня будет расти и летом, и зимой. Ее ветви всегда будут усыпаны яблоками. Мы, волшебники, не любим лишь жадин. А вот щедрым всегда готовы прийти на помощь,— сказал Волшебник и тут же исчез. Видимо, поспешил на другую сторону большого леса, чтобы помочь такому же щедрому чудаку.

С небольшого ручейка

С того дня прошло уже семнадцать лет. Но я сегодня нахожусь под впечатлением увиденного и услышанного. Никогда мне не забыть того большого и очень серьезного разговора, который состоялся в августе 1987 года на берегах священного седого Байкала. Прежнее его название Бай-куль, что значит в переводе с татарского богатое озеро. Почему седого, спросите вы. Как озеру не быть седым, если ему, как определили ученые, более двадцати пяти миллионов лет. А почему священный? Таким считают его жители, все население этого огромного края. И не зря. Люди, народы, живущие на его берегах, всегда были одеты, обуты и сыты. Жили счастливо и в достатке.

Встреча ведущих ученых, писателей, журналистов, государственных и общественных деятелей России и Японии на берегу Байкала состоялась прежде всего по инициативе японских деятелей. Первыми они забили тревогу. О чем?

Торжественное открытие форума состоялось в крупнейшем экономическом и культурном центре Восточной Сибири в столице этого огромного края городе Иркутске. Он расположен у впадения в Ангару реки Иркут, в 66 километрах к Западу от озера Байкал. Эта встреча ведущих экологов в основном двух стран, России и Японии, вошла в историю как «Иркутская встреча». А на Байкал нас ежедневно возили на самых быстрых катерах и ракетах с подводными крыльями.

Участникам форума было о чем говорить и обращаться ко всей мировой общественности. Дело в том, что на нашей планете, особенно в развитых странах, не с каждым годом, а с каждым днем все острее и острее ощущается нехватка пресной, то есть самой простой питьевой воды. Совсем скоро просто нечего будет пить. Все это кажется невероятным, но факты, как известно, упрямая вещь. В тех странах, где нехватка питьевой воды особенно остро ощущается, проблему стараются решать по-разному: бурят глубокие скважины, копают колодцы, строят атомные станции-опреснители. Впрочем, четыре шведских инженера, чтобы кардинально решить проблему питьевой воды для прибалтийских стран, создали проект и успешно защитили авторские права строительства атомной станции по опреснению морской воды в самой середине Балтийского моря. Идея есть, создан и проект. Но кто возьмется за строительство? Чтобы построить такую станцию нужны миллиарды и миллиарды долларов.

Есть и другой интересный проект. Нехватка питьевой воды особенно ощущается в странах Западной Европы. Авторы этого проекта предлагают вот какой выход, казалось бы реальный. С приходом весны с Ледовитого океана в сторону Европейского материка берут курс огромные массы пресной воды — айсберги. Авторы проекта предлагают встретить эти айсберги еще в пути к матерiku. Разрубать их на куски, погружать на баржи и отправить туда, где нужна питьевая вода. Казалось бы, идея реальная, если бы речь шла лишь о таблетках, скажем, от головной боли. Выпил — легче стало, не выпил — так прошло. Но ведь питьевой воды ежедневно, ежечасно нам нужно очень и очень много. Можно ли обеспечить целые страны питьевой водой, подвозя ее на баржах, пусть даже на самых крупных баржах? Мечта несбыточная. Иногда мы просто не задумываемся, утром обязательно открываем кран, наполняем чайник, ставим на плиту. Что это за вода? Отвечает ли она допустимым нормам по чистоте, по минеральности? По солености, наконец. А ученые знают. Во мно-

гих странах люди уже сегодня пьют воду, далеко не отвечающую допустимым нормам. Отсюда и многие болезни, ослабленные дети.

Чтобы как-то решить эту задачу ведущие экологи двух стран собрались почему же именно на берегах Бай-куля? А дело в том, что в Бай-куле сосредоточено 1/5 часть мировых запасов поверхностной пресной воды. Вот каким бесценным богатством мы располагаем! Еще раз прошу обратить внимание, в Байкале пятая часть всех мировых запасов и более 80 процентов пресной воды России! Невольно рождается естественный вопрос, знаем ли мы ему цену?

Наш Бай-куль самый глубокий континентальный водоем на всем Земном шаре! В него впадает 336 рек и речек. Из них наиболее крупные Селенга, Баргузин, Верхняя Ангара, Турка. А вытекает лишь одна река — Нижняя Ангара. Площадь Байкала — 31,5 тыс. кв. километров. Чтобы зрительно это себе представить, привожу такой пример. Территория нашей республики 69 тысяч кв. километров. Значит, площадь Байкала это почти половина территории нашей республики! Длина Байкала 636 км. Средняя ширина от 48 до 79 километров. Средняя глубина 730 метров. Самые глубокие места достигают 1620 метров. Водосборный бассейн составляет 557 тысяч кв.км. Объем массы чистой, пресной воды 23 миллиона кубических метров! Воды Байкала удивительно чисты и прозрачны, глубина просматривается до сорока метров. Они мало минерализованы, слабощелочные, то есть вода этого священного озера очень мягкая и приятная на вкус. Общее содержание солей не превышает 150 миллиграммов на литр. Воды Байкала богаты кислородом по всей толще максимальной глубины.

Богат и разнообразен растительный и животный мир озера. Его водную толщу от поверхности до максимальной глубины населяют около 600 видов растений и свыше 1200 видов животных. В них обитают 50 видов рыб и 7 семейств. Из Байкала вытекает река Нижняя Ангара, впадающая в Енисей.

На «Иркутской встрече» с конкретными деловыми предложениями выступили инициаторы этого форума — японские экологи. Они заслуженно гордятся своим пресноводным озером Бива. Япония в промышленном отношении сильно развитая страна. Проблема обеспечения населения страны чистой, вкусной питьевой водой у них так же находится в центре внимания общественности и государства.

Озеро Бива находится на острове Хоисю. Площадь 716 кв.км. Длина 63, ширина 20 километров. Японцы — очень умный народ. Несмотря на развитую промышленность и густонаселенность, озеро Бива они берегут как зеницу ока. Природоохранные мероприятия по обеспечению санитарной чистоты и прозрачности вод озера выполняются аккуратно и четко. У них принято ежемесячно проводить день санитарной очистки водоемов пресной воды: озер, родников, речек и ключей. Иначе никак нельзя. Глоток чистой студеной воды. Что еще может быть дороже человеку? Только глоток чистого воздуха.

Если уж говорить об озерах, еще одна огромная чаша пресной, питьевой воды есть в Армении. Это красивейшее озеро Севан. Оно расположено на высоте 1900 метров над уровнем моря. В Севан впадает 28 небольших рек. Вытекает лишь одна — река Раздан. Площадь Севана 1 360 кв. километров. Наибольшая глубина — 85 метров. Севан — излюбленное место отдыха жителей Армении. Вместе с тем правительство Армении проводит постоянную целенаправленную работу по защите от засорения озера бытовыми и промышленными отходами.

На этой встрече присутствовали и очень известные писатели. Принял участие и выступил с интересным сообщением человек всегда с приятной улыбкой Чингиз Айтматов. На его родине в Киргизии, на севере Тянь-Шаньских гор, тоже есть одно из крупных горных озер мира — озеро Иссык-куль, по-киргизски *горячее озеро*. Площадь его 6 236 кв.км. Длина 178 км, ширина более 60 км. Глубина порядка 668 метров. Объем воды 1 738 кубических метров. В Иссык-куль впадает свыше пятидесяти рек и речушек. Прозрачность до 12 метров. Вода в нем приятного голубого цвета. Но, к великому сожалению, она совершенно не пригодна для питья, даже для орошения. Вода Иссык-куля солоноватая до 5,8 процента. Но Иссык-куль — красивейший уголок нашей планеты. Об этом вдохновенно рассказал Айтматов. В многочисленных теплых и уютных заливах озера ежегодно на зимовку слетаются до 20 — 25 тысяч особей водоплавающей птицы: гуси, лебеди, нырки, кряки. Иссык-куль — гордость и радость киргизов. По всему побережью построены многочисленные дома отдыха, пансионаты, курорты, детские лагеря и турбазы.

Чтобы легче было зрительно представить себе площадь, занимаемую Байкалом, я уже говорил, что территория его равна почти половине нашей республики. Но, тем не менее, приехавшие на «Иркутскую встречу» американцы изъявили желание купить, то есть приобрести в свою собственность священный Байкал.

— За ценой мы не постоим,— заявили они смело и решительно. Их можно понять. Промышленно очень развитая и густонаселенная Америка так же остро нуждается в запасах питьевой воды. Вопрос необходимо срочно решать. Конечно, погрузить на трайлеры и перевозить в свою Америку наш Байкуль они не собираются. Это и невозможно. По всему периметру вокруг озера они хотят построить трехметровой высоты бетонный забор и поставить вооруженную охрану. Попробуй, к озеру подойди. Теперь оно частная собственность. Без разрешения хозяина не имеешь права почерпнуть даже кружку воды. Она охраняется законом. А вкусную, не щелочную, мягкую воду Байкала они намереваются возить в Америку в огромных алюминиевых цистернах, чанах-пузырях. Эти цистерны не будут даже грузить на баржи. Из сорокапятидесяти цистерн компануют составы и через весь Тихий океан будут буксировать к своему материку. Удобно, не хлопотно и дешево!

Этими словами я еще раз хочу подчеркнуть, как остро стоит сегодня перед правительствами государств проблема обеспечения населения своей страны глотком чистой, прозрачной родниковой воды. На этом добром форуме мы единогласно приняли «Обращение ко всем народам всего мира», в котором смело заявили, что самый маленький родничок, в каком бы уголке земного шара он ни находился, является бесценным достоянием всех жителей нашей планеты. Это значит и ты, и я ответственны за сохранение этого дара Матушки-Природы. Спасение их — дело, и неустанная забота всего человечества.

После этих слов я спешу вернуться в нашу республику. Татарстан богат реками и речушками, красивейшими озерами. В «Обращении ко всем народам мира» мы объявили, что каждый родник или родничок является бесценным достоянием жителей всей нашей планеты. А сколько же родников и ключей в нашей республике? Пожалуйста, с радостью привожу эту цифру. В нашем Татарстане сегодня на учете 2 765 родников и ключей.

В этой связи мне хочется повести разговор о маленьких, звонких ручейках. Ибо самые огромные чаши питьевой воды, будь то Байкал, Севан или Бива, питаются прежде всего крохотными родничками. Живут и пополняются за счет их вод. Родник! Слово-то какое родное, нежное, сердцу близкое. От корня «род». С извечным назначением родить, обновлять, преобразовывать. И люди испокон века к роднику, думается мне, приходили не только за студеной водой. . .но и родниться друг с другом.

Да, так оно было на самом деле. Для современного горожанина, пьющего воду из крана, да и сельчанина, берущего ее из колонки напротив своего двора, эти мои слова наверняка звучат смешным архаизмом. Нет у людей, к сожалению, былой любви к родникам и колодцам. Многие родники и ключи, когда-то бывшие гордостью села и всей округи, сейчас находятся в заброшенном состоянии. А то и вообще являются местом сброса и свалки домашних отходов.

В Башкортостане, в городе есть общественная организация любителей природы родного края под названием «Сохраним реку Ик для потомков!» Экологи-энтузиасты города создали организацию. В этом году она отметила свое десятилетие. Общество «Сохраним Ик для потомков!» ежегодно проводит мероприятия-походы по спасению Ика. В основном это экспедиции на шлюпках, плотках, надувных лодках. По ходу всей экспедиции участники похода ведут дневниковые записи о состоянии реки, о засоряющих ее фактах. В течение последних семи лет я — постоянный участник этих походов. В пути мы останавливаемся, бросаем якорь в прибрежных селах, выступаем с лекциями, проводим беседы. Но несмотря на все наши старания, красивейшую, когда-то очень полноводную и рыбную реку Ик, мне кажется, ожидает страшное будущее. Нельзя этого допускать! Нам надо образумиться. Ни от кого не зависящие энтузиасты общества «Спасем Ик для потомков!» в этом направлении делают большое и очень полезное дело. Они успели уже выпустить и пару книг. Старожилы мне рассказывали, что еще совсем в давние времена по Ику торговые баржи купцов поднимались до Мензелинска за пшеницей. А теперь? Куда там! Местами воды здесь воробью по колено. Катамараны, свои надувные лодки местами нам приходится тащить волоком. Причина очень понятная — Ик не пополняется за счет родников и ключей. Во многих местах их просто уже нет или они завалены мусором. Мало того, десятки сельхозкооперативов берут воду из Ика для полива своих лугов и пастбищ.

Мое детство прошло на берегу красивой некогда речки Аштыт. Из-за любви к ней ее название взял себе литературным псевдонимом. Писатель Альберт Аштыт — это я. Много ночей провел я в шалаше на ее берегу, встречая зори с удилищем в руках. Много было рыбы в Аштыте. Сегодня эта река на моей родине в предсмертной агонии. По сути она осталась лишь на географических картах, а с лица земли почти исчезла.

Тем не менее наша республика очень богата малыми и средними реками. Я охотно берусь познакомить вас со многими. Самая крупная из них Вятка. Длина ее 1 341 км, в пределах нашей республики длина по левому берегу — 58 км, правый берег — 70 км. В Вятку впадает девять притоков длиной более 10 км, шесть из которых протекает по территории Татарстана: реки Консарка, Лубянка, Умяк, Арпач-Кумазанка, Анзирка и Ошма. Основным источником загрязнения бассейна является сельскохозяйственное производство. В водосборе Вятки расположено 11 животноводческих ферм. Все они являются источниками интенсивного загрязнения и расположены в водоохранной зоне. К числу загрязнителей отнесено также 12 летних лагерей содержания скота, расположенных в прибрежной полосе.

Свияга

Река Свияга берет свое начало в Ульяновской области. Длина водотока от истока до устья — 375 км. Основные притоки Цильна, Карла, Була, Улема, Бирля, Кубня, Чильга, Кильна, Бия, Имешен.

Казанка

Река Казанка является притоком Волги и впадает в нее на 1826 км от устья в районе г.Казани. Длина — 142 км. Казанка имеет 31 приток, наиболее крупными из них являются Пшальма, Ия, Утня, Кисьмесь, Сула, Киндерка, Солонка, Сухая и Нокса.

Малый Черемшан

Река Малый Черемшан берет начало в 9,7 км к юго-востоку от села Покровка Ново-Шешминского района. Длина его 192 км. Река принимает 19 других притоков длиной более 10 км и 78 притоков длиной менее 10 км. На водосборе реки Малый Черемшан расположено 551 озеро и 30 прудов общей площадью 259,7 гектара. Источниками загрязнения являются животноводческие фермы, склады минеральных удобрений, летние лагеря содержания скота, скотомогильники и 12 кладбищ.

Иж

Бассейн реки Иж территориально расположен в пределах двух республик: Татарстан и Удмуртия. Иж имеет 26 притоков: реки Варзи, Чильгинка, Варзинка, Кырыкмаз, Бима, Кулегаш и ручей Крындинский Лог.

В бассейнах Ижа имеется 9 прудов, закрепленных за хозяйствами, и 257 пойменных озер.

Ик

Ик берет начало в Башкортостане и впадает в реку Кама на 118 км от ее устья. Длина — 571 км. Принимает 214 притоков общей длиной 503 км. В бассейне Ика 550 озер.

Шешма

Шешма берет начало в пределах Бугульминской возвышенности. Длина — 259 км. Имеет 37 притоков, наиболее крупные из них река Кичуй и Лесная Шешма.

Мензеля

Река Мензеля является основным притоком реки Ик. Длина — 147 км. Имеет 12 притоков. Притоки реки маловодны. Некоторые из них в летнее время совсем пересыхают.

Меша

Река Меша берет начало в Кукморском районе. Длина — 204 км. В пределах водосборной площади расположены территории следующих районов: Кукморского, Сабинского, Мамашинского, Балтасинского, Арского, Пестречинского, Рыбно-Слободского и Лаишевского. Меша имеет шесть притоков: реки Кыса, Зазмаш, Нырса, Киба, Нурминка, Сула и Шемелка. В пределах водосборной площади расположены 58 хозяйств. Крупных промышленных объектов на водосборе нет. Здесь расположено два сельских райцентра: Богатые Сабы и Пестрецы.

Актай

Она берет свое начало в селе Верхние Матаки Алькеевского района. Длина — 81 км. Основные притоки: овраг Вершина Актая, речки Челнинка, Силманка, Ромоданка и Сушка.

Есть еще реки Аря, Була, Бия, Бува, Бездна, Имелли, Кубня, Нокса, Цилька, Кильна, Гильга, Карла, Степной Зай, Сухая Улема, Сумка, Тойма, Шешма, Улема, Стерля, Мелля, Шумбут. Почему я их всех перечисляю? Потому что они наверняка очень дороги тем, кому посчастливилось родиться на их берегах.

Разделяю радость своих читателей. Просьба только одна: давайте к этим речкам и речушкам и впредь будем внимательны, заботливы, по-хозяйски бережливы! Мы все очень дорожим воспоминаниями о своем детстве. Понятие Родины связано в каждом из нас прежде всего с детскими впечатлениями от окружающего нас мира.

Содержание

От автора	
Школа жизни	
Ландыши	
На огуречной грядке	
Маленькая трагедия в большом лесу	
Живут как кошка с собакой	
Непрошенные гости	
Большая умница	
Бим и Актырнак	
И такое бывает	
Лесные гости	
Ночной визит	
Безвестные воришки	
Зачислены в штат... ..	
Косуля Грустинка	
Помощь подоспела вовремя	
Жаворонки	
Встреча на лесной дороге	
Бородач	
Буян	
Клад	
Однажды весной... ..	
Быть может, просто пошутила... ..	
Страху я натерпелся... ..	
Волшебный корень	
Нежный гость из дальних мест	
Родной кров	
Ох, и напугали мы лисенка	
Котенок, который любит париться	
Одиночество	
Встреча с великаном	
Дело Патрикеевны	
Редкий экземпляр	
О пауке и семиточечной божьей коровке	
На лесной поляне	
В гостях у Тагира и Зухры	
Белое и черное	
Верность	
Подарок на свадьбу	
Кремень Шагит и жадный дракон	
Не это здесь самое главное	
В санатории... для лошадей	
Полет пчелы	
Любимое дитя природы	
Вот тебе и глупые!	
Что клюют перепелы?	
Не рой другому яму... ..	
Щедрый Ёжик	
С небольшого ручейка	

Издание для детей и юношества

Хасанов Альберт Бариевич

Полет пчелы

Рассказы о природе, зверях и птицах

(На русском языке)

Редакторы *Ч.А.Гайфуллина, Р.Х.Курбанов*
Художник *В.В.Булатов*
Художественный редактор *Р.Г.Шамсутдинов*
Техническое редактирование и компьютерная верстка *А.С.Газиззянова*
Корректоры *А.Г.Хамитова, Н.И.Максимова*

Лицензия на издательскую деятельность № 04184 от 6 марта 2001 года.
С оригинал-макета подписано в печать 3.03.2005.

Формат 70¹/₁₆100¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «School Book».

Печать офсетная. Усл. печ.л. 14,30 + форз. 0,33. Усл. кр.-отг. 30,55.
Уч.-изд. л. 13,23 + форз. 0,47. Тираж 2000 экз. Заказ А-93.

Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул. Баумана, 19.
<http://www.tatarstan.ru/books/>
e-mail: tki@books.kazan.ru

Оригинал-макет подготовлен с помощью пакета программ Jahat™.

ОАО «Идел-Пресс».
420066. Казань, ул. Декабристов, 2.